

ВЕСТНИК государственного университета «Дубна»

#2 2016

Серия
«Науки
о человеке
и обществе»

Электронный
научный
журнал

Тема номера:
ЗАБОТА О СЕБЕ И ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ

Редколлегия

Багдасарьян Н.Г., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и гуманитарных наук – **главный редактор**;

Боклагов Е.Н., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных наук – **заместитель главного редактора**;

Воинова А.А., аспирант кафедры социологии и гуманитарных наук ФСГН – **ответственный секретарь**;

Члены Редколлегии:

Назаретян А.П., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шимон И.Я., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и гуманитарных наук;

Шатуновский И.Б., доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики, научный руководитель кафедры лингвистики;

Меццераков Б.Г., доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, научный руководитель кафедры психологии;

Хозиев В.Б., доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой клинической психологии;

Михайлова Н.В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин.

Содержание

<i>Колонка главного редактора</i>	4
<i>Багдасарьян Н.Г. Забота о себе в контексте идентичности</i>	4
<i>Тема номера: «Забота о себе и проблема идентичности»</i>	5
<i>Болотникова Е.Н. Специфические черты заботы современника о себе</i>	5
<i>Козлова М.А. Мораль заботы о себе в социологическом подходе к современности</i>	13
<i>Корецкая М.А. Идеал автаркии: от суверенной власти к биополитике</i>	20
<i>Комова Т.А. Автор и его герой как проблема идентичности</i>	29
<i>Тарновский К.Ю. Кризис самоидентификации в постиндустриальном обществе: российская специфика</i>	36
<i>Лики исторического познания</i>	41
<i>Кириллов П.Е. Историческая картина мира как форма дискурса</i>	41
<i>Ардашева М.Е. Историческое знание в современном информационном пространстве</i>	46
<i>Строковская Т.Е. «Славянские земли» и их обитатели в письмах славистов середины XIX века</i>	52
<i>Краснов А.Б. Особенности эволюции юридического статуса различных форм протоконцессионных отношений в рамках российского правового поля</i>	58
<i>Светлое будущее и его обратная сторона</i>	62
<i>Король М.П. Настоящее время российской науки: трудности самоопределения или «баланс на грани выживания»</i>	62
<i>Становкин С.К. Философия образования: проблемы реформирования российской высшей школы</i>	68
<i>Валиуллин Х.Х. Пространство и время монетарного бытия</i>	75
<i>Экспериментальная психология</i>	83
<i>Мещеряков Б.Г., Назаров А.И., Чеснокова Л.Г. Возможно ли зрительное опознание лиц без осознанного их восприятия?</i>	83
<i>Человек в стране языка</i>	96
<i>Морозов В.В. Интенсивное чтение и предметно-ориентированное изучение иностранного языка</i>	96

Колонка главного редактора

Забота о себе в контексте идентичности

Вступительная статья академика РАН, доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социологии и гуманитарных наук Университета «Дубна».

Что-то случилось в современном мире. Общественное сознание конца 20-го – начала 21-го века пронизано поисками идентичности. Поисками, сопровождающимися конфликтами в социальном взаимодействии и теоретическими обретениями. Именно в фокусе идентичности стали рассматриваться такие понятия как «самосознание», «общественное сознание», «солидарность», «коллективное сознание», «национальное сознание».

В чем причины столь острой потребности людей в том представлении о себе и о своей социальной общности, которое дало бы ощущение твердой почвы под ногами? Мир пришел в движение. Люди перемещаются из мест, где веками жили их предки, в новые для себя регионы, выстраивая подчас совершенно разные стратегии адаптации – от попыток растворения в иной социальной и культурной среде до организации гетто, за пределы которого они выходят лишь по крайней необходимости.

Стратегия социализации и инкультурации зависит от множества причин, вынудивших людей сниматься с насиженных мест – и от факторов экономических, и от факторов политических, но наиболее существенными становятся факторы культурные. Люди вновь и вновь задаются ключевым вопросом: «Кто я?» и «Где я?» Эти вопросы сохраняют свое фундаментальное значение, порой приближаясь к терминальным порогам.

Вот почему идентичность рассматривается сегодня как существенный фактор социальной динамики, как процессуальное развитие коллективного самопонимания, солидарности и групповой сплоченности. А следовательно, она делает возможным и коллективное действие.

Понятие идентичности приобрело интердисциплинарный характер. К нему обращаются социологи, психологи, политологи, культурологи, социальные философы, рассматривая его через призму своих дисциплинарных полей. Идентичность – это и конструирование границ социального взаимодействия (Ш. Айзенштадт), и «смысл себя» (С. Хантингтон), и процесс конструирования смысла на основе определенного культурного свойства, обладающего приоритетом по отношению к другим источникам смысла (М. Кастельс). Идентичность может быть позитивной и негативной. Но как бы она ни определялась, главным выступает то, что она дарит личности коллективное чувство, основанное на вере в принадлежность к той или иной социальной, национальной, либо к иной группе. Это чувство общности, солидарности, поддержки.

Н.Г. Багдасарьян

Bagdasaryan N. Foreword from the Editor-in-Chief.

Тема номера: «Забота о себе и проблема идентичности»

УДК 316.6

Е.Н. Болотникова

Специфические черты заботы современника о себе

Аннотация:

Автор полагает, что процесс рождения этического субъекта есть деятельная забота о себе, получившая определение в трудах М. Фуко. Забота современника о себе обусловлена распространением сети Интернет. Этическая субстанция есть демонстрируемое желание, модус подчинения заключен в переходе между рациональными истинами текста и эстетикой зримого существования, аскетические практики получают авторский дизайн, а на месте телоса функционирует секуляризированный вариант бессмертия.

Ключевые слова: рождение, забота о себе, аскетические практики, телос, этическая субстанция, модус подчинения.

Об авторе: Болотникова Елена Николаевна, кандидат философских наук, самарский государственный технический университет, доцент кафедры философии; эл. почта: vlad_lena@mail.ru.

Человек: проблематичность определенности

Определение человеком самого себя всегда существовало в философии как проблема. Но подлинным вопросом, поиском ответа на который озаботилось большинство интеллектуалов, оно стало лишь после Ф. Ницше, лишившего человечество ставших привычными в течение двух тысяч лет ориентиров и опоры на христианство. Обозначив бытие человека через волю к жизни, Ф. Ницше проблематизировал индивидуальное бытие, вскрыв «глиняные» метафизические ноги прежде казавшихся устойчивыми и рациональными социальных колоссов. В один ряд с ним встают и другие «подрывники» привычного человеческого местоположения в мире - З. Фрейд, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, Р. Барт, М. Фуко. Каждый из них по-своему отвечал на вопрос о человеке. Так, З. Фрейд ищет точку отсчета в структуре психики, а точнее в бессознательном, М. Хайдеггер раскрывает фундаментальные структуры индивидуального бытия – экзистенциального страха, тревоги, ужаса, заботы, Ж.-П. Сартр определяет индивида как свободу, Р. Барт обращает внимание на речевой аспект осуществления индивида. Безусловно, палитра ответов на вопрос о человеке в XX веке значительно ярче и шире, чем представлено здесь нами, особенно, если учесть все те критические краски, которыми сопровождаются в интеллектуальном дискурсе эти ответы. Однако дело не в количестве.

На наш взгляд, вопрос о человеке, находясь в ряду подлинно философских проблем, никогда не сможет получить однозначного и всеми признаваемого в качестве истины ответа. Говоря словами французской поговорки, с ним все было ясно, как с чернильницей (*clair comme la bouteille à l'encre*). Из чего, однако, не следует, что этот вопрос не стоит проблематизировать. «Чтобы увидеть [курсив К.С. – Е.Б.] проблему, иногда достаточно уже поменять ее топику, перенести ее с насиженных и привычных мест в новые и неожиданные расположения», - утверждает К. Свасьян [7, 92-93]. Сужение хронологических и территориальных рамок позволяет конкретизировать не только сам вопрос, но и варианты ответа на него. Именно это сделал М. Фуко, поместив проблему индивида в

хронотоп – где, когда, как именно и по каким правилам осуществляется индивид как субъект, проблематизируя становление человека как этического субъекта. При этом понятие «субъект» используется в «очищенном» виде, то есть без отсылок к картезианскому варианту, в жилах которого, по меткому замечанию В. Дильтея, «течет не кровь, а разжиженный сок разума». Такой шаг, осуществленный М. Фуко, позволяет уловить индивида в динамике его становления – ведь спрашивается, не кто есть человек, а как он становится, свершается, сбывается. Другими словами, не конечная точка, не цель, не статичная фигура на пьедестале, а процесс движения, изменения, вечное возвращение не того же самого, но нового, никогда не бывшего – вот что оказывается сердцевинной такой исследовательской стратегии. Взятый в окружение точных, графично выверенных координат, в сеть из ясных и четких вопросов, индивид оказывается не вскрытой гением исследователя «вещью в себе», чья сущность наконец-то обрела свое имя, а живым, непосредственным и вместе с тем понимаемым человеком.

Последнее выглядит особенно важным в наши дни. Рискованное, театрализованное, подозрительное, прозрачное, антиисторичное, соблазняющее общество потребления – вот далеко не полный список характеристик «наших дней», прочно закрепившийся на интеллектуальных просторах. Скорость социальных трансформаций, технологическая обеспеченность существования, коммуникативный коллапс, превращающий игру слов и вещей в бермудский треугольник даже для профессионалов, торжество логики потребления во всех сферах от фундаментальной науки до теологии, переход от иерархии к сетевому принципу организации социального пространства, диффузия идентичности – все это является объективными обстоятельствами существования современного индивида. В таких условиях определить человека через иное, привести его к перечню положительных характеристик, типизировать так, чтобы он уютно чувствовал себя в неких определениях, словно в «родных пенатах», представляется для философии маловероятным. Как справедливо отмечается, «назвать льва «львом» – значит сказать о нем все. Сказать о человеке «человек», значит не сказать о нем ровным счетом ничего» [7, 22].

Иной путь – путь апофатического определения – выглядит более современным. Эта дорога вымощена тезисом Ж.-П. Сартра о принципиальной свободе и открытости индивидуального существования. Такой путь отвечает «духу времени» в том смысле, что оказывается созвучен распространенным формам нигилизма, эрозии истинности, увлекательному процессу деконструкции и утрате доверия к метанарративам. В апофатическом направлении содержатся глубокие антропологические идеи многих наших современников. Так, проф. В.Д. Губин характеризует человеческое Я через пять «не»: несводимость, непредопределенность, незаменимость, невыразимость, неповторимость; проф. В.А. Конев раскрывает индивидуальное бытие через «Дантовы координаты» отказа от насилия, лжи и жадности; акад. А.А. Гусейнов настаивает на определении человека через способность к принципиальному отказу от насилия и лжи (важно: не применять насилие и не лгать именно тогда, когда для этого есть все возможности и шанс избежать наказания).

Однако и этот путь не столь совершенен, как хотелось бы. Дело в том, что в обоих случаях – и положительного, и негативного определения человека – исходным посылом, основанием является эссенциалистская установка. Тем фактом, что она не называется напрямую, дела не исправить. По-видимому, необходимо согласиться с А. Гелленом, более полувека назад утверждавшим, что «...человек есть действующее существо, и тем самым существо дисциплины... ибо человек, во-первых, как-то «не готов», не остановлен в своем движении, еще является для себя самого предназначением и целью обработки, а во-вторых, еще не установлено, что, собственно, есть человек» [2, 151-201].

Забота: определенность рождения

Наша гипотеза состоит в том, что определенность человека обретается в движении самопознания, которое есть одновременно и самосозидание, то есть рождение. Традиционное разделение на осмысление и практику, мыслимое и чувственное, рациональное и эмпирическое в этом случае нивелируется, поскольку процесс самосозидания, рождения самого себя для индивида не может быть градуирован по этому признаку. В рождении не отделимы мысль от чувства, этот процесс требует индивида целиком, целостно. Ведь не рождается отдельно мысль о самом себе и тот «я сам», кто мыслит, но это осуществляется в единстве: одновременно появляется тот я, кто так

именно мыслит, и тот я, кто именно так чувствует самого себя.

Процесс рождения самого себя – работа, действие, включающее все ресурсы, что есть в наличии у человека: эмоции, память, восприятие, осмысление, понимание, ощущение, интуицию. Рождение, как показывает история философии, всегда находилось в тени смерти. Благодаря платоновской метафизике обретение человеком самого себя долгие века представлялось возможным, если только ему удавалось осознать, что «человек должен «от-работать» свое рождение «назад» [13, 118]. М. Хайдеггер перевернул эту метафизическую конструкцию, предположив, что себя человек обретает, если и только если сумеет «проработать» свое рождение «вперед» [там же]. Рождение этического субъекта – процесс, не имеющий обратной силы. Здесь не идут в «зачет» прошлые заслуги в том смысле, что если некоторое время назад индивид совершил этический выбор, то это является залогом того, что и в следующей жизненно важной ситуации выбор вновь будет совершен в том же направлении. Другими словами, в каждой конкретной ситуации рождение из индивида этического субъекта происходит заново, впервые, в уникальности и целостности. Это тот случай, когда прошлый опыт не играет роли фундамента, опоры и залога будущих достижений. В отличие, например, от эстетического опыта, накопление которого с неизбежностью влияет на последующее восприятие и оценку эстетической сферы бытия.

Вне этой оппозиции существует концепция «заботы о себе», сформулированная М. Фуко. Его подход позволяет разыскать человеку себя в самом процессе рождения, в ситуации «здесь и сейчас», без кредитов и залогов доверия, без метафизических «назад» и «вперед» (а они только в мышлении и существуют).

В обществе, которое получает множественные и зачастую противоречивые характеристики, определить нечто как существенное, точное, стабильное значит серьезно рисковать. Методологией, которая позволила сделать риск оправданным, для М. Фуко стала проблематизация. Индивид, проблематизированный как этический субъект, выходит за рамки не только указанной метафизической позиции, но и целого ряда других, ставших для философии традиционными различий: статика / динамика, внешнее / внутреннее, свой / чужой, рациональный / иррациональный, дискурсивный / недискурсивный.

Фонарь Диогена, который так и не помог ему отыскать человека, в мастерских руках М. Фуко превращается в сеть. Она набрасывается на индивида, но не сковывает его по рукам и ногам, не превращает его в неподвижного Прометея, не фиксирует его по вертикали властной иерархии и месту в том или ином «социальном лифте». Эта сеть позволяет индивидуальному движению самопорождения свершаться и дальше, это такой своеобразный вариант свободного пленения. Однако вместе с тем сквозь ее тончайшие ячейки становится очевидным то, как именно свершается этот самый фактический, в смысле практический, акт рождения в конкретных обстоятельствах времени и места. Этот акт оказывается зримым, явным, его очертания проступают, открывая способы связи слов и вещей, специфику мотивации действий, целеполагающие установки индивидуальных выборов, обоснование активности и режимы ее осуществления. Узловыми точками, образующими ячейки сети, являются структурные компоненты заботы о себе. Согласно М. Фуко, это: этическая субстанция, модус подчинения, аскетические практики и телос [5].

Исследовательский интерес М. Фуко коснулся также вопросов о роли наставника в процессе рождения, что представляется вполне логичным. Сократ как повивальная бабка западноевропейской философии, повитуха, способствующая рождению в афинянах стремления к прекрасному, и любовь как «стремление родить в прекрасном» (аргумент Диотимы в «Пире») – известные сюжеты, инициирующие этот интерес. Забота о себе, рождение самого себя как автономного этического субъекта – процесс индивидуации, который не может проходить в изоляции, в полном отрыве от других. Эта помощь методического, технического или любого другого типа – необходимый момент озабочения индивида самим собой. В отличие от смерти, которая «всегда только моя», рождением в большей или меньшей степени мы все-таки обязаны Другому и в прямом, и в переносном смыслах.

Кроме того, важным моментом концепции «заботы о себе» представляется определение типов текстов, позволяющих судить о процессе рождения индивида как этического субъекта, а также перспектива связи этики и эстетики индивидуального существования. По поводу последнего М. Фуко с удивлением замечает: как это никому в голову не приходило сделать самого себя

произведением искусства, а только объекты внешнего мира, природу? Без сомнения, все развитые практики дизайна - от интерьера и кончиков ногтей до городских планировок - демонстрируют движение культуры именно в этом направлении. Ирония великого А.С. Пушкина по поводу того, что «быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей» на сегодня выглядит не вполне правомерно. Другими словами, «думать о красе ногтей» вовсе не означает с необходимостью душевную пустоту и поверхностность.

Обстоятельства, формы и стратегии заботы

Рассмотрим последовательно, в каких именно очертаниях выступает процесс рождения этического субъекта, как он осуществляется, и затем попробуем применить это к обстоятельствам XXI века. Под этической субстанцией М. Фуко понимает то, что в индивиде подлежит обработке, преобразованию, усовершенствованию. Другими словами, этическая субстанция - это то, что, будучи преобразованным в индивиде, по его же собственному мнению, позволит стать ему совершенным произведением искусства, не только нравственным, социальным, но и эстетическим субъектом. Одной из особенностей эстетической сферы является ее автономность, самозаконность, в том смысле, что объекты в эстетике обладают самостоятельным значением и ценностью, не будучи увязанными с потребностями жизнеобеспечения и проч. В.Д. Губин отмечает вслед за Ж. Делезом: «Жизнь не имеет силы искусства; она получает ее только в ослабленном и деградированном виде и воспроизводит сама себя лишь на самом низком уровне и в минимальной степени. Искусство преуспевает вполне в том, о чем жизнь знает только по черновому наброску» [4, 76-82]. «Быть живым – также искусство, и, как искусство, оно не дается автоматически фактом рождения. Для этого нужен большой труд, творческий, артистический» [3, 172].

Модус подчинения представляет собой некий универсальный принцип, действием которого регулируется процесс заботы о себе, более конкретно – это ответ на вопрос о том, «каким способом людей призывали или побуждали признавать свои моральные обязательства» [11, 144]. В исторической проекции в каждый отдельный момент времени и определенном месте модус имеет самостоятельное воплощение. В качестве примеров модуса М. Фуко приводит божественный закон, изложенный в тексте, закон природы, космологический порядок, везде и всюду единый для всех живых существ, рациональное правило (в кантианском, универсалистском, а не научном значении), попытку придать своему существованию самую прекрасную из возможных форм [11, 144-145].

Модусы подчинения, выделенные М. Фуко в культуре конкретной эпохи, скорее, являются доминирующими, чем тотальными. К этому замечанию нас приводят исторические исследования самого автора современной версии концепции «заботы о себе». Анализ заботы о себе на рубеже нашей эры, то есть в своеобразный переходный период между языческой античностью и тотальным засильем христианской догматики, проделан им в книге с одноименным названием. В ней убедительно показывается, что в отдельные исторические периоды резких и однозначных границ между тем, согласно какому принципу осуществляется забота о себе, провести нельзя. Модусом подчинения в античную эпоху М. Фуко считает эстетику существования, тогда как в христианскую эпоху следует говорить о модусе как о божественном законе, изложенном в тексте. Этап, когда ни один из модусов не доминирует, во всех смыслах можно считать пограничным, и искусный взгляд «археолога мысли» и «историка идей», каковым неоднократно называл сам себя М. Фуко, концентрируется то на одном, то на другом вариантах модуса. Из чего, однако, не следует, что не существует эпох, где можно однозначно выделить именной модус подчинения.

Аскетические практики трактуются М. Фуко в самом широком смысле, под ними подразумевается деятельность самоформирования, фактический ответ на вопрос, «с помощью каких средств мы можем изменить себя и стать этическими субъектами» [11]. К аскетическим практикам относятся те действия, те самостоятельно и добровольно накладываемые индивидом на самого себя ограничения, обязательства, которые и составляют деятельную сторону заботы. Аскетизм может касаться желаний, физических или духовных сторон жизнедеятельности индивида, актов, влечений, саморасшифровки - проще говоря, всего того, что, изменившись, позволит индивиду стать этическим субъектом. Действия, объектом которых являешься ты сам, и не под властью, например, церкви, или сословных ограничений, или национальных доминант, или народных традиций, но самозаконное, выбранное и осуществляемое индивидом по собственной воле деяние с самим собой. Можно сказать, что аскетические практики в чистом виде – это тип специальных действий, усилий,

дополнительных ко всем тем, которые надлежит по тем или иным не зависящим от индивида обстоятельствам выполнять в текущей жизнедеятельности.

Телос заботы о себе стараниями М. Фуко также не существует в голом схематичном варианте. Он сформулировал и предложил нам целую палитру вариантов ответа на вопрос, «какого рода формой существования мы вдохновляемся, поступая морально» [11, 145]. Если попытаться приблизить эту формулировку вопроса о телесе к более привычным версиям, то, на наш взгляд, это будет выглядеть примерно так: ради чего люди хотят быть моральными субъектами? С какой целью они двигаются в направлении индивид – этический субъект? Какой образ, какой именно «Другой Я» является мечтой, пределом желаний индивида в заботе о себе? Сущностная нехватка чего именно в индивиде требует заполнения? Вариантами, выделенными М. Фуко в истории ответа на этот вопрос, являются: чистота, бессмертие, самодисциплина, свобода [5, 57].

Забота о себе – сугубо индивидуальный, самостоятельный процесс. Между тем, понятый как рождение, он не обходится без участия Другого. М. Фуко делает следующее наблюдение относительно роли Другого как наставника индивида в заботе о себе: в эпоху Платона роль наставника должен был выполнять хорошо знакомый человек, испытывающий к подопечному чувство глубокой любви и привязанности. Во времена Сенеки желательно, чтобы место наставника занимал равнодушный, близко знакомый с воспитанником, его жизнью и окружением товарищ, авторитет которого в глазах воспитанника есть производное от совпадения модусов говорения и действия. Согласно Галлену, на месте наставника должен оказаться человек беспристрастный, не испытывающий никаких особенных чувств и предрасположенности к воспитаннику, главная заслуга наставника – способность к «*paressia*», своеобразному «свободному говорению», и способность развить это умение в воспитаннике [10].

Временной интервал изменения роли наставника индивида в заботе о себе оставляет около двух веков. Изменяется не только положение наставника, но роль и ответственность воспитанника. Если в эпоху Платона воспитанник занимает скорее пассивное положение, то для Сенеки воспитанник уже должен быть убежден, уверен в способности наставника научить его заботе о себе, и эта убежденность рождается от критической оценки жизненных достоинств и достижений самого наставника. В период Галлена выбор наставника осуществляет сам воспитанник в широком социальном окружении, делает его на основании специально проведенной рефлексии жизненной стратегии наставника, в которой должны совпадать способность к свободному говорению и ее реализация в практике жизни. Наставник должен сохранять объективность по отношению к воспитаннику, а для этого необходимо, чтобы у них не было никакой общей предыстории взаимных связей. Задача воспитанника – осуществить выбор наставника и убедить его в собственной готовности обучаться. Другими словами, активную роль в собственном обучении и образовании приобретает сам воспитанник, как и ответственность за то, кто будет его наставником в сфере самоосуществления. Пожалуй, наиболее известным в истории культуры примером подобного рода может служить история обретения веры, раскрытая Аврелием Августином.

Это преобразование в истории наставничества показывает одну существенную деталь: забота о себе – не некое авторское изобретение, уникальный код. Ее содержание, процесс ее освоения, как и результаты этого процесса, носят универсальный зримый характер: индивид, практикующий заботу о себе (этический субъект), очевиден окружающим. Задача наставника состоит не в том, чтобы передавать знания, умения и навыки в определенной предметной области (это уровень мастерства в ремесленничестве), а в том, чтобы воспитанник открыл способность понимания самого себя, способность к самостоятельности, к само-стоянию, сформировал культуру себя, дисциплину возделывания и обработки души: «я работаю ... над самим собой: я стал сам для себя землей, требующей тяжелого труда и обильного пота» [1, 25]. Именно из этой точки открывается индивиду дорога к состоятельности в любой из возможных сфер приложения собственных сил. Соответственно, конкретизация сферы деятельности, будь то поприще гражданской службы, ведение хозяйства или ремесло, оказывается задачей второго порядка.

Выбор текстов, на основе которых возможно некое исследование заботы о себе, осуществленный М. Фуко, также представляет значительный интерес. В анализе заботы о себе он исходит из того, что созидание самого себя как этического субъекта осуществляется индивидом в текущей жизни. И потому тексты, раскрывающие содержание и практику этого рождения в

конкретный исторический период, не носят фундаментального характера. М. Фуко обращается к истолкованию сновидений, к личным архивам и письмам, к дневниковым записям о порядке повседневной жизни, в ткани которой и осуществляется сама забота. Посыл совершенно ясен: нет ничего более красноречиво говорящего об индивиде, чем практика его повседневного существования.

Забота о себе: здесь и сейчас

Представленный абрис общетеоретических позиций в исследовании заботы о себе может быть использован при анализе современных практик. Карт-бланш на такое действие мы получаем от самого М. Фуко, который в многочисленных интервью именно через эти позиции определял этику современного субъекта, анализировал культурные практики и направления. Вот как об этом высказался проф. О. Хархордин: «Можно послушать многие последние прижизненные слова М. Фуко о методе и начать спокойно применять его метод к анализу других культур» [12, 63].

Прежде всего отметим, что сегодня исследователь современных практик заботы о себе находится в ситуации избыточности того, что у социологов называется «полевым материалом». Речь не только о толковании сновидений или о дневниковых записях (последние в форме аккаунтов в социальных сетях охватывают практически весь цивилизованный мир), но и о критике этих типов текстов в аналитике и апологетике массовой культуры. В медиасреде накоплено достаточное количество исследований в области повседневной культуры с тем, чтобы они могли стать источниками аргументов относительно современных практик заботы о себе.

Что касается роли наставника в актуальных практиках заботы о себе, то она, очевидно, связана с тем фактом, в котором собраны воедино многие характерные черты современности, – с возникновением виртуальной реальности. Интернет, как справедливо замечают А.Ш. Тхостов и В.А. Емелин, «недаром нам предлагают писать ... с большой буквы, наряду с такими универсалиями, как Бог, Родина, Отечество») [6]. Виртуальная реальность, как продукт функционирования сети Интернет, обладает свойствами тотальности и гиперфункциональности, принимает на себя роль наставника со всем возможным разнообразием и скоростью цифровых технологий. Если герой Ж.-П. Сартра в «Экзистенциализм – это гуманизм» обращался за советом к священнику, и выбор конкретного священника был ограничен, то любому из современников можно обращаться без всякого ограничения к безличному и всеведущему интернет-пространству.

Эта всеответность радикально меняет суть дела. Она, по сути, равна безответственности. Наставник в заботе о себе индивиду по-прежнему нужен, и вполне логично, что ищущий обращается в поиске наставничества к наиболее полному источнику информации – к сети. Но в таком случае нет возможности удостовериться в том, что у виртуального наставника совпадают модус действия и говорения, нет и не может быть уверенности в истинности отношения к тебе того, кто выполняет роль наставника, не существует ответственности при наличии бесконечно разнообразной палитры ответов, нет даже уверенности в реальном существовании.

Этической субстанцией в заботе о себе для современного индивида выступает, как справедливо замечено более сорока лет назад, желание: «Что же до современной “формулы”, то я мог бы сказать, что в ней главное – желание, которое теоретически подчеркивается и практически признается, поскольку ты должен высвободить свои желания» [11, 149]. Именно оно подлежит преобразованию, переработке. Какого рода это преобразование? В первую очередь, желание подлежит расшифровке, проговариванию, чему, безусловно, способствуют многочисленные психологические практики, популярность психологов-экспертов во всех областях публичного пространства. Развитие технологий осуществляется не столько в направлении проговаривания, сколько в направлении показа, демонстрации, наглядности желания. Визуализация желания с помощью гаджетов – это значительно более простой и быстрый процесс, чем психоанализ, гипноз, ведение дневника и др. Это приводит к тому, что само желание постепенно становится объектом эстетического восприятия, объективируется, приобретает самостоятельное значение вне связи с его удовлетворением или хотя бы потенциальной возможностью удовлетворения.

Речь о желании как об этической субстанции не может, на наш взгляд, обойтись без рассмотрения его в отношении избыток / недостаток. Ориентация экономической системы на стимулирование спроса и потребления, отсюда – на удовлетворение малейших желаний индивидов, включение потребителей в процесс создания и производства новых продуктов, учитывающих их

уникальные потребности и склонности [о том, как это происходит, см.: 8], необходимость демонстрации желания и, следовательно, избыточное умножение сущностей, на наш взгляд, приводит к обратному эффекту. Все большее распространение получает феномен дефицита желания. Индивид, для которого быть живым значит испытывать желание, оказывается в ловушке. Чем большее количество желаний он демонстрирует, высказывает, словно забывая, что «всего никогда не сказать» (высказывания, сколь бы ни были они многочисленны, всегда в дефиците по отношению к тому, что могло бы быть высказыванием в естественном языке [9, 119-120]), тем большее число желаний потенциально способна удовлетворить экономическая система (включая социальный, технологический, гендерный, политический и иные аспекты). Соответственно, возникает погоня за редкостью, за редкими, особенными желаниями, которые, согласно «правилу единичности» всегда существуют в недостатке. Разрастаясь до невероятных, гигантских размеров, индустрия удовлетворения желаний в итоге приводит к их минимизации.

Модус подчинения в отношении современника, озабоченного самим собой, функционирует в «пограничной зоне». Эта граница между истиной, высказанной в тексте, и эстетикой существования. Однако речь идет не об истине божественного закона и не об эстетике гармоничного античного покорителя Олимпа. Цивилизационная составляющая повседневной жизни ориентирует современника в подчинении рациональным универсальным правилам, изложенным в многочисленных текстах. От научных теорий и до политических заявлений, от законодательных норм и до правил участия в ток-шоу и интернет-сообществах индивида призывают опираться на рациональные нормы согласованности и конструктивного взаимодействия. Вера в торжество «коммуникативной рациональности» скрепляет, цементирует социальное бытие. Вместе с тем наглядность, прозрачность, техническое сопровождение социального бытия современного человека приводит его к необходимости реализации прекрасной из всех возможных форм существования. Таким образом, индивид, как и на рубеже нашей эры, находится в сложном положении, где имеется некий люфт в определении доминирующего модуса подчинения.

Актуальные аскетические практики, реализуемые современником в заботе о себе, также обладают рядом примечательных черт. Во-первых, чрезвычайно трудно прийти к мысли о необходимости практикования аскезы в обществах изобилия и потребления. Там, где «сбываются мечты», добровольно остановить самого себя в использовании или потреблении чего-то бы то ни было представляется сложной и неочевидной задачей. Во-вторых, аскетизм, все-таки избранный индивидом как необходимый компонент действительной заботы о себе, с необходимостью носит зримый, явный, демонстративный характер. О нем неизбежно становится известно окружающим, даже если индивид предпочитает уединение (например: он не пользуется электронными средствами связи, социальными сетями (!), уже отказавшись или принципиально в них не вступая). В-третьих, выбор аскетических практик осуществляется в возвратном движении «тело-дух». Иными словами, чтобы преобразовать желание, необходимо позаботиться и ограничить в чем-либо тело, но эта остановка тела возможна только благодаря усилию духа. И обратное: чтобы закалить дух, сформулировать желания в нематериальной сфере, необходимо провести соответствующую работу с телом, выработать определенную дисциплину, закалить волю. В-четвертых, доступность информации и снятие многочисленных социальных ограничений, распространенных в прежние столетия, приводят к тому, что индивид способен на протяжении жизни составить уникальную авторскую карту аскетических практик собственного производства. В погоне за редкими желаниями все большее распространение получают редкие сочетания аскетических поисков и проб.

Относительно телоса заботы о себе, практикуемой современником, можно выдвинуть гипотезу о секуляризированном варианте бессмертия. Бессмертие в форме религиозного обещания загробной жизни долгие столетия вдохновляло человечество. Проведенное Ф. Ницше хирургическое вмешательство в отношения человека и Бога отменило веками складывавшуюся систему взаимных обязательств. Однако технический прогресс поставил современника лицом к лицу с новым порядком проблем. Во-первых, виртуальное бессмертие каждого действия с использованием Интернета уже достигнуто. Во-вторых, прогресс медицинских технологий, трансплантация, генная инженерия и, главное, клонирование – поражают воображение, и успехи науки на этом пути подсказывают, что реальное, фактическое бессмертие, уже достигнутое для животных, в скором времени может стать и уделом человека. Таким образом, заботясь о себе,

индивид формирует себя для вечного существования в качестве этического субъекта.

Другие претенденты на роль телоса выглядят не столь убедительно. Свобода, согласно Гегелю и практике современных политических процессов, выступает уже не как цель, а лишь как текущая задача. Решение этой задачи может быть более или менее успешным для отдельных национальных, религиозных и иных общностей или индивидов, но в историческом масштабе особой роли это не играет. Самодисциплина оказывается проблематичной и малоперспективной, поскольку открытия психоанализа наглядно продемонстрировали, с одной стороны, целостность психических явлений жизни, а с другой – их неподконтрольность сознательным, рациональным доминантам. Чистота, конечно, захватывает сторонников набирающего политический и социальный вес экологического движения, но на деле она выступает как средство, а не как самоцель. Следовательно, бессмертие и его инварианты по праву занимают место телоса.

Подводя итоги нашего исследования, можно отметить следующее. Во-первых, рождение этического субъекта из индивида осуществляется как становление, раскрытие и одновременно созидание содержания, раскрываемого в индивиде. Во-вторых, этот процесс с неизбежностью несет в себе специфические характеристики времени и места осуществления индивида как этического субъекта, ключевой среди которых оказывается функционирование сети Интернет. В-третьих, концепция «заботы о себе», сформулированная М. Фуко, позволяет произвести ясное понимание человека в соответствующей эпохе, преодолевая традиционные философские оппозиции. На наш взгляд, современник в заботе о себе характеризуется как тот, кто: преобразует визуализированное желание, практикует авторский дизайн аскетических практик, нацелен на секуляризированный вариант бессмертия и подчиняется одновременно рациональным правилам, изложенным в различного рода текстах и эстетике прекрасной жизни.

Библиографический список:

1. Августин. Исповедь. Книга 10. <http://www.psylib.org.ua/books/avgus01/txt10.htm>.
2. Геллен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии: Переводы. - М.: Прогресс, 1988. С.151-201.
3. Губин В.Д. Жизнь как метафора бытия. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003. 205с.
4. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. СПб., 1999. С. 76-82.
5. Дикон Р. Производство субъективности // Логос. 2008. №2. С. 21-65.
6. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Вавилонская сеть: эрозия истинности и диффузия идентичности в пространстве интернета // Вопросы философии. 2013. №1. С. 74-85. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=678&Itemid=52.
7. Свасьян К. Человек в лабиринте идентичностей. М.: Evidentis, 2009. 192с.
8. Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009.
9. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208с.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб.: Наука, 2007. 677с.
11. Фуко М. О генеалогии этики: обзор текущей работы // Логос. 2008. №2. С. 135-159.
12. Харходрин О. Фуко и исследование фоновых практик // М.Фуко и Россия: сб. статей / под ред. О.Хархордина. - СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. 349 с. С. 46-82.
13. Щитцова Т.В. Memento nasci: сообщество и генеративный опыт. – Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2006. 384с.

Bolotnikova E.N . Specific features contemporary self-care

The author believes that the process of the birth of the ethical subject is an active self-care, defined in the works of Michel Foucault. A contemporary in taking self-care conditioned to the spread of the Internet. The ethical substance is the obvious desire, mode of submission is imprisoned in the passage between the rational facts of the text and aesthetics of visible existence, ascetic practices get renovated, and the place of Telos operates secularized version of immortality.

Keywords: birth, self-care, ascetic practices, telos, ethical substance, mode of submission.

УДК 316.6

М.А. Козлова

Мораль заботы о себе в социологическом подходе к современности¹

Аннотация:

В статье, носящей обзорно-аналитический характер, рассматриваются дискурсы вокруг феномена заботы о себе в массовой культуре, политических науках, психологии морали и социологии. Забота о себе представляется не только как механизм поддержания и развития идентичности индивида. В контексте современных обществ практики заботы о себе позволяют индивиду вернуть смысл своей жизни, соответствовать моральным идеалам и проявить творческое начало, адаптируясь к миру.

Ключевые слова: забота о себе, социология современности, альтруизм, мораль.

Об авторе: Козлова Мария Андреевна – кандидат исторических наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент факультета социальных наук; эл. почта: mskozlova@yandex.ru.

«Забота о себе» в последнее время стала чрезвычайно «модной» категорией: обсуждению соответствующих ей практик посвящена не одна статья в гляцевых журналах. Первое, что выдает Яндекс на поисковый запрос «забота о себе», – статья, где в качестве проявлений заботы о себе предлагается осуществить шопинг, купить торт и сделать ремонт в квартире [3]. Очевидно, что обыденные трактовки связывают заботу о себе с эгоизмом или гедонизмом, порой нещадно критикуя, оценивая сквозь призму «традиционной морали» как постмодернистский феномен отчуждения человека от Творца и собственно человеческой природы; порой – поддерживая и сам феномен заботы о себе, и его гедонистическую трактовку, репрезентируя как способ сохранения индивидуальности в обезличенных контактах и высоких скоростях социальности современной городской среды. В статье, носящей обзорно-аналитический характер, постараемся рассмотреть проблему моральной составляющей заботы о себе, неизбежно затрагивая вопросы о субъекте морали в современном обществе и областях, подпадающих под моральную регуляцию.

Забота о себе в фокусе социально-гуманитарного дискурса

На современном этапе конкретизация категория «заботы о себе» осложнена тем, что обыденные трактовки не совпадают с научными, которые, в свою очередь, существенно разнятся и в настоящий момент малосопоставимы. Тем не менее, вхождение в моду понятия, родившегося в Античности, многообразие смыслов, под этим понятием подразумеваемых, распространение соответствующих практик и профессий, ориентированных на заботу о себе («гуманитарного технолога», «коуча», «проектировщика индивидуальной образовательной программы») побуждают социологов включать «заботу о себе» в число активно используемых концептов.

В Античности феномен «забота о себе» не только не был связан с замыканием на себе, но и в принципе исключал все то, что на языке современной науки называют деструктивными изменениями личности. Представления о заботящемся о себе человеке выстраивались вокруг отношений человека к государству, власти, другому человеку, самому себе – тем, не потерявшим своей актуальности, тем многоаспектных.

С конца XX века наблюдается повышенный интерес к методологическому потенциалу «заботы о себе» со стороны представителей разных наук. То, что «забота о себе» переживает второе рождение, во многом является заслугой М. Фуко, рассматривавшего античную «заботу о себе» как ключ к осмыслению явлений и процессов, возникших в иных исторических и социокультурных

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ 14-06-00315, РФФИ 14-06-00381.

реалиях [17]. Поздние работы Фуко - последние два тома «Истории сексуальности», три последние лекции в Collège de France, а также несколько эссе и интервью - сосредоточены на деятельности, практиках и методах, посредством которых люди могут работать над собой и развивать себя. Диапазон современных исследований этой категории поражает: от общих ориентиров построения себя до конкретных техник медитации, общения (в том числе межкультурной коммуникации), питания, визуализации, автодидактики и т.д.

Забота о себе в контексте властных отношений

Социологическое видение апеллирует к теории Фуко как к позволяющей проследить исторические траектории отношений человека с технологиями власти, которые устанавливают нормативные рамки, порождающие определенные формы субъектности [16]. Согласно Фуко, знание-власть – это сеть социальных сил и противоречий, где человек формируется теми практиками, в которые волей или неволей вовлекается. Работы Фуко демонстрируют способы, с помощью которых власть реализуется в жизни людей через повседневные привычки, в конкретных институтах - тюрьмах, школах, больницах, заводах, городах, семьях, везде, где актуализируются соответствующие технологии.

Споры о том, способствует или препятствует современность заботе индивида о себе, а забота о себе - моральному поведению, имеют давнюю историю. Общество модерна, ориентированное на ценности, на которых базируется Декларация прав человека и гражданина 1789 года, как полагали многие обществоведы, разрушает саму идею заботы о себе в том смысле, который вкладывали в это понятие античные мыслители. Еще Эдмунд Берк считал, что Права разрушили систему практик, которые прежде реализовывались как забота о себе, определенное – бережное – отношение к себе (не говоря уже об отношении к другому), породив унификацию и абстракцию. Впрочем, Мэри Уолстонкрафт оспаривала эту позицию, утверждая, что Права человека предоставили женщинам средство преодоления давления деструктивного набора добродетелей - красоты, целомудрия и скромности, что на протяжении веков оставляло их духовно обездоленными и глубоко несчастными¹. Однако при всей, на первый взгляд, противоречивости этих позиций, обе выражают заинтересованность в развитии процесса дифференциации и инноваций, а субъекта рассматривают в качестве посредника, через которого преобразования, касающиеся в том числе и самого субъекта и происходят, что вполне укладывается в логику М. Фуко.

Репрезентация «заботы о себе» в повседневном дискурсе способом, подобным описанным в начале, потребовала социологического осмысления. Работы, ориентированные на социологическое осмысление/переосмысление роли и места заботы о себе в институциональной структуре современного западного общества, в системе повседневных практик и самоидентификации современного человека, посвящены обсуждению возможностей и перспектив встраивания концепта «забота о себе» в осмысление индивидуального бытия и социальности в современную эпоху. Социологическому анализу подвергается социокультурная обусловленность процесса становления этического субъекта [1]; рассматривается логика трансформации концепта «забота о себе» в стандартизированные процедуры удовлетворения конкретных потребностей в условиях изменения жизненной ситуации современного человека, посредством передачи человеком другим людям и техническим устройствам собственных разнообразных функций и работ, в том числе и интеллектуального плана [2]; демонстрируется неслучайность взаимодействия категорий «забота о себе» и «праздность», которая в контексте «освобождения для...» представляется как потенциальная возможность самореализации [5].

Современное общество характеризуется, как переживающее моральный кризис, истоки которого видятся либо в упразднении/трансформации прежних институтов и форм авторитета (Д. Белл, К. Лэш, Ф. Рифф), либо в упадке прежних форм коллективности (Р. Белла, А. Этциони, А. Макинтайр), но основным проявлением которого, в «любом случае», становится эгоистичность и нарциссизм, центрированность индивида на «совершенствовании Я» [10; 22]. Рождение «психологического человека» (Рифф), в ряду диспозиций которого доминируют гедонистические и нарциссические установки [25], закрепляется «терапевтической» культурой, культивирующей личные переживания, дарующей свободу и прощение. Потому современное общество оказывается

¹ Подробно о связи Прав человека и заботы о себе см. Lefebvre, 2014.

неспособным к моральной регуляции, реализовавшейся прежде как репрессивные формы совладания с человеческими эмоциями и телесностью, а ныне превратившейся в нечто вроде развлечения или игры (fun morality) [10]. Альтернативой/заменой «подлинной» морали становится индивидуальное психологическое здоровье, что, однако, оказывается симптомом болезни общества. Разрушение сообществ приводит к ослаблению индивидуальной ответственности перед другими людьми, сохранившиеся связи оказываются основанными на функциональной взаимозависимости, а моральная ответственность становится ответственностью индивида перед самим собой [24].

С особым энтузиазмом идея примата индивидуального была воспринята психологией [18]. Даже социальная психология сфокусировалась на индивиде, а «основной интерес сосредоточила на понимании факторов, которые влияют на мысли и действия индивидов в социальной среде» [8, 9]. Таким образом, другие люди – реальные, подразумеваемые или воображаемые – стали представлять интерес лишь постольку, поскольку способны оказывать влияние на эмоциональные, когнитивные и поведенческие аспекты деятельности индивида. С детерминистской позиции все действия человека рассматриваются как продукты различных природных сил, и эта общая приверженность обеспечению эффективного каузального объяснения проходит через большинство психологических теорий человеческого поведения и приводит к восприятию людей как вещей, категоризируемых в качестве объектов разного рода влияний: «Как ученые, – утверждает У. Вейтен в своем бестселлере «Введение в психологию», – психологи предполагают, что поведение регулируется законами или принципами, как движение Земли вокруг Солнца регулируется законами гравитации», и «научное изыскание основано на убеждении, что существуют законы, которые могут быть открыты» [28, 40]. Непосредственная опасность такого рода причинных объяснений заключается в том, что люди мыслятся лишь как простые элементы каких-то более фундаментальных процессов или как частности, единичные представители некоторых базовых категорий вещей. После того, как сеть причинных воздействий выстраивается и объясняется, становится понятно, что за ней ничего не осталось. Или, если что-то осталось, оно воспринимается как нечто чуть большее, чем «дисперсия ошибки», а не как неотъемлемая черта человеческого существования.

Таким образом, в соответствии с модернистской концепцией человека, основанной на принципах индивидуализма, рациональности и детерминизма, социальный мир представляется ареной, на которой индивиды отстаивают свои интересы и манипулируют конкурентами (или открыто их подавляют), а обретение «Я» подразумевает фиксацию отличия от «Другого», возведение и защиту границ «Я». С этой точки зрения, естественная, базовая, интенция индивида – интенция эгоистическая, а видение альтруизма в индивидуальном поведении оказывается либо «промахом» актора, либо «сбоем» фокусировки наблюдателя/исследователя. Практикой самоопределения становится совершенно определенная работа со своими желаниями в виде подавления и вытеснения.

Мораль, направленная на себя, оказывается моралью самоограничения: это мораль, ориентированная на заботу о себе (=защиту себя) через подавление «неправильного» поведения и сопротивление искушениям. Это область «семи смертных грехов», а ближайший результат преодоления собственных желаний – выгода для себя с точки зрения физического и психологического здоровья. Безусловно, такого рода мораль функциональна, но работает только на защиту¹, стабилизируя идентичность, унифицируя идентичности и, на уровне общности, способствуя укреплению социального порядка [21]. В данном случае «забота о себе» оказывается тождественной той заботе, которую имел в виду М. Хайдеггер, определяя «озабоченность» как «что-то вроде опасения» [6, 57]. Не удивительно, таким образом, что мы

¹ В психологии широкое признание получило разделение фундаментальных основ мотивации и саморегуляции поведения на два типа: достижение-активация против избегания-торможения. Поведенческая система торможения, базирующаяся на избегании, чувствительна преимущественно к наказаниям и негативным последствиям. Напротив, система поведенческой активации, основанная на достижении, чувствительна к поощрениям и положительным результатам. Применение этих различий к области морали позволяет провести границу между запрещающими и предписывающими аспектами моральной регуляции: запрещающая мораль фокусируется на том, что мы не должны делать, позволяет преодолевать искушения и, таким образом, защищает от причинения вреда, а предписывающая мораль фокусируется на том, что нам следует делать, позволяет преодолевать инерцию и мотивирует на совершение хороших поступков и, таким образом, обеспечивает благополучие.

встречаемся с концептом «заботы о себе», как говорилось в начале статьи, преимущественно при обсуждении вопросов самосохранительного поведения.

От Self-care к Care of the Self

Указанный ракурс рассмотрения проблемы, безусловно, интересен, в том числе, и как позволяющий с еще одной стороны проблематизировать заботу в контексте идентичности. В официальных документах ВОЗ забота о себе (self-care) определяется как «деятельность индивидов, семей и общин, предпринимаемая с целью укрепления здоровья, профилактики заболеваний и восстановления здоровья» [29, 2]. Таким образом, забота о себе понимается в качестве деятельности, носящей как реактивный (связанный с преодолением симптомов возникших острых и хронических заболеваний), так и проактивный (направленный на профилактику заболеваний с помощью здорового образа жизни) характер. При этом, хотя система здравоохранения и официальные поставщики медицинских услуг играют ключевую роль в лечении хронических состояний, основное бремя приходится на пациентов и их семьи. В частности, в ходе лечения хронических заболеваний от индивида требуется контролировать свои симптомы, придерживаться назначенного лечения и схем применения препаратов, справляться с физическими ограничениями и эмоциональными последствиями болезни, вносить определенные изменения в свой образ жизни (диета, физические упражнения и проч.), прибегая к консультациям с экспертом и профессиональному вмешательству только в случае необходимости.

Результаты эмпирических исследований свидетельствуют о том, что забота о себе включается в биографический дискурс и выступает в качестве механизма сохранения целостности и непрерывности идентичности индивида, имеющего хронические заболевания. Так, например, в исследовании, проведенном К. Роберто с коллегами, продемонстрированы различные стратегии заботы о себе, используемые женщинами для совладания с эмоциональными последствиями утраты физических возможностей, сохранения чувства собственного достоинства и принятия ситуации как не несущей угрозы личностной идентичности: рефрейминг значений, приписываемых себе или своей деятельности, снижение уровня ожидания, поиск утешения в религии, сравнение себя с другими – с теми, «кому повезло меньше» [26]. Кроме того, индивиды прибегают к самопомощи для восстановления или сохранения чувства контроля над часто непредсказуемыми проявлениями симптомов хронических заболеваний, в особенности в случаях, когда традиционные методы лечения не приносят облегчения.

В то же время, характерный для современного общества упор на заботу о себе становится результатом масштабных изменений в социально-экономической и политической сферах, для описания соответствующих аспектов которых Р. Кроуфорд предложил термин, который приблизительно можно перевести на русский язык как «культ здоровья» - healthism, - обозначающий «озабоченность личным здоровьем как основным средством достижения благосостояния, побуждающую к изменению стиля жизни, что предполагает локализацию проблемы здоровья и болезни [и ее решения] на уровне индивида» [14, 368].

Это перекладывание ответственности за здоровье с государства на индивида предполагает коммодификацию здоровья, которое, соответственно, рассматривается в качестве личного ресурса и товара, приобретаемого индивидами посредством вложения в разнообразные продукты и услуги «заботы о себе». Такой сдвиг в представлениях о здоровье привел к повышению уровня индивидуальной ответственности в отношении собственного здоровья, что сопровождалось переопределением плохого здоровья как показателя нравственной распущенности и личной неуспешности [14]. В результате больные и пожилые люди все чаще подвергаются стигматизации. Отчасти и под влиянием доминирующего дискурса о болезни нормы культа здоровья и принцип моральной ответственности за предотвращение развития хронических заболеваний и дальнейших функциональных потери интериоризируются индивидами. Даже при отсутствии убежденности в эффективности применяемых мер, люди продолжают осуществлять заботу о себе, в первую очередь, для того, чтобы успокоить окружающих. В этом контексте, забота о себе становится средством заботы о близких или инструментом предотвращения возможной критики. При этом, в аспекте моральной оценки самопомощи эмпирически выявлены гендерные различия: хотя и мужчины и женщины описывают заботу о себе в качестве важнейшего средства управления стареющим телом, в описаниях, данных мужчинами, акцентированная потребность в контроле отражает маскулинные

идеалы неуязвимости, физической мощи и доблести. Женщины используют заботу о себе как попытку снизить нагрузку на окружающих, надеясь сохранить свою независимость, а также способность заботиться о других и, таким образом, посредством использования различных практик заботы о себе, стремятся достичь и сохранить соответствие феминному идеалу чувствительности к нуждам других людей. Таким образом, независимо от пола, использование заботы о себе позволяет индивиду сохранять позитивную идентичность, соответствующую гендерным представлениям и критериям моральной оценки [26]. Заметим, что в условиях демографических изменений (старения населения), широкой распространенности хронических заболеваний, и изменения социальных представлений о здоровье и болезни (акцент на моральной составляющей здорового образа жизни), влекущих рост инвестиций в телесность, можно ожидать и возрастание значимости реактивных и проактивных форм заботы о себе в пожилом возрасте. Предоставляя индивидам значимый и социально-одобряемый путь облегчения чувства вины в результате потери здоровья и возрастания зависимости, забота о себе способствует формированию идентичности в соответствии с представлениями о субъектности, моральности и гендерных ролях.

Так, мы видим, что даже в случае, когда забота о себе инициируется телесными и эмоциональными потребностями, связанными с поддержанием здоровья, т.е. в полной мере ориентирована на «защитные» функции, интенция заботы не может удержаться в рамках медицинских предписаний, она неизбежно вторгается в сферу идентичности. Здесь забота о себе не столько консервирует прежний образ Я, продолжая поддерживать целостность индивида, оберегая и ублажая его, сколько, напротив, становится источником трансформации и развития, внося в образ Я элемент надежды, а значит – нестабильности. Таким образом, при смене ракурса оценки и интерпретации тенденций современности, эмоции и чувства становятся ключевыми «драйверами» морального выбора в стремлении подтвердить свою идентичность [9, 67], начинают выступать в качестве механизмов регулирования отношений [7], и именно эмоциональная рефлексивность становится источником моральных действий. Моральная идентичность рассматривается современной психологией как феномен, организующий взаимодействие внешних влияний и внутренних интенций, «орган», в котором и «вырабатываются» моральные чувства и поведенческие интенции [11;12].

Границы «Я» при такой интерпретации оказываются не предметом защиты, а предметом исследования и преодоления. Категория заботы приобретает трансцендентный характер: это уже не забота о целостности «Я» (в первую очередь, телесной его ипостаси) или благополучии и стабильности определенной идентичности, а способ бытия – «мера индивидуального продвижения по пути очеловечивания» [4, 108]. Н. Хуквэй настаивает, что, поскольку индивидуальное Я рождается во взаимодействиях с другими людьми, то источником морального действия становится именно этика самореализации и самосовершенствования. Этический идеал аутентичности или подлинности, подразумевающий открытие себя, самореализацию и личное совершенствование (быть самим собой), играет важную роль в западной культуре. Этот идеал уравнивает творческую и неконформистскую аутентичность и внешние отношения, тем самым их развивая [27], позволяет осуществиться более насыщенным и ярким формам существования, в то же время порождая ответственность перед самим собой. Поэтому при рассмотрении морали современного общества важно принимать во внимание то, что общество в целом и сообщества в частности не являются единственной моральной силой, учитывать моральную силу эмоций и моральную идентичность индивидов, которая порождается практиками самосовершенствования в терапевтической культуре [19, 852–853]. Обращение к проблеме сообществ позволяет, таким образом, охарактеризовать современную мораль как элемент, отличающий свободные, и потому хрупкие, отношения в сообществе, развитие которых побуждает индивида к ответственности и творчеству и, таким образом, выступает ресурсом «заботы о себе».

Диагноз морального кризиса в отношении современного общества и связанная с ним репрезентация заботы о себе как гедонистической компоненты индивидуального поведения, основан на предположении о том, что общество является единственным и необходимым источником морали. Эти основные элементы – религия, традиционные институты власти, обычное право (адат) – в традиционном обществе производящие и поддерживающие сильную мораль, в обществе современном находятся в стадии разложения. И в случае игнорирования этического

значения индивидуального Я, эмоций и телесности, а также терапевтических идеалов самосовершенствования, действительно рисуется мрачная картина духовного упадка современного общества и всепоглощающего эгоизма современного индивида. Однако при учете моральной продуктивности эмоций и телесности и потенциала практик самосовершенствования и достижения аутентичности как позитивных в моральном отношении культурных ценностей [19], мы входим в принципиально новую область интерпретации заботы о себе как культурной практики и морально-инициированного паттерна. В этой области забота о себе современного человека, возможно, лишь во внешних своих проявлениях сопоставима с заботой о себе человека Античности или Нового времени. Она имеет принципиально иной социальный смысл. Н. Хуквей доказывает, что современная социология морального упадка строится на положениях социологии Э. Дюркгейма о моральном кризисе современного общества [20]. Он критикует три основных предположения относительно морали, которые содержатся в теоретической системе Дюркгейма, и на которых держится социология морального упадка наших дней.

Практики самосовершенствования и заботы о себе не являются нарциссичными, они позволяют индивиду вернуть смысл своей жизни, соответствовать моральным идеалам и проявить творческое начало, адаптируясь к миру. Согласно Н. Хуквею, современная социальная теория должна отказаться от дюркгеймовской трактовки самосовершенствования в качестве аморальной практики и признать, что это на самом деле есть способ интеграции в моральный порядок.

По Дюркгейму, мораль рождается из того, что является внешним по отношению к индивиду – из авторитета, а Я не может быть источником морали. В социологии Дюркгейма мораль сводится к своим объективным социальным функциям, но при этом упускаются ее содержательные аспекты. Поэтому мораль нельзя приравнивать к конформности, подчинению, соблюдению норм в соответствии с представлениями большинства. Современный человек, обладающий свободой выбора, выступает полноправным моральным агентом, который может полагаться на свои моральные чувства и свое Я, и поддерживать моральный порядок общества посредством практик самосовершенствования и совладания со своими разрушительными импульсами и эмоциями. Критический пересмотр социологии морали Э. Дюркгейма и отказ от воспроизведения ее основных положений современными социологическими концепциями позволят по-новому взглянуть на современный моральный индивидуализм и признать принципиально новое звучание заботы о себе как ориентира морального восприятия и действия современного человека. Так, мы видим, что обращение к феномену «заботы о себе» ставит глубокие вопросы, переопределяющие соотношение индивидуального и социального.

Библиографический список:

1. Болотникова Е.Н. Рождение себя в практиках заботы: взгляд из настоящего// Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Часть 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. с. 180-194.
2. Горбачева А.Г. Ситуация человека: отказ от заботы о себе// Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас в глубь самих себя. М.: Канон+, 2015. с.343-353.
3. Как начать заботиться о себе?/ Эл.ресурс. URL: <http://www.grc-eka.ru/kak-nachat-zabotitsya-o-sebe.html> [дата обращения: 09.03.2015].
4. Леонтьев Д.А. К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: материалы международной конференции. М., 2004. С. 107-109.
5. Петров В.Е. Праздность как «забота о себе» в современном философском дискурсе// Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры. Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015). Под ред. М.А. Козловой, В.Г. Безрогова. Часть 2: Что-то ведет нас в глубь самих себя. М.: Канон+, 2015. с.359-370.

6. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: «Академический проект», 2013.
7. Ahmed S. Collective feelings, or, the impressions left by others // *Theory, culture a. society*. 2004. Vol. 21. № 2. P. 25–42.
8. Baron R.A., Byrne D. *Social psychology* (9th ed.). Boston, MA: Allyn & Bacon, 2000.
9. Bauman Z. *Postmodern ethics*. Cambridge, MA: Blackwell, 1993.
10. Bell D. *The cultural contradictions of capitalism*. N.Y.: Basic books, 1976.
11. Blasi A. Moral development and moral action: A theoretical perspective// *Developmental Review*. Elsevier, 1983. Vol. 3. № 2. P. 178–210.
12. Blasi A. Moral functioning: Moral understanding and personality / In D. K. Lapsley & D. Narvaez (Eds.), *Moral development, self and identity: Essays in honor of Augusto Blasi*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum & Associates, 2004. P. 310–336.
13. Crawford R. Health as meaningful social practice. // *Health*. 2006. Vol.10. № 4. P.401–420.
14. Crawford R. Healthism and the medicalization of everyday life. // *International Journal of Health Services Research*. NY: Baywood Publishing Company, 1980. Vol.10. № 3. P. 365–388.
15. Dworkin S.L., Wachs F.L. *Body Panic: Gender, Health, and the Selling of Fitness*. New York: New York University Press, 2009.
16. Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York, NY: Pantheon, 1980.
17. Foucault M. *The care of the self*. New York, NY: Vintage Books, 1988.
18. Fowers B.J. Instrumentalism in psychology: Beyond using and being used // *Theory and Psychology*. 2010. Vol. 20. P. 102–124.
19. Hookway N. Emotions, body and self: Critiquing moral decline sociology // *Sociology*. 2013. Vol. 47. № 4. P. 841–857.
20. Hookway N. Moral decline sociology: Critiquing the legacy of Durkheim // *Journal of sociology*. 2014. Jan. 20. P. 1–14. Available at: <http://intl-jos.sagepub.com/content/early/2014/01/20/1440783313514644.full.pdf+html> [date of access: 27.12.2015].
21. Janoff-Bulman R., Carnes N.C. Surveying the Moral Landscape: Moral Motives and Group-Based Moralities // *Personality and Social Psychology Review*. 2013. Vol. 17. № 3. P. 219–236.
22. Lasch C. *The culture of narcissism: American life in an age of diminishing expectations*. N.Y.: Norton, 1979.
23. Lefebvre A. The Rights of Man and the Care of the Self // *Political Theory*. 2014. Vol. 43. № 4. P. 1 – 23.
24. MacIntyre A. *After virtue: A study in moral theory*. L.: Duckworth, 1985.
25. Reiff Ph. *The triumph of the therapeutic: Uses of faith after Freud*. N.Y.: Harper & Row, 1987.
26. Roberto K.A., Gigliotti C.M., Husser E.K. Older women's experiences with multiple health conditions: Daily challenges and care practices // *Health Care for Women International*. 2005. Vol.26. № 8. P. 672–692.
27. Taylor C. *The ethics of authenticity*. Cambridge (MA): Harvard university press, 1992.
28. Weiten W. *Psychology: Themes and variations* (9th ed.). Belmont, CA: Wadsworth, 2011.
29. World Health Organization. *Health Education in Self-Care: Possibilities and Limitations*. - Geneva: World Health Organization, 1983.

Kozlova M.A. The moral of self-care in the sociological approach to modernity

In the analytical review we examine the discourses around the phenomenon of care of the Self in mass culture, political sciences, psychology of morality and sociology. Care of the Self is presented not only as a mechanism of maintaining and developing of the identity of the individual. In the context of modern societies the practices of care of the Self allow the individual to return meaning to his life, to conform to the moral ideals and to show creativity, adapting to the world.

Key words: care of the Self, sociology of modernity, altruism, morality

УДК 316.6

М.А. Корецкая

Идеал автаркии: от суверенной власти к биополитике¹

Аннотация:

В статье автаркия как идеал «власти над собой» рассматривается в качестве цели античной практики заботы о себе. Генеалогическое родство концептов автаркии и суверенности, учитывая проблемную неоднозначность последнего, позволяет поставить вопрос о цене автаркического идеала и его перспективах в горизонте биополитики. Поскольку суверенность связывает право на свободу с готовностью умереть и причинить смерть другому, а биополитический диспозитив рассматривает жизнь как ключевой ресурс управления и лишает насилие легитимности, практическое осуществление свободы как власти над собой для современного индивида оказывается сопряжено с травматическими противоречиями.

Ключевые слова: автаркия, забота о себе, суверенность, свобода, право на смерть, чрезвычайное положение, биополитика.

Об авторе: Корецкая Марина Александровна, кандидат философских наук, Самарская гуманитарная академия, доцент, заведующий кафедрой философии.

Речь пойдет, конечно, об автаркии не как о хозяйственной политике изоляционизма с установкой на нулевую степень импорта², а об автаркии как об античном идеале самодостаточного независимого существования³, что в качестве позитивно понятой свободы являлось целью заботы о себе (*epimeleia heautou*) и имело долгую историю.

Затеянный М. Фуко проект по переоткрытию античной *эпимелейи* как практики обретения свободы не в политической борьбе со злыми и репрессивными тотальностями, а в методически пронизывающем повседневность процессе учреждения себя при помощи аскетики и эстетики, с одной стороны, был, конечно, новостью⁴. Он вполне отвечал задаче, сформулированной Фуко и для

¹ Данное исследование выполнено при финансовой поддержке фонда РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Амбивалентность власти: мифологический, онтологический и практический аспекты» (проект РГНФ № 14-03-00218).

² Эта не слишком уважаемая концепция, восходящая к работам И.К. Родбертуса, использовалась в период между 1-й и 2-й мировыми войнами для укрепления идеологической базы политики изоляционизма и экспансии.

³ Употребление концепта автаркии принято возводить к Демокриту, который с его помощью характеризовал природу *фюсис* как самодостаточное сущее. Далее, и Платон, и Ксенофонт вкладывают его в речи Сократа, рассуждающего о достоинствах умеренности, поскольку последняя позволяет ни в чем не нуждаться. Платоном и Аристотелем обсуждалась также тема автаркичности полиса. Одно из наиболее компактных определений автаркии принадлежит стоику Хрисиппу: «Автаркия есть состояние, которое удовлетворяется необходимым и которое способно приводить жизнь к должному». Как пишет Н.В. Брагинская по поводу этимологии этого концепта, «корень *ἀρκ* обладает не абстрактным значением “быть достаточным”, а более конкретным: “удерживать и отклонять все плохое от живого, защищать от гибели живое и защищаться”; *οἰκος* — надежный, или обеспеченный, причем тоже с точки зрения сохранения жизни. В слове “автаркия” *αὐτό-* обозначает усиление выраженной в корне способности жить и сопротивляться гибели, поэтому автаркическим греки называли не любые вещи, но живые существа в их полноте и неуязвимости». Приставка *αὐτό* весьма любопытна, поскольку имеет смысл, во-первых, возвратности (то «само», которое присутствует в «заботе о (самом) себе», а во-вторых - тождества (*τό αὐτό*). В качестве формулы онтологического тождества *αὐτό* оказалось включено в состав многих, прежде всего платонических концептов, обозначающих идеи [5].

⁴ В частности, новостью было обнаружение в качестве фундамента столь важной для истории Запада зарождающейся формы субъектности вовсе не привычного гносеологически-рефлексивного постулата «познай самого себя», а практики «заботы о себе», что позволило Фуко в рамках проекта по генеалогии субъекта противопоставить гносеологической форме философии «духовность». «Можно

себя, и для других – «мыслить иначе». Но, с другой стороны, благополучно содержал в упакованном виде все ключевые гуманистические идеалы, на которые пристало ориентироваться интеллектуалам в их нелегком и неблагодарном труде. Здесь и задача самосовершенствования, и поиск себя, и обретение свободы мысли, слова и экзистенциального самоопределения, образование, воспитание, этическая ответственность и гражданская вменяемость – все то, что входит в джентльменский набор представлений о человеческом достоинстве и в важности чего в приличном обществе не принято сомневаться. Позитивный и вполне гуманистический смысл заботы о себе очевиден, но есть соблазн задать вопрос о цене этого идеала и поговорить о вещах довольно мрачных, которые так же трудно принять, как и отказаться от означенного выше идеала.

Итак, выстраивая генеалогию европейского субъекта, Фуко обнаруживает в античной *эпимелее* точку его фактического учреждения. Конечно, для Платона с его онтологическим реализмом пресловутое «самое само»¹ в качестве предмета попечения трактуется как «душа», наиболее бытийно подлинное в человеческом существе начало, с чем коррелирует знаменитое пиндарово «стань тем, что ты есть». Однако постструктуралистская оптика склоняет видеть в этих поворотах к себе, обретениях себя, скорее, некие перформативные акты, позволившие античным грекам выстроить специфические отношения с собственной человечностью, на которые мы и опираемся до сих пор, изрядно их трансформировав. В этом смысле сформулированная в платоновом «Алкивиаде» задача «позаботиться о себе», с точки зрения Фуко, представляла собой вовсе не метафизическое событие первого откровения истины о человеческом бытии (в духе Хайдеггера)²; скорее, здесь имела место вполне случайная, хоть и судьбоносная конфигурация истории. То есть речь идет не об откровении о себе, а об изобретении себя, почему у Фуко все время и говорится о конкретных практиках, техниках (в том числе и техниках тела) и их эффектах³.

Забота о себе и в более ранней сократо-платоновской воспитательной редакции «учиться управлять собой, чтобы управлять другими», и в поздней эллинистической и римской редакции обеспечения достойной и блаженной жизни для себя самого, а не ради полиса и империи, в качестве цели ориентировалась на такой экзистенциальный и этический режим, который помимо автаркии (самодостаточности) характеризовался такими понятиями как *enkrateia* (воздержность, умение контролировать свои страсти и желания, чтобы жить и поступать как должно), *ataraxia* (невозмутимость, покой совпадающего с самим собой духа), *apatheia* (неподверженность патосу, страстям, которые грозят поработить и причинить страдания – душа, претерпевающая страсти,

было бы назвать духовностью те поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине» [15, 27]. Когда Фуко утверждает, что доступ к истине – практическая, а не теоретическая задача, изменение себя, а не рефлексия над своим бытием, он, по сути, в очередной раз дистанцируется от трансценденталистской традиции, и его цель – не просто голословно утверждать, что субъект формируется конкретными практиками, а не предсуществует по отношению к опыту, но и показать, как именно это формирование происходит. Об этом и о сложных отношениях Фуко с картезианской традицией в целом подробно пишет А.Г. Погоняйло в послесловии переводчика к «Герменевтике субъекта» [10].

¹ Знаменитая формулировка Платона «auto to auto» (в привычном переводе «самое само») весьма существенна и многослойна, поскольку располагается в самом фундаменте метафизики. И трактовать ее можно и как отсыл к человеческой сущности, обосновывающей метафизику тождества, и как просвет в онтологическое различие, поскольку, как пишет А.Г. Погоняйло, «Самого «самого само», тождества, или, как предпочитает В.В. Библихин, *тождества* (оно же не-тождество, стало быть, Различие), чувственное восприятие нам не показывает, хотя без него никакое восприятие невозможно и невозможен сам мир, который – всегда целый, хотя бы даже и рушащийся, хотя бы и бесконечный» [10, 619]. Однако весьма характерно, что все эти тонкие онтологические дистинкции Фуко не интересуют практически вовсе, поскольку его подход одинаково радикально требует покинуть территорию как классической метафизики, так и фундаментальной онтологии.

² Впрочем, в «Герменевтике субъекта» странным образом встречаются довольно хайдеггеровские по духу и настроению пассажи. Так, Фуко сетует на то, что, забыв о духовности и вытеснив ее задачей познания, европейская традиция ушла «не в том направлении», в каком следовало, и плоды этого заблуждения мы пожинаем до сих пор. «Об истории духовности и ее требованиях не вспоминают. А между тем, ценой этого ухода в сторону, этой подмены вопросов, относящихся к теме «истина и субъект», разговорами о принадлежности (группе, школе, партии, классу и т.д.) оказывается как раз забвение вопроса о том, как соотносятся между собой субъект и истина» [15, 44]. Эта вполне очевидная стилистическая перекличка с хайдеггеровской деструкцией истории метафизики исходя из подлинности *алетей* плохо вписывается в свойственную самому Фуко манеру проблематизации и иллюстрирует эпизод внутренней работы мысли Фуко по преодолению влияния Хайдеггера.

³ В каком-то смысле, методологическая установка Фуко может быть названа даже позитивистской: ««Счастливый позитивизм» Фуко позволяет ему видеть социальное как данное первично, а не конституированное исходя из способностей разума, то есть как исторический факт, как «редкость», (по выражению того же Вейна), а не как универсалию. Он не занимается интерпретацией, вернее, признавая за исследователем право интерпретировать, никогда не забывает о том, что за любой интерпретацией остается еще текст как таковой. Этот последний и занимает Фуко, что позволяет П. Вейну говорить о его «герменевтическом позитивизме»» [9, 411].

пребывает в пассивном состоянии, оказывается подчинена), *anakhoresis eis heauton* (отрешенность, способ уйти от мира «в себя», не покидая своего фактического места в мире). В этом смысле автаркия вынесена в заглавие статьи несколько условно, как представитель этого ряда. Собственно, за всеми этими понятиями стоит идеал «власти над собой» (своего рода *autokrátēia* – не в узком смысле «самодержавия», конечно), задающий в античной перспективе единственно достойный свободного человека способ существования. Античная этика предполагала, что заботиться о себе следует для того, чтобы в любых обстоятельствах индивид мог не просто, что называется, «держаться в руках», но и быть главной верховной властью для себя. М. Фуко в книгах и лекциях, посвященных античной эпимелее, неоднократно подчеркивает тот момент, что ни предписания морали, ни религия и право, ни государство не говорили древнему греку, как именно он должен поступать в каждой конкретной ситуации. Стало быть, свобода в этом контексте – это и есть власть над собой во всех смыслах этого слова.

Не удивительно, что, поясняя все эти понятия скопом и по отдельности, Фуко прибегает к концепту суверенности¹, впрочем, делая это чрезвычайно осторожно, поскольку концепт этот, во-первых, исторически связан со средневековой монархией и христианской политической теологией (концепция сакрализованной верховной власти) и, во-вторых, имеет довольно мрачный шлейф коннотаций. Вполне можно сказать, что между автаркией и суверенностью есть генеалогическая преемственность, тем более, что они обе отсылают к абсолютности божества как к источнику обоснования.

В греческих текстах от Демокрита и до Платона автаркичен, прежде всего, Бог. Или, точнее, философское «божество», *to theion*, которое, в силу своего совершенства и полноты бытия (далее идут ключевые метафизические формулы, восходящие к Пармениду), ни в чем не нуждается, совпадает с собой, мыслит о себе и суть (по Аристотелю) чистая *energeia*, или, как принято переводить, «абсолютная действительность», в том смысле, что в божественном бытии нет ничего только лишь потенциального, всякая возможность полностью актуализирована. Для античной мысли совершенство понимается как завершенность и определенность, а не бесконечность (отсюда и *sfairos* как метафора совпадения с собственными границами). Человек может быть автаркичен в силу причастности этой божественной полноте, восхождения к ней (мыслью или с помощью практик)². С суверенностью как принципом верховной власти действовала во многом схожая схема, с учетом, конечно, креационистских корректировок (государь есть проекция божественного всемогущества, он занимает по отношению к социальному телу то самое место, которое в силу своей трансцендентности не может занимать Бог)³. Однако суверенность – концепт крайне неоднозначный и его проблемность заставляет проблематизировать вторым шагом и автаркический идеал заботы о себе. Об этой амбивалентности пишет, в частности, Ж. Батай, когда, опираясь на лекции Кожева о Гегеле и имея в виду пресловутую диалектику господина и раба, связывает в суверенности право на свободу с готовностью умереть и причинить смерть другому. Суверенен тот, кто в схватке за чистый престиж либо побеждает, либо предпочитает смерть участи раба.

То есть, суверенность господина находит свое обоснование в совершенно избыточном и потому свободном смертельном риске, при этом «побуждения суверенного человека

¹ Вот пара типичных примеров такого словоупотребления: «Воздержность, понятая как один из аспектов власти [soveranite] над собой, является не в меньшей степени, чем справедливость, мужество и рассудительность, отличительной добродетелью того, кто должен осуществлять начало над другими. Наиболее царственный человек – царь самого себя (*basilikos, basileuon heautou*)» [16, 127]. В записях к лекциям «Герменевтика субъекта» есть такой пассаж, характеризующий старость как исполненность отношения к себе: «Это – этическая форма, которой присуща одновременно и независимость от всего того, что от нас не зависит, и полнота отношения к себе, когда осуществление этого суверенитета – уже не борьба, но удовлетворенность» [8, 581].

²Если божественный Ум энергичен, то человеческий логос нуждается в дополнительной актуализации – таково онтологическое обоснование причастности философии к политике, ее внутреннего долга быть «деятельной» (*ergon*, «дело», «действие» восходит к тому же корню, что и *energeia*, «действительность»), о чем речь идет в VII письме Платона, объясняющем его поездку в Сиракузы. В этом контексте Фуко формулирует вопрос: «При каких условиях философский дискурс может быть не просто *logos*-ом, но и *ergon*-ом, в сфере политики? Иначе говоря: при каких условиях философский дискурс может столкнуться с собственной реальностью, выказать собственную реальность для себя и для других» [15, 241].

³ Весьма подробно эта тема суверена как репрезентанта сначала божественного могущества, а затем «народа», а также кризис суверенной власти рассматривается в книге М. Ямпольского [20].

фундаментальным образом делают его убийцей» [4, 331]. Это разговор о суверенности в экзистенциально-антропологическом ключе. Фуко в конце первого тома «Истории сексуальности», говоря об исторических диспозитивах власти, также связывает суверенную власть со взиманием жизни и принуждением к смерти. Суверенная власть – это во всех смыслах власть крови. Агамбен, отталкиваясь от Шмитта, определяет суверенность в политическом ключе как право принимать решения, и прежде всего, решение о чрезвычайном положении. Чрезвычайное положение предполагает приостановку действенности нормального правового поля и в этом смысле в большей или меньшей степени характеризуется состоянием аномии, что потенциально чревато началом террора¹. Суверенное решение – это решение о смерти, суверенная власть в пределе – это право на смерть. Таким образом, понятие суверенности связывает в фигуре полновластного субъекта, принимающего решения, божественную свободу и полноту с божественным же насилием, так что впредь это становится проблемой: возможно ли самоопределение без террора?

Имеет ли все это отношение к античной заботе о себе и автаркии? Полагаю, что да, и самое прямое. По крайней мере, в силу того, что исторически по Фуко античная эпимелейя попадает в зону суверенного диспозитива власти (другой, современный диспозитив – биополитика). А значит, власть над собой и другими приобретет соответствующую окраску. Поэтому привычная благообразная картинка, изображающая философов-мудрецов, предающихся во имя заботы о себе прогулкам, медитациям и разговорам не то, чтобы несправедлива, но не достаточна. Вспомним о социокультурном контексте, делающем эпимелейю столь востребованной. Славная прямая полисная демократия предполагала, что быть свободным гражданином значит участвовать в принятии политических и управленческих решений и разделять ответственность за эти решения (даже в аристократических республиках дорийских полисов гражданин в любом случае имел доступ к процедуре принятия решений на уровне, по крайней мере, народного собрания). Демократический принцип, который мы обнаруживаем в «Политике» Аристотеля – «все правят всеми по очереди»² – предполагал, что управлять приходится равными, а не подданными и рабами. Свободный должен уметь руководить и подчиняться, не роняя своего достоинства, потому что подчиняются не господину, а справедливости. Отсюда воздержанность в отношении к другим, озабоченность способностью к публичному высказыванию, то есть такому, которое смотрит дальше частных и клановых интересов, ориентируясь на пользу полиса, всеобщее благо, логос-закон. *Parresia* как характеристика мудрой речи, которой так много внимания в «Герменевтике субъекта» и «Управлении собой и другими» уделяет Фуко – не просто откровенность, это честная прямая речь по существу вопроса, обращенная к равным в связи с делами, которые касаются каждого. При этом автаркийность гражданина вовсе не предполагала его атомизации. По крайней мере, известно пренебрежительное отношение к фигуре *idiōtēs*’а как человека, исключенного из публичности и ориентированного на частные интересы. В этом контексте понятны рассуждения Платона и Аристотеля о том, что каждый человек сам по себе от природы все-таки несамодостаточен, он во многом испытывает нехватку, почему люди и объединяются в полис, и уже через принцип автаркийности полиса каждый получает автаркийность как собственный проект.

Однако власть, действительно напрямую осуществляемая многими, предполагала очень сложный аппарат с весьма изощренной системой баланса, который был большой роскошью (хотя бы в том смысле, что афинскую демократию оплачивал весь морской союз), был склонен к всевозможным эксцессам и постоянно давал сбои. Так много идеалов вокруг полисной демократии существует потому, что для того, чтобы работать, этот аппарат требовал по сути невозможного, а

¹ Чрезвычайные полномочия перед лицом объявленной угрозы предполагают, что ради общей безопасности приостанавливаются права и свободы граждан, а ради обезвреживания врага потенциально любая жизнь может быть отнята без того, чтобы это убийство считалось преступлением. [2], [1].

² Конечно, эти так называемые «все», наделенные полнотой гражданских прав и допущенные в той или иной форме и степени к порядку принятия общих решений составляли не более трети населения. К тому же даже среди полноправных граждан эгалитарность была весьма относительна. При том, что демократический режим в Афинах предполагал принципы равенства всех перед законом (*isonomia*) и право свободного публичного высказывания (*isegoria*), это вовсе не означало буквального равного распределения власти на всех понемногу. Принцип открытой агональности в публичном пространстве позволял выйти на авторитетные позиции – всегда только на время – предположительно наиболее достойным претендентам на влияние, то есть тем, кто не просто выдвигает те или иные инициативы от лица большинства, но и способен доказать в споре, что именно эти инициативы в наибольшей степени соответствуют общим интересам.

именно, массовой подготовки вменяемых свободных индивидов, способных к гражданским полномочиям. Поэтому предполагалось, что недостаточно родиться в правильной семье¹ свободным мужчиной, надо научиться практиковать свободу, надо освоить автаркию на уровне этического и политического праксиса, что подразумевает пайдею не только в смысле облагораживания души с ее речевыми и мыслительными способностями, но также и в смысле определенных техник тела. Вплоть до того, что мерой воздержности оказывалось самообладание перед лицом смерти, и поскольку с такого рода испытанием было связано вхождение в полноправный статус, речь, конечно, идет не о принятии смерти от старости и болезней, а о готовности к героической гибели на поле боя.

Иными словами, прямая греческая демократия считалась вменяемой формой социальной организации только при условии, что будущие и действующие граждане инвестируют свое тело в военную машину полиса, и всякий полис обеспечивал своим гражданам такую возможность. Так, граждане Афин являлись военнообязанными с 18 до 60 лет, причем вооружением они обеспечивали себя самостоятельно. А поскольку военные кампании случались регулярно, почетное право сражаться за полис выпадало каждому. Гражданский статус свободнорожденные юноши получали в возрасте от 18 до 20 лет при зачислении в эфебии, своеобразные государственные организации, ответственные за военную подготовку, причем в случае военных действий именно молодежь ставили в авангарде, предоставляя ей преимущественное право быть убитой, так что до полноценного гражданского статуса доживали далеко не все. У Платона проскальзывает интересная мысль – надо бы изобрести наркотик, вызывающий чудовищные видения, чтобы испытывать молодых людей на предмет *arete*², получив, таким образом, подлинный опыт смертельного риска без самого смертельного риска [16, 120]. Пресловутая дорийская система воспитания (*agōgē*), напротив, не предполагала никакой щепетильности. Полисы беспрерывно воевали, если не с персами, то друг с другом, что объясняется не только и не столько вынужденным соперничеством за скудные ресурсы, но и экономикой престижных трат, и принципами тренировки-аскезы: следовало не только тренироваться в гимназиях на случай войны, но и саму войну рассматривать как необходимую регулярную тренировку доблести. Как говаривал Герклит, «Война – отец всех, царь всех: одних она объявляет богами, других – людьми, одних творит рабами, других – свободными» [7, 202]. В общем, даже дисциплина философского досуга мыслится как продолжение военной доблести другими средствами, поскольку и то и другое предполагает готовность и умирать, и быть безжалостным ради Блага, что и демонстрирует на своем личном примере Сократ, этот образцовый воин экзистенции.

В этом контексте понятно, почему *parresia*, включенная в самый фундамент демократии, имеет, по сути, смертельный и смертоносный характер³. В общем, эпимелейя как забота о себе, пронизывающая повседневную жизнь, была связана не только с созерцательным поиском самопознания, но также вживляла способность к автаркии в тело индивида и габитус в целом, что было непременным условием воспитания этической способности к достойной жизни под сенью *арете*. В этом смысле можно сказать, что суверенность была для этих свободных граждан вполне реальным опытом, что и позволяет некоторым образом ностальгически идеализировать этот давно утраченный уклад, несмотря на его очевидные и вполне чудовищные издержки.

¹ Полнотой гражданских прав обладали только те уроженцы Афин, и отец, и мать которых были свободными афинянами. Такой подход имел, с одной стороны, идейное обоснование (только уроженцы полиса способны ставить его благо выше своего собственного), а с другой стороны, прагматический смысл, поскольку позволял удерживать количество полноправных граждан в неких пределах, что было чрезвычайно важно, имея в виду хрупкий баланс демократического устройства: слишком большое число граждан означало неминуемое скатывание в хаос. По крайней мере, так было до того момента, когда ряды афинских граждан слишком резко поредели в результате Пелопонесской войны и эпидемий.

² Одно из ключевых понятий античной этики, означавшее одновременно добродетель, моральное совершенство и доблесть. В смысле боевой доблести, ярости *арете* присутствует уже в «Илиаде».

³ Так, рассматривая сцену «Платон у Дионисия» как матричную для понимания сути правильной *parresia* в Лекции от 12 января, Фуко пишет: «субъекты принимают добровольно говорить правду, ясно осознавая, что это высказывание правды может стоить им жизни. Паресиаст – это тот, кто в пределах соглашается умереть ради правды. Или, вернее, паресиаст – это тот, кто говорит правду, будучи готов заплатить за это любую цену, которая может оказаться ценой его собственной жизни. Мне представляется, именно в этом суть *parresia*» [19, 70].

В период Эллинизма и Римской Империи политический уклад меняется, но инерция идеала остается, так что автаркийность впервые становится не только задачей пайдеи, но и проблемой, с чем и связано отмеченное Фуко изменение в проекте заботы о себе. Что значит практиковать свободу, если даже свободный гражданин, по сути, является подданным? В отличие от Сократа и Платона киники, стоики и эпикурейцы начинают свой разговор с тезиса о том, что все люди – рабы и должны обеспечить себе освобождение сами. Уточняется, конечно, что они пребывают в рабстве у своих и чужих страстей, но суть в том, что никакой статус не гарантирует сохранения достоинства: имперские реалии таковы, что любой может обнаружить себя в роли объекта суверенного решения. В качестве спасительной здесь появляется стратегия «жить для себя», организовать с помощью заботы о себе длинную в жизнь зону свободы в частном пространстве. Таков обновленный смысл автаркии. Но опять же, этот проект был возможен постольку, поскольку индивид не менее бдительно культивировал в себе самообладание перед лицом боли и смерти. Только в данном случае на первый план выходит не боевая доблесть¹, а готовность в любой момент в случае необходимости пристойным образом организовать свое самоубийство, улизнув от длинной руки государя.

В любом случае ценой и фундаментом эстетики существования, искусства жизни, власти над собой было практикуемое право на собственную смерть, и чтобы уметь реализовать это право и распознать момент, когда его можно и нужно применить, сохраняя достойное отношение к себе, были разработаны все эти многочисленные упражнения в размышлениях о бедах и смерти, телесная аскеза, привычка проживать каждый день как последний и прочее, и прочее. Смерть считалась перформативным актом, завершающим жизнь и придающим ей смысл как целому², отсюда такая озабоченность почти театральной эффектностью этого события³, но главное – успеть и суметь самостийно распорядиться собой в этом главном акте.

Теперь посмотрим на право распоряжаться собственной жизнью и смертью в эпоху биополитики⁴. Биополитический диспозитив власти опирается не на архаическую экономику престижных и кровавых трат, находящую выражение в эксцессах войны и жертвоприношения, а на буржуазную экономику накопления и бережного управления ресурсами (об этой смене экономических политик много пишет Ж. Батай⁵). Биополитика сосредотачивает свое внимание на жизни (индивида, населения) как на ключевом ресурсе и предпочитает управлять ей, извлекая из нее максимальный эффект, а не растрачивать ее. Эта власть ценит жизнь, и приучает своих подопечных к тому, чтобы они ее тоже ценили, правда декларированная гуманность представляет собой неотразимую и потому тотальную форму контроля в форме бдительной заботы власти о нас, о нашем здоровье, желании, сексуальности.

¹ Хотя, конечно, героическое самопожертвование на поле боя вовсе не сбрасывается со счетов: верх гражданской доблести в римский период – это добровольный ритуал девиции (devotio), когда полководец перед безнадежной битвой публично дает обет, обрекая подземным богам врагов и себя с ними заодно, и само собой, он должен пасть в бою, чтобы сделка состоялась [12].

² Фуко приводит красноречивый пассаж из Сенеки: «Смерть покажет, чего я достиг, ей я и поверю. Без робости готовлюсь я к тому дню, когда придется держать ответ перед самим собой: только ли слова мои были отважны, или также и чувства. Подоспелет конец, тогда и станет ясно, что ты успел». Таким образом, именно мысль о смерти делает возможными эту оглядку на свою жизнь и ее оценивание» [15, 520].

³ В этой связи весьма красноречиво описание последних минут жизни Гая Юлия Цезаря, данное Светонием: «Когда же он увидел, что со всех сторон на него направлены обнаженные кинжалы, он накинул на голову тогу и левой рукой распустил ее складки ниже колен, чтобы пристойнее упасть, укрытым до пят». [11, 35]. Едва ли современный человек в подобных обстоятельствах вообще задумался бы о благопристойном виде своего будущего трупа. Цезарь демонстрирует совсем другую культуру отношения к смерти, поведения перед лицом смерти. Никакой паники, последние усилия направлены на создание из собственного тела недвусмысленного послания: смерть в священных стенах курии не только не должна быть непристойной, Цезарь оформляет ее как своего рода жертвоприношение (римляне накидывали на голову тогу, закрывая лицо в момент обращения к богам в процессе совершения жертвоприношения). Это своего рода символическое присвоение Цезарем собственного убийства было не только условием его последующей дивинации, но и в некотором смысле позже позволило легитимировать принципат Августа.

⁴ Фуко вводит концепт биополитики в «Воле к знанию. История сексуальности. Том I» [14], а также в ряде лекционных курсов в Коллеж де Франс [17;18;19]. Фуко охарактеризовал как биополитику актуальный диспозитив власти вне зависимости от конкретных политических режимов. Причем концепт этот нес на себе антиметафизическую методологическую установку: вместо поиска неких универсалий, бытийной сущности власти, Фуко предпочитал экспликацию исторически конкретных распорядков, устройств, практик и техник власти, т.е. собственно диспозитивов, каждому из которых присущ своеобразный тип конструктивности и репрессивности, своеобразный способ управления собой и другими, определенная конфигурация субъектности. Скорее наметит генеалогию биополитики в общих чертах, чем прописав этот диспозитив в подробностях, Фуко оставил широкое поле для дальнейшей проблематизации.

⁵ Батай поднимает эту проблематику, прежде всего, в «Проклятой части», но также и в «Суверенности» [4].

То есть человеческая жизнь как высшая ценность – это одновременно и гуманистический принцип, и установка биополитики, и едва ли возможно отделить одно от другого. В самом деле, после массовых кровавых эксцессов, имевших место в XX веке, героический энтузиазм нам кажется подозрительным, сегодня нельзя легитимно жертвовать кем бы то ни было ради чего бы то ни было. Право на жизнь и свободу считается неотъемлемым с самого момента рождения, а участие в военных конфликтах, прохождение через боевой опыт в горячих точках никоим образом не считается образцом социализации и способом воспитания вменяемого гражданина. Освенцим не должен повториться... Проблема в том, как уверяет Дж. Агамбен, что он то и дело повторяется. Соответственно, Агамбен корректирует Фуко: биополитический диспозитив не сменяет диспозитив суверенной власти, а, скорее, накладывается на него. Биополитика характеризуется не только вниманием к экономическому и политическому потенциалу жизни, но и механизмами отчуждения, отсутствовавшими ранее, в силу чего приемы классической эпимелетии могут здесь оказаться в решающий момент бессильными. Человеческий конвейер – это биополитическая технология и он предполагает, что индивид перестает быть субъектом собственной телесности. В результате, как пишет Агамбен, в Освенциме никто не умирал, смерть систематически исключалась как человеческий акт конвейером по производству трупов, машиной по редукции людей к статусу «голой жизни», «жизни, недостойной быть прожитой», которая может быть отнята кем угодно без того, чтобы это считалось преступлением¹. Опыт лагерей полностью деструктивен, поскольку это невозможный и часто необратимый опыт катастрофического разрушения субъектности, полной утраты автаркии.

Похоже, в XXI веке отчуждающий разрыв между индивидом и его правом на жизнь и самоопределение тоже никуда не делся, почему и чрезвычайное положение, виртуализировавшись, воспроизводится с регулярностью системной ошибки. Имеется в виду, что при общей биополитической установке на недопустимость насилия и террора, тем не менее, чрезвычайное положение оказывается чем-то вроде исключенного основания системы, поскольку именно оно предъявляет/конституирует «просто-жизнь» как ключевую биополитическую ценность. Показательным образом в рамках такого диспозитива всякая война квалифицируется как *гуманитарная катастрофа*, а террор приобретает виртуальные формы – он реален везде, но в качестве угрозы и локален в качестве Страсти Реального (невозможного, непереносимого опыта, абсолютного зла) в отдельных спорадически учреждаемых террористической практикой зонах. Современная форма террора в виде практики взятия в заложники предполагает, что любой обыватель, когда угодно и где угодно вне зависимости от своих планов, взглядов, предпочтений, гражданской позиции, может быть мгновенно редуцирован до «голой жизни», объекта насильственных манипуляций. В этих обстоятельствах возникает вопрос по форме риторический, а по сути патовый: каково наше практическое отношение к нашей свободе, если по сути субъектность, (в виде прав человека) дарует нам и гарантирует только власть в лице в лучшем случае правового государства, а у мирных граждан есть лишь обязанность выживать и быть хорошими налогоплательщиками? Правильное поведение в чрезвычайной ситуации предполагает, что следует дожидаться, когда о тебе позаботятся профессионалы – какая уж тут автаркия и власть над собой? Мы мирные, просвещенные и гуманные, и в наши планы никак не входит ни своя, ни чужая смерть, и это не трусость, это этическая позиция, но с другой стороны, наша субъектность максимально уязвима и скорее виртуальна, чем актуальна.

С этой проблемой показательным образом коррелирует странная трансформация способности к публичному высказыванию и формированию гражданской позиции. Казалось бы, благодаря сетевым медиа всякий может не просто высказаться, но и быть услышан сколь угодно большой аудиторией, так что предположительно возможно даже возвращение к прямой демократии,

¹ «Впервые уничтожение людей в лагере сравнил с конвейерным производством эсэсовский врач Фридрих Энтресс. (...) Применительно к лагерю речь идет не о смерти в собственном смысле этого слова, а о чем-то бесконечно более оскорбительном, чем смерть. В Освенциме не умирали, там производились трупы. Неумершие трупы, не-человеки, чья гибель была обеспечена тем, что поставлена на поток» [3, 77]. Техничность и рутинность этого производства позволяла персоналу лагерей относиться к собственному участию в этом процессе без особых угрызений совести: они просто по инструкции манипулировали с некими объектами.

тем более, что сетевые платформы с очевидностью доказали свою способность обеспечивать консолидацию, так сказать, «снизу». Однако вместо парресии в виртуально организованном пространстве публичности мы видим скорее бесконечные потоки рессентимента, и при том, что все знают почти все обо всем, все обо всем имеют мнение, и могут даже коллективно заявить свои позиции, много ли это в итоге меняет на уровне решений? Отсюда, с одной стороны, полусознанный массовый запрос на фигуру репрезентанта, когда нехватку моей автаркийности должна восполнить некая авторитетная фигура¹. Другая тенденция связана с ростом патологического интереса к экстремальности и экстремизму. Заметно возросшее число смиренных обывателей, внезапно обнаруживших в себе готовность убивать и быть убитыми за некие идеи, говорит об их насущном желании перевести свою суверенность из эфемерного состояния правового *arçioç* в реальный, пусть и не слишком легальный и легитимный опыт. Они сами, часто из романтически-экзистенциальных соображений ищут выход в зоны аномии и находят его, не слишком удручаясь тем фактом, что остальной мир, глядя на них, не может сформулировать внятных критериев, чтобы различить революционеров, экстремистов, добровольцев, боевиков, сепаратистов, террористов, иными словами, отличить легитимное насилие от нелегитимного.

Библиографический список:

1. Агамбен Дж. Номо sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: «Европа», 2011 а. – 256 с.
2. Агамбен Дж. Номо sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011 б. – 148 с.
3. Агамбен Дж. Номо sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Изд-во «Европа», 2012. – 192 с.
4. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. / Пер. с фр. С.Н. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. – 742 с.
5. Брагинская. Н.В. Автаркия. Новая философская энциклопедия /Под редакцией В. С. Стёпина. В 4 тт., Т I. – М.: Мысль. 2001. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0048.html> (дата обращения 02.09.2015).
6. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №2735 от 10.12.2014 URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115087> (дата обращения: 05.08.2015).
7. Гераклит. Фрагменты. // Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. – М.: Наука, 1989. С. 176-273.
8. Гро Ф. О курсе 1982 года// Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году/ Пер. с фр. А.Г. Погоняйло – СПб.: Наука, 2007. С. 549-597.
9. Дьяков А.В. Послесловие переводчика // Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-83 учебном году/ Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2011. С. 332-351.
10. Погоняйло А.Г. Мишель Фуко: история субъективности// Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году/ Пер. с фр. А.Г. Погоняйло – СПб.: Наука, 2007. С. 597-663.
11. Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей/ пер. с лат., предисл. И послесл. М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1990. – 255 с.
12. Сморгков А.М. Религия и власть в римской республике: магистраты, жрецы, храмы. – М.: РГГУ, 2012. – 602 с.
13. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году./ пер. с фр. В.Ю. Быстров, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. – СПб.: Наука, 2011 а. – 544с.

¹ В конституциях большинства стран, и нашей в том числе, написано, что субъектом суверенности является народ, но «народ» – это абстракция, которая в той или иной форме нуждается в конкретном воплощении, которым может считаться либо всякий конкретный индивид (такова либеральная модель), либо, напротив, наделенный полномочиями репрезентант «общей воли». Опрос ВЦИОМ от 29 - 30 ноября 2014 года показал, что 55 % наших соотечественников считают, что суверенность в России принадлежит президенту [ВЦИОМ, 2015].

14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. / Составление, перевод с французского, комментарий и послесловие С. Табачниковой – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
15. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1881-1982 учебном году/ Пер. с фр. А.Г. Погоняйло – СПб.: Наука, 2007. – 677с.
16. Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т.2 / пер. с франц. В. Каплуна – СПб.: Академический проект, 2004. – 432 с.
17. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году./ пер. с фр. Е.А. Самарской – СПб.: Наука, 2005. – 312с.
18. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году./ пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2010. – 448с.
19. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-83 учебном году/ Пер. с фр. А.В. Дьяков. – СПб.: Наука, 2011 б. – 432 с.
20. Ямпольский М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана. Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 800 с.

Koretskaya M.A. The ideal of autarky: from the sovereign authority to geopolitics

In the article the autarky as the ideal of "the power over self" is considered as a purpose of ancient practices of care for the self. Genealogical relationship of the notions of sovereignty and autarky, given the problematic ambiguity of the latter, allows us to raise the question about the high price of the ideal of autarky and its prospects in the horizon of biopolitics. Insofar as sovereignty connects freedom with readiness to die and cause the death of another, and on the other hand, the biopolitics considers life as a key resource of governance and denies the legitimacy of violence, the practical realization of freedom as "the power over self" for the modern individual is associated with traumatic contradictions.

Key words: autarky, care for the self, sovereignty, freedom, right of death, state of emergency, biopolitics.

УДК 811.111

ББК71 81. 2Англ-9

Т.А. Комова

Автор и его герой как проблема идентичности

Аннотация:

В предлагаемой статье рассматривается актуальная для современного читателя проблема идентичности реальной личности (писателя), и созданного им литературного персонажа, на материале англоязычной и русской литературы XIX века. Привлекая разнообразный материал словарей языка и культуры, энциклопедий и специальной литературы, становится возможным раскрыть причины душевного дискомфорта как литературных героев, так и их создателей, что позволяет поставить вопрос о необходимости внимания к психологической идентичности индивидуума - проблеме в высшей степени актуальной в межличностном общении современного социума.

Ключевые слова: еще раз об идентичности, автор в терминах идентичности, литературный герой как отражение личности автора на материале англоязычной и русской литературы XIX в.: Ч. Диккенс, Э. Дикинсон, Э. А. По, И.С. Тургенев.

Об авторе: Комова Татьяна Андреевна, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета; эл. почта: prof-komova@yandex.ru.

Самоидентификация:

И.С. Тургенев: «я стар и слишком долго живу на Западе».

E. Dickinson: «*I'm - Nobody! Who are you? Are you – Nobody – Too?*»

Edgar Allan Poe: «*We can but die together. It is no use to reason with me now. I must die*».

Ch. Dickens: «Я хороший отец всем детям моей фантазии»

В рамках курса лингвокультурологии произведение художественной литературы рассматривается как образец языка своей эпохи, а его автор как лучший представитель своего времени и литературного направления. Преподавание и изучение английского языка в иноязычной среде/аудитории не может не опираться на эту традицию. Однако в контексте межличностной/межкультурной коммуникации нас больше интересует не социальный портрет литературного персонажа, а его психологический портрет в корреляции с психологическим портретом своего автора. Проблема идентичности личности изучается на материале многих жанровых разновидностях дискурса, но особый интерес для специалистов и молодых читателей лежит в сфере личностных отношений писателя с современниками и писателя со своими молодыми героями. И круг чтения становится кругом общения, что актуально для формирования аналитических навыков восприятия и оценки языка и культуры в современных условиях глобализации не только экономических, но и морально-нравственных отношений [5, 5 – 6, 8 – 9].

«Identity» обычное слово в словаре и определяется через «*who someone is: someone's name (is still unknown), the qualities you have that make you feel you have your own character, etc.*». [16, 706], там же находим устойчивые словосочетания: «*sense of identity*», «*ethnic/cultural/ social identity*». В учебных курсах по лингвокультурологии, в том числе, по сопоставительной лингвокультурологии США, Великобритании и России, особое внимание обращается на такой сложно-

структурированный концепт, как *IDENTITY* [5, 20 – 22; 1, 129 – 148, 200 – 209]. Наше понимание личности и ее особенностей в социуме начинается с понимания личного имени, которое присваивается при рождении, или изменяется по прихоти самого человека по мере взросления. Существуют социально значимые ситуации, когда смена имени обязательна, во многих культурах для женщин, вступающих в брак, для особ, занимающих самые высокие должности в церковной иерархии, в случае престолонаследия, смены гражданства и т.п. Особый интерес для исследователей литературы в контексте культуры приобретает процесс присвоения имени литературным персонажам. И для реальных людей и литературных героев существует мода на имена, об этом написано много интересных исследований, особенно в последнее время [6, 65 – 76; 7, 64 – 79].

Например, в книге графа А.С. Уварова (1825 – 1884), одного из основателей Российского Исторического Музея в Москве, «Христианская символика» в главе 1 справедливо упоминается о том, что в эпоху раннего христианства сохранялась практика укрывания имени, обусловленная случаями преследования за веру: «Я припомню только любопытные сведения, доставленные христианскими надписями. Из них мы видим, что имя личное служило ярким отпечатком положения лица, носившего его, и вместе с тем было верным отголоском тех преданий и даже предубеждений, которыми характеризовали языческое общество первых веков христианства» (приводится в современной орфографии) [10, 1].

Так в послании апостола Павла к римлянам читаем о таких его сподвижниках, как “*greet Rufus; greet Phlegon; greet Philologus,*” а завершается послание специальным упоминанием того, кто записал это послание: “*Tertius who wrote down this letter, greet you in the Lord* [14, 829]. Эти имена сами говорят о себе, напоминая о внешности человека, его горячем нраве, его любви к слову и знанию или о том, что он родился третьим ребенком в семье. Заметим только, что имя Rufus было прозвищем, но с течением времени приобретает помету “английское” и широко употребляется в XIX в. [RUFUS, 21, 290; 20, 410].

В художественной литературе создателем своего героя является сам писатель, это «дитя его фантазии». Так, в романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» есть строки, которые не могут оставить равнодушным читателя, независимо от его национальной принадлежности или возраста:

“The child that was half-baptized Oliver Twist, is nine year old today”

“Bless him!” interposed Mrs. Mann...

“We have never been able to discover who is his father, or what was his mother’s settlement, name or con-dition.”

Mrs. Mann raised her hands in astonishment, “How comes he to have any name at all, then?”

The beadle drew himself up with great pride, and said, “I invented it. We name our fondlings in alphabetical order. The last was a S, this was a T, – Twist I named him” [13, 8].

Ситуация, описанная великим гуманистом и реалистом Ч. Диккенсом, как нельзя лучше дополняет толерантную словарную информацию о его времени и нравах. Мальчика 9 лет, сироту надо «продать», ведь он уже может приносить доход низшему чину сиротского приюта, и такое объявление будет висеть на воротах этого воспитательного учреждения. Этимология имени Оливер тоже интересна, в ней заложена подсказка к пониманию самого поведения ребенка – Oliver имя общегерманского происхождения, впервые в литературе присвоено спутнику Роланда в «Песне о Роланде» (*Chanson de Roland*), из лат. ‘*olivarius*’ – оливковое дерево. Герою Песни о Роланде свойственна горячность и напористость, а его приятелю – задумчивость и осторожность [21, 255]. В романе Ч. Диккенса Оливер проявит твердость характера и неуступчивость в общении со своими угнетателями, мягкость и доверие в общении с верными друзьями его матери.

Как мы видим, на первом месте имя, затем другие характеристики, важные для нашей личной идентификации и самоопределения в терминах культуры и социального положения. В своей

«Лингвистической энциклопедии» Д. Кристалл в Части 2 “*Language and Identity*” выделяет такие стороны идентичности, как “*physical identity, psychological identity, geographical identity, social identity and contextual identity*” [12, 18 – 48], рассматривая все эти ипостаси с точки зрения того языка, которым люди владеют от рождения или специально изучают. Для англичан, он пишет, французский язык звучит не так, как немецкий: первый романтичнее, а второй говорит о деловитости его носителей. Сказав о традиционных интересах психологии во всем, что касается

наших интеллектуальных и других способностей, Д. Кристалл замечает, что с взрослением личности становятся относительно постоянными языковые характеристики индивидуума, не всегда точно соотносимые с характеристиками стиля в стилистическом исследовании, например, в случае установления авторства [12, 32]. Он справедливо подчеркивает, что всем сказанным о нашем интеллекте, памяти и т.д. не исчерпывается ресурс психологии и психолингвистических исследований. В данном сообщении именно это замечание взято за отправную точку в презентации материала.

Как было уже сказано, в учебном процессе мы традиционно используем произведения художественной литературы, сегодня наравне с публицистическим дискурсом, политическим дискурсом, материалами газет и Интернет-сайтов. Обратимся к именам, сохраняемым для читателей «Словарями языка и культуры»:

Чарльз Диккенс (1812 – 1878): «*an English novelist, was and still is-considered by many to be the greatest one of all. His many famous books describe life in Victorian England and show how hard it was for the poor and for children*». [17, 350]. Викторианская Англия! – с намеком не обвинять ее Величество королеву за издержки социальной системы и развитого капитализма. Словарь фактологичен и толерантен, далее следует замечание, что «*his Dickensian style*» сочетал а) «*unpleasant dirtiness of Victorian England*», б) «*cheerfulness of Victorian amusements and customs*» [17, 351].

Эдгар По (1809 – 1849) – «*an American poet and writer of short stories. He wrote DETECTIVE stories (специально выделено в слове), about death and the SUPERNATURAL*» [17, 1012].

Для романтического направления от Анны Рэдклиф (готический роман) до Мэри Шелли (начало XIX в.) любовь, красота и смерть шли рука об руку, в Новом Свете Эдгар По полагал, что смерть красивой женщины поэтичнее всех тем: «*is unquestionably the most poetic topic in the world – and equally IT IS BEYOND DOUBT THAT THE LIPS SUITED FOR SUCH A TOPIC are those of a bereaved lover*» = <*recently died*> [15, 83; 22, 480– 490]. В своих литературно-критических статьях Эдгар По подчеркивает насколько важно для него различать понятия красоты (Beauty) и прекрасного (The Beautiful): “When, indeed, men speak of beauty they mean precisely not a quality, as is supposed, but an effect – they refer, in short, just to that intense and pure elevation of soul – not of intellect, or of heart...which is experienced in consequence of contemplating “the beautiful”. Уже в названиях статей Э. По “Philosophy of composition” и “The poetic principle” определяется особое значение этих понятий как принципов творчества [22, 483; 494 – 495]. Исследователи творчества Э. По подчеркивали значение формы в процессе создания произведения, музыкальности самого слова, способного вызывать у слушателя и читателя “*suggestions induced by dreamy situations accompanied by affective verbal tones*” [22, 114]. По их мнению “*Poe’s victimized men sought vast and arcane knowledge,... searched for the secrets of life itself in ideal love’s eyes*” [22, 6]. Эти два слова как два ключевых понятия Love и Life определили смысл его жизни, утрата любви, смерть любимой женщины делает бессмысленным физическое существование гениального, но психологически слабого – “*opium-eater*” в 1849 г.

И наконец, обратимся к Эмили Дикинсон, поэтессе и затворнице (1830 – 1886), которую называли «*The Belle of Amherst*» [17, 351]. В антологии американской поэзии и прозы – *A nineteenth-century American Reader* – отдельная глава посвящена творчеству Э. Дикинсон, как бы заранее многое объясняющая: мотивы ее творчества и мировидение. И ниже мы приводим ее текст – opus 324 (*Chapter 7. Reflections of a sensitive recluse*) [19, 196 – 197]:

*Some keep the Sabbath going to Church –
I keep it staying at Home -
God preaches, a noted Clergyman –
And the sermon is never long,
So instead of getting to Heaven, at last –
I’m going, all along.*

Что же могло заставить молодую женщину провести 25 лет своей творческой жизни вдали от мира века девятнадцатого, в котором было столько форм развлечения и веселья, о которых мы читаем в словарной статье о Ч. Диккенсе, а ведь они современники. И Америка века девятнадцатого полна примерами вояжей в Европу и наоборот, достаточно только вспомнить американских

персонажей «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси и многих других. Итак, на Британских островах и за океаном царило странное настроение, невзирая на технологический и финансовый бум, мрачности и уныния («grim and gloom»). Как мы узнаем, затворница “a sensitive recluse” воспитывалась в ортодоксальной семье и училась в духовной семинарии: “Raised in a household that was strongly dominated by her austere, orthodox father, she was touched by liberalizing influences of Western literature,...books given by her friends who interested themselves in her impudent and witty mind [19, 196].

И мы находим вопрос и ответ в поэтических строчках Э. Дикинсон: “I’m – Nobody! Who are you? Are you – Nobody – Too?” И сама она отвечает, тогда нас двое и не так страшно перед толпой [18, 61]. Для Э. Дикинсон поэтизация родной природы как форма внутренней, психологической рефлексии была и формой социального освобождения, внутренней независимости.

Обратимся к русскому авторитету в литературном процессе, И.С. Тургеневу (1818 – 1883). Все тот же XIX век, И.С. Тургенев – мастер стиля, близкий знакомый семьи Л.Н. Толстого, который отрицательно к нему относился и отрицательно высказывался как о плохом человеке и не джентльмене. После многих исследований концептов культуры и национальной (Британской и Американской) картины мира, мы как-то уже сошлись во мнении, что джентльмен – это человек чести, человек слова, особенно по отношению к прекрасной даме или женщине в принципе. Литературная энциклопедия не проливает света на эту оценку одним великим писателем другого великого писателя: «современники Тургенева восхищались его даром слова, слияния трезвой прозы с обаянием поэзии, суровости реализма с полетом фантазии. [2, 44 – 45]: «...факты сами по себе мало занимают его. Он видит их лишь сквозь душу человеческую»; «...Тургенев – первый русский писатель прошлого века, чьи произведения были широко известны на Западе. В его творчестве проявилось интенсивное сближение русской и западноевропейской литератур» [2, 49 – 50].

Сам писатель замечает: «я слишком стар и слишком долго живу на Западе, чтобы угадать нового героя и найти точные слова для его, героя, описания». Действительно в его романах «Новь», «Дым», «Рудин» появляются новые герои и героини, и среди них Марианна, фигура романтическая, полная энтузиазма и готовая «дело делать». В реальной жизни была Мария, сестра Льва Николаевича и жена графа Валериана Толстого. Иван Тургенев увидал ее в Покровском, подмосковном имении, куда наезжал часто именно, чтобы сблизиться с Львом Толстым и пробиться в издательства, для чего нужны были (как и всегда) связи. Красота и неискренность молодой женщины, отрицавшей поэзию, заставляют Ивана Тургенева заняться ее воспитанием и просвещением: чтением А.С. Пушкина, обсуждением каждого нового номера литературного журнала и т.п. Он увлекается Марией Толстой и это смущает семью, которая находится в ожидании положительной развязки-предложения руки и сердца. И.С. Тургенев публикует свои «Девять писем» (или ФАУСТУС) и все, включая Марию, узнают ее и себя в этих письмах. Из переписки братьев Николая и Льва Толстых, друзей и издателей, что развязка неминуема. И.С. Тургенев пишет в Покровское из Москвы, из Петербурга, Он нежен и внимателен, как и положено влюбленному человеку. Наступившая зима заставляет И.С. Тургенева удалиться в Париж для возобновления другой переписки с Полиной Виардо. Мария Толстая уходит от мужа и от мира, в монастырь и проведет все долгие годы своей жизни в молитвах и размышлениях. Ее великий брат посетит ее только один раз в 1910 г. Она покинет мир в 1911 г.[3, 176 – 184].

Что это? Эпизод, давший писателю новый сюжет, или нечто иное. Посмотрим на роман «Отцы и дети», в нем есть Анна Сергеевна Одинцова и возмутитель спокойствия Евгений Васильевич Базаров. Одинцова старается расшевелить внешне спокойного и равнодушного Базарова. Прогулки, гербарии, разговоры о науках, о том, что волнует Базарова и молодежь, составляют содержание 15 дней, проведенных Базаровым в имении Одинцовой. Они увлекаются друг другом, Базаров страстно, о чем и сообщает, Одинцова испуганно, поскольку это увлечение угрожает ее спокойствию. Вечером уже в постели, на шелковых простынях и подушках, она повторяет, что стара и что «этим нельзя шутить, спокойствие все-таки лучше» и нам слышится голос самого Ивана Тургенева, убежавшего от любви в Париж, к его удобствам и удовольствиям, и новым литературным замыслам. В своих письмах в Россию он также упомянет о возрасте.[9, 104; 3, 178].

В романе «David Copperfield (1850 г.) Ч. Диккенс опишет эпизоды своей реальной биографии. Мэри Биднелл – молоденькая дочь лондонского преуспевающего банкира и

музыкантша, слишком молода, чтобы самой принимать решения о своем будущем. Семья против ухаживаний и притязаний молодого журналиста без копейки за душой, без профессии – будущего великого писателя Ч. Диккенса. Он тоже описал этот период в их реальной частной жизни в упомянутом романе так, чтобы она узнала себя как Дора. В романе «Крошка Доррит» он опишет ее как Флору. Она узнала и написала о своих чувствах и готовности быть с ним, начать всё сначала (1855г.) Начинается переписка, в течение трех месяцев они открывают свои сердца друг другу, и он назначает ей свидание. Она мать 6 детей и супруга, а он муж и добрый отец. Но ошибка была сделана в молодости, и они хотят ее исправить. После 24 лет разлуки великий писатель пережил эмоциональный шок и потрясение. На встречу пришла другая Мэри, уже немолодая женщина, мать и супруга. Он пообещал вскоре увидеться и написать, но не написал, не отвечал на её письма и без объяснений уехал в спасительную Европу, тоже, видимо, за новым сюжетом для небольшого или большого романа [4, 293–303].

Исследователь творчества Ч. Диккенса Гилберт Кит Честертон напишет, что «нельзя представить себе ни Диккенса, ни его жизни, пока не поймешь царившего тогда демократического оптимизма – веры в простых людей... Если демократия разочаровала вас, пусть она запомнится вам не как лопнувший мыльный пузырь, а как разбитое сердце, как старая любовь». Завершая 1 главу биографии писателя, Гилберт К. Честертон провозглашает, что для правильного понимания всего значения мастерства и поэтических приемов Ч. Диккенса, надо отказаться на время от радостей пессимизма и согласиться с его призывом: «Оставь отчаянье, сюда входящий» [11, 26].

Американский писатель и поэт Э.А. По очень молодым потерял свою «возлюбленную», мать приятеля–одноклассника. В 17 лет он готов тайно жениться на Саре Ройстер, так как согласие дяди не было получено, и бедный студент, весь в долгах, записывается в Армию и готов сражаться за свободу и независимость Польши (почти в Байроническом духе). [4, 263-270]. Перед отправкой он заглянет к сестре своего дяди и увидит кузину Виргинию 7 лет. Виргиния станет его музой. Через 7 лет, в мае 1836 г. они поехали путешествовать как муж и жена, но смогли официально повторно оформить брак, только когда она станет совершеннолетней, а ему будет уже за 30 лет. И опять жизнь вне общества, без всякой помощи от семьи, перебиваясь случайными заработками. Только в своей любви он черпает вдохновение и сюжеты. Любовь и смерть – две его музы. Виргиния, умирающая от чахотки на жалком матрасе без одеяла в жалкой лачуге – его Аннабель Ли, Лигейя, Элеонора. Что же обессмертил поэт в образе своей возлюбленной: тихий мелодичный голос. А смерть день за днем была рядом, и рядом был поэт, любящий свою Виргинию все больше с приближением смерти. Смерть подстегивала его художественное воображение, и читать его строки тяжело – они музыкальны, мелодичны и профессионально безупречны как *The darker side of human experience* реквием: «*art should have no moral or social lesson to teach*» [19, 175; 22, 252; 264]. Не случайно статья о нем и его портрет помещены в главе «*The darker side of human experience*».

В письме к Марии Клемм, матери Виргинии (и его матери после женитьбы на кузине) в 1835г. и позже в июле 1849 года, а это последний год его жизни, он жалкий бродяга, нищий напишет о той любви, которой ему не хватало всю его жизнь, а его сердце так хотело любить: «*The joy of seeing you will almost compensate for our sorrows. We can but die together. It is no use to reason with me, now I must die. You have been all in all to me, my darling, ever beloved mother, my dearest, truest friend*» [23, 340; 349]. Он не случайно употребляет слово *compensate* – ему не хватало многого в реальной жизни: своего дома, финансовой поддержки дяди, друзей и издателей [23, 338– 339; 343]. Поэт также прямо говорит о том, что притягательно в любимой женщине: «*She (in 'The Oval portrait', 1842) was humble and obedient and sat meekly for many weeks in the dark high turret-chamber where the light dripped upon the pale canvas only from overhead*» [23, 212 – 213]. Как мы знаем, как только краски на портрете ожили, невеста умерла. «Овальный портрет» напоминает читателю «Портрет Дориана Грея», но для Э. По портрет заменил живую любовь, а Дориан «убивая» портрет, убивает свою душу, так что мрачность и уныние 40-х годов не рассеялось к концу века XIX.

В письмах к Виргинии, умиравшей от чахотки (1846), Елене Уитмен после прогулки на кладбище (1848) и Анни Ройстер, с которой он был тайно помолвлен в 1826 г. (1848) Э. По упомянет о чертах, привлекавших его в любимых им женщинах: преданность, понимание, дающее ему возможность «обнажить свое сердце». Первое впечатление для него самое важное: «вы вошли в комнату, бледная, колеблющаяся... и я увидел, что вы Елена – моя Елена - Елена тысячи снов...».

Его аргументы идут от сердца, он обещает заботиться и убаюкивать любимую, а если бы она умерла, то «он сжал бы ее милые руки в смерти и охотно снизошел бы в ночь могилы». Он ждет согласия стать его женой, что сможет «обратить Землю в Небо» [8, 283 – 300]. И это написано реальному адресату, это не элемент художественного вымысла.

Итак, всем нашим авторам не хватало счастливой материнской любви, по разным причинам, они пытались компенсировать ее отсутствие в жизни любовью женщины и любовью к женщине. Они побеждали внешне, для внешнего мира, добивались успеха, независимости, но не душевной гармонии в терминах личности и ее идентичности, они жили раздвоенной жизнью внутренне и внешне и заставляли страдать своих литературных «я».

Библиографический список:

1. Актуальные проблемы английского языкознания: Сб. науч. статей. К юбилею профессора О.В. Александровой/ Под ред. Т.А. Комовой и Д.С. Мухортова. – М.: МАКС Пресс. 2012. – 396 с.
2. История всемирной литературы. В 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. имени А.М. Горького. – Т.7. – М.: Наука, 1990. – 830 с.
3. Киреев Р.Т. Новеллы о любви. Русский Парнас. – М.: 2002. – 560 с.
4. Киреев Р.Т. Новеллы о любви. На окрестных холмах. – М.: 2002. – 508 с.
5. Комова Т.А. Введение в сопоставительную лингвокультурологию (на англ. языке): Курс лекций. М.: Книжный Дом «Либроком». 2016. – 124с.
6. Комова Т.А., Гарагуля С. И. Имя личное в англоязычном культурно-историческом пространстве: Учеб. пособие. – М.: Книжный Дом «Либроком», 2012. – 160с.
7. Комова Т.А., Гарагуля С.И. (отв. ред.) Языковая личность: от слова к тексту (колл. монография). – М.: Книжный Дом «Либроком», 2013. – 245с.
8. Любовь в письмах выдающихся людей XVIII XIX века (репринтное издание 1913года). – М.:1990. – 574с.
9. Тургенев И.С. Отцы и дети. – Екатеринбург, Фактория, 2002. – 406с.
10. Уваров А.С. Христианская символика (издано впервые1908). – М.: ПСТГУ, 2001. – 239с.
11. Честертон Г. К. Чарльз Диккенс. – М.: «Радуга», 1982. – 204 с.
12. Crystal David “The Cambridge Encyclopedia of Language”. CUP, 1987. – 471 p.
13. Dickens Charles “Oliver Twist”, Oxford World’s Classics. – Chancellor Press, 1985. – 443 p.
14. Holy Bible. New Evangelical Translation, New Testament/ Новый Завет//by NET Publishing. Cleveland, 1993. – 1288 p.
15. Literature (ed. Interpreting by Knickerbocker K. L. and Reninger H. Willard), 4th edition. – USA, 1960.- 892p.
16. Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Group Ltd, 1995. –1668 p.
17. Longman Dictionary of Language and Culture, Longman Group Ltd, 1992. –1526 p.
18. McRae John Boardman Roy Reading between the lines - CUP, – 1995. – 120 p.
19. Nineteenth-Century American Reader A /ed. by M. Thomas Inge –Washington, DC. – 745 p.
20. Oxford Concise Dictionary of English Etymology (ed. by T.F. Hoad).OUP,1990,-552 p.
21. Oxford Dictionary of first names (DFN) by Hanks P., Hodges F., OUP, 1990. – 442 p.
22. Poe E.A. Philosophy of Composition//The Literature of American Renaissance (ed. by Burbank Rex, Moore Jack). USA, 1969, p. 480–490.
23. Poe E.A. Prose and Poetry. М.:”Raduga”, 1983. – 416с.
24. The Literature of American Renaissance (ed. by Burbank Rex, Moore Jack).USA, 1969. – 610 p.

Komova T.A. Author and his hero as a problem of identity

In the present paper attention is drawn to the topicality of the concept of Identity viewed as the problem of psychological compatibility between the literary characters and their creators in the Language and Culture Literary contexts of the XIX c. The English /Russian language materials carefully chosen and supplied with necessary dictionary entries and contextual references make it possible to trace back the motivation and reasoning of discomfort in both literary characters and writers and raise a question of psychological integrity compatible with sagacity in the sides above mentioned so that we could provide ourselves with plentiful food for thought aimed at cultivating better understanding and tolerance in the world we live today.

Key words: Personal identity updated, the best representatives of English/ Russian language and culture, idols and ideals in love and life, identity of a literary character as a reverberation of personal integrity and sagacity of a writer: Ch. Dickens, E. Dickinson, E. A. Poe, Ivan Turgenev.

УДК 316

К.Ю. Тарновский

Кризис самоидентификации в постиндустриальном обществе: российская специфика

Аннотация:

Статья рассматривает проблему самоидентификации в современном обществе. Кризис самоидентификации связывается с наслоением социальных парадигм: премодерна, модерна, постмодерна. Проводится идея, что постмодерн (как состояние культуры) и постиндустриальное общество сами по себе содержат потенциал, вызывающий неустойчивость позиционирования. В России кризис идентификации имеет свою специфику, на которой также останавливаются авторы статьи.

Ключевые слова: идентификация, модерн, постмодерн, постиндустриальное общество, аномия, советский человек, патернализм.

Об авторе: Тарновский Константин Юрьевич, кандидат философских наук, Московский государственный университет путей сообщения, старший преподаватель кафедры философии и культурологии; эл. почта: portulak13@yandex.ru.

Проблема аномии в российском обществе, затронутая нами в ряде статей прошлых лет, подвела нас к более глубокой, на наш взгляд, проблеме самоидентификации. Логично предположить, что в обществе, где нормы и ценности неустойчивы, не может быть и устойчивой самоидентификации, поскольку последняя должна базироваться на каком-то нормативном и ценностном фундаменте. Факторы аномии и причины кризиса самоидентификации, по нашему предположению, должны пересекаться, хотя они и не могут полностью совпадать друг с другом. Когда речь идёт о самоидентификации, мы имеем в виду, прежде всего, самоидентификацию личности, состояние аномии же рассматривается как болезнь именно общества. Однако так как личность (по Дюркгейму) представляет собой результат влияния социальных фактов, то можно предположить, что ситуация аномии является одним из факторов кризиса идентификации. В данных тезисах мы, однако, не ставим себе цель рассмотреть связь кризиса идентификации и аномии, но лишь хотим указать на некоторые социальные аспекты такого кризиса.

Под *самоидентификацией* мы понимаем обретение (обнаружение) собственной идентичности, предполагающая осознание собственной целостности. Под *идентичностью* – «единство внутриличностных и социально-культурных процессов» (вслед за О.А. Симоновой [4, 47]). В этом случае под *кризисом самоидентификации* мы подразумеваем тот момент, когда нарушается эта целостность, и человек оказывается в состоянии фрустрации, не будучи способен определить цель, к которой он (она) идёт, и ценности, на основе которой эта цель выбрана. Такой кризис – всегда кризис, связанный с неспособностью ответить на вопрос «кто я». При этом нам интересен не столько кризис отдельного человека (что, конечно, является предметом психологии), сколько тенденция к кризису идентификации как явлению социальному, причины которого, по нашему убеждению, также следует искать именно в обществе.

В российском обществе такой кризис имеет свои особенности. Жан Тощенко в книге «Парадоксальный человек» отмечает, что постсоветский человек сочетает в своем сознании противоречивые ценности [6, 35; 45]. Причину этого он видит в травме, которой стал для советского человека распад социалистической системы, последовавшие за ним экономические преобразования, точнее, разочарование в этих преобразованиях.

Нам, однако, хотелось бы детализировать эти причины, не стремясь сводить повествование именно к советскому/российскому человеку, хотя и во многом опираясь на опыт России, который нам ближе по вполне естественным причинам.

Несмотря на то, что понятия «постмодерн», «постмодернизм», «постиндустриальное общество» давно стали общим местом (что, впрочем, не означает, что каждый способен их объяснить), нам кажется уместным обращение именно к ним для уяснения причин кризиса идентификации.

Термины «постмодерн» и «постмодернизм» были рассмотрены нами в первом приближении*, поэтому мы не станем подробно останавливаться на их различии, указав главное: если под постмодерном можно понимать эпоху, которая, как считается, характеризуется «резким ростом культурного и социального многообразия, отходом от ранее господствовавшей унификации и от принципа чистой экономической целесообразности, возрастанием многовариантности прогресса», то постмодернизм – это рефлексия культуры на постмодерн. Иными словами, понятие постмодерна мы бы отнесли к общественному устройству в целом, то постмодернизм – культурная парадигма, складывающаяся на основе (и как результат) этого общественного устройства.

Постмодерн имеет несколько краеугольных камней. Главные из них – децентрация, отход от тотализующих моделей, неприятие бинарных оппозиций. Господство чего-либо единого, универсального в культуре (будь то гуманизм Возрождения, христианство или вера в прогресс) ставится под сомнение. Не может быть какой-то одной удобной для всех истины. Ничто не должно навязываться человеку, кроме закона, который будет призван охранять его жизнь и права. Инаковость принимается в той мере, в какой она способна принять другую инаковость. Любой «центр», любой проект, однозначно указывающий на универсальную цель, например, всеобщее благоденствие, не может считаться сколько-нибудь жизнеспособным. Децентрация предполагает отход мышления в стиле «главное – второстепенное». Рациональность, в эпоху модерна бывшая едва ли не главной ценностью, ставится под сомнение. В постмодерном обществе становится особенно заметна неуниверсальность морали, «одиочество морального субъекта», как называет это Зигмунд Бауман. Знание о том, что «люди поступают так, так всё устроено» не спасает нас, как пишет автор, от бессонных ночей и дней самоуничтожения [7, 53]. Проявляется тенденция не столько к релятивности ценностей, сколько к *осознанию* их как релятивных, неукоренённых ни в природе человека, ни в идеологии.

Иными словами, постмодерн предполагает свободу действий человека и его толерантность по отношению к мышлению и образу жизни другого, если, конечно, этим не нарушаются права человека и законодательство. Никакая идеология не может в постмодерном обществе претендовать на господство, а мышление предельно открыто для восприятия новых явлений.

Здесь стоит отдельно обратиться к советскому человеку. Думается, мы не ошибемся, сказав, что момент распада СССР и быстрые экономические и политические изменения вызвали необходимость изменений и в мышлении, прежде всего, необходимость освобождения от свойственного советскому человеку патернализма. Юрий Левада неслучайно в свое время заметил, что советский человек – это человек простой [см.5]. Простота эта может быть выражена не только в непритязательности бытового плана (о чем в свое время интересно писала О. Гурова [см. 1]), но и о своеобразной «простоте действия», которая предопределена простой моралью и однозначными, пусть не всегда воспринимавшимися всерьёз, но укоренявшимися в сознании ценностями.

В этом смысле, советский человек, уповавший на силу и мощь государства, после распада Советского союза оказался в ситуации необходимости совершить выбор: выбор идеологический, профессиональный, моральный. В то же время гласность породила публикацию множества до того запрещённых или полужапрощённых материалов – как художественных, так и документальных – которые способствовали тому, что политические убеждения в короткий срок менялись на прямо противоположные. Патернализм, вероятно, предполагает и доверие к СМИ, к людям, облеченным неким не физическим превосходством – властью, образованием, интеллектом. Момент, когда государственные СМИ (а в Советском союзе все СМИ были государственными) вдруг начали транслировать совершенно иной взгляд на вещи, еще не привел к травме (и, как следствие, к кризису идентификации). К нему привели дальнейшие экономические и политические изменения, когда оказалось, что доверять не следовало ни первому, ни второму, так как ни тот, ни другой взгляд не

* См. Тарновский К.Ю. «Постмодерн» и «постмодернизм»: к вопросу о содержании понятий и актуальности их применения//Позиция. Философские проблемы науки и техники, № 7 (7), 2013. – С. 182-190.

может считаться априори истинным. Сама ситуация подталкивала к тому, что не может быть разделения на черное и белое, что действительность гораздо сложнее, чем представлялось, и возможность так или иначе составлять высказывания о ней предполагает рассмотрение ее с разных сторон. Необходимость разностороннего взгляда – то следствие депатернализации сознания, с которым советскому человеку было непросто справиться.

Эта «непростота» ни в коем случае не есть следствие какого-то особого скудоумия того, кого мы с некоторой долей условности именуем советским человеком. Она – порождение того «герметичного» в каком-то плане общества, в котором происходило его развитие. И эта герметичность стала явной тем в большей степени, чем в большей степени в Россию проникал постмодерн.

Конечно, не для всех живших в СССР он был явлением новым. Но до поры до времени он оставался уделом нонконформистских движений: художников, писателей, причем маргинальных с точки зрения официальной идеологии. Они, вероятно, не просто были готовы к повороту в сторону постмодерна, они его внутренне уже пережили. Однако только в 1990-е годы постмодерн заявил о себе как явление массовой культуры, как определённого рода *мышление*, и те культурные коды, которое это мышление порождает. Естественно, такой резкий переход – стремительное движение от патернализма к постмодерну – не мог не сказаться на способности человека ответить на вопрос «кто я».

Мы склонны выделять также третью составляющую этого кризиса – постиндустриальное общество. Если постмодернизм может рассматриваться как рефлексия, имеющая своим предметом различие современного и постмодерного общества и находящая выражение в культуре, постиндустриальное общество являет собой не столько поворот в сознании (открытость, восприимчивость к Другому), сколько поворот в технологиях, также меняющих человека. Можно воспользоваться также различием Ж.-Ф. Лиотара, применявшего понятие «постиндустриальный» к обществу, тогда как постмодерн – к культуре (культурной эпохе) [3, 14]. Конечно, можно использовать понятия «постмодерное общество» и «постиндустриальное общество» как синонимы, но скорее, это две стороны одной медали: говоря о постмодерне, как факторе изменения человека, мы подчеркиваем именно изменения ментальные, ценностные, моральные; говоря о постиндустриальном обществе, мы имеем в виду прежде всего изменения в образе жизни этого человека, которые обусловлены именно влиянием технологий.

О каких изменениях идёт речь? Прежде всего, о тех, которые связаны с предельно быстрой передачей данных, которые несут в себе определенную ценность. Так, фриланс в его общепризнанном виде, был бы невозможен в обществе, где нет Интернета: ведь большая часть фрилансеров передают результаты своей работы именно через Интернет (верстка и дизайн изданий, рисунки, переводы, фото, аудио- и видеофайлы). С другой стороны, несомненно, что рост потребностей в услугах порождает и предложения подобного рода. Производство, которое в обществе индустриальном, было альфой и омегой социальной жизни, давая рабочие места и накладывая на существование индивида определённую форму, всё более теснится сферой услуг. Причем, в этой сфере появляются всё новые области, связанные с внедрением новых технологий, и человек, желающий оказаться востребованным на рынке труда, должен просчитывать, предполагать, в каком направлении будет идти развитие этих технологий.

Социальные институты, однако, не всегда способны успеть за этими изменениями. Так, в России переход к постиндустриальной парадигме начал осуществляться тогда, когда она еще «по духу» была индустриальной державой (мы имеем в виду 1990-начало 2000-х гг.). В этой ситуации многим людям пришлось самостоятельно открывать для себя новые области, неведомые им до той поры, о которых редко можно было получить какое-то представление через институт образования. Такая ситуация может быть названа одним из факторов кризиса профессиональной самоидентификации.

Открытость информации – еще одна черта постиндустриального общества – явление, которое может быть осмыслено двояко. Так, с одной стороны, человек в постиндустриальном обществе получает множество инструментов для саморазвития: он имеет доступ к несметному множеству книг, интерактивных курсов, может осваивать программы для того или иного творчества. Недостаток информации сменяется ее избытком. Но насколько человек способен обрабатывать эту

информацию и критически ее воспринимать? Даже в таком лабильном, казалось бы, обществе всё равно выделяются несколько источников, которые для того или иного человека являются важными. Возникает *иллюзия возможности знать всё* и стать всем, но при этом более размытым становится ответ на вопросы «кто я сейчас?» и «что я знаю на самом деле?».

В конечном счете, проблема самоидентификации напрямую связана с проблемой ценностей. Есть понятия, которые достаточно однозначны: археолог всегда остаётся археологом, верующий – не является атеистом, а школьник не есть учитель. Однако усложнение мира вызывает взаимопроникновение понятий, образов, смыслов, которые ослабляют однозначность восприятия и самоидентификации. Мы сказали, что постмодерн является структурой, в рамках которой идет развитие прогрессивных, определяющих развитие того, что мы называем постиндустриальным обществом. И в то же время другие структуры, такие как премодерн и собственно модерн, со свойственными им идеологическими, ментальными, ценностными установками, не сходят со сцены. Но это не значит, что в одном месте мы видим только модерн, а в другом – чисто традиционное общество. Напротив, открытость мира, ставшая возможной благодаря всепоглощающему проникновению Интернета и сотовой связи, благодаря влиянию социальных сетей и блогов, приводят к тому, что общества, раньше существовавшие достаточно закрыто, открываются друг другу. Это означает, что ценностные установки, присущие всем трем системам, начинают пересекаться, взаимопроникать и наслаиваться друг на друга. При этом есть как их взаимная расположенность и проникновение (рождающая, условно, *принцип толерантности*), так и желание сохранить те или иные ценности неизменными, ограничить влияние на них со стороны (*принцип фундаментализма*).

Анализируя связь премодерна (традиционного общества), модерна и постмодерна одиозный, но, несомненно, талантливый автор А.Г. Дугин замечает, что постмодерн есть, прежде всего, следствие нарастания рефлексии внутри модерна. Он настолько же отрицает его, насколько ему наследует. Но самое главное другое: социальные институты, образование, научно-популярные представления, существующие сегодня и закрепляющиеся в обыденном сознании, принадлежат все ещё модерну, и лишь *небольшая часть интеллектуальной элиты* мыслит себя уже вне модерна. Таким образом, получается, что постмодерн существует скорее в умах, чем на самом деле, тогда как в реальности господствует модерн [см. 2].

Думается, это так и не так. То, что постмодерн осмысливается и «переживается» немногими, не означает, что общество не меняется. Кризис идентификации, на наш взгляд, и возникает прежде всего потому - и это следует подчеркнуть - что происходит напластование социальных институтов индустриального общества, его клише (прогресс, рациональность и др.) и ценностей постмодернистского общества. Невозможность осмыслить соотношение этих двух достаточно разных позиций приводит к идентификационному коллапсу. Это можно проиллюстрировать простым примером: студент видит вокруг себя взрывной рост технологий (3D-принтеры, смартфоны, дроны и т.д.), который меняет правила ведения бизнеса (бизнес в Интернете, разработка приложений для смартфонов, фриланс), но при этом в учебниках он встречается описание стандартных моделей, не отвечающих запросам времени. Иными словами, социальные институты, такие как образование, не успевают осмыслить изменения, поскольку эти изменения происходят слишком быстро. Человек продолжает усваивать определённые образцы, ценности, подходы, одновременно наблюдая, что они уже утрачивают свою силу.

Самосознание и социальные институты обществ, подвергшихся «модернизации», были совсем иными. Даже будучи формально вытесненными, они не перестали существовать, обусловив наложение модерна и традиции. Восточные общества оказались восприимчивы ко многим ценностям запада (как модерна, так и постмодерна), но это не означает, что они перестали мыслить по-своему.

Трудность существования в такой парадоксальности порождает кризис идентификации. Взаимовлияние идей постмодерна и традиции порождает парадоксальный феномен. То, что постмодерн не вездесущ и не является единственным временем для большинства людей - неудивительно. Интереснее другое: сама традиция под воздействием модернизации меняется и во многом теряет самое себя. Почему невозможно вернуться к определённому укладу, имевшему место когда-либо раньше? Не потому, что он не находит отклика в обществе, напротив, социальный заказ

на патриархальность, на архаику, высок, т.к. необходима какая-то точка опоры в слишком релятивизированном обществе постмодерна. Но возврата не может быть именно потому, что под влиянием модернизации *меняется сама традиция, от которой, как правило, остаётся только форма, представление о традиции.*

Подытоживая сказанное, можно прийти к следующей идее. То, что проблема затруднённой самоидентификации стала насущной именно сегодня, как нам кажется, не в последнюю очередь связано с тем, что именно сейчас мы видим взаимодействие и взаимопроникновение, наложение (часто – сопровождающееся конфликтами и антагонизмом) трех парадигм – традиционной (премодерн), индустриальной (модерн) и постиндустриальной (то, что условно можно назвать постмодерном). При этом мы находимся в моменте, когда последняя может восприниматься уже не как нечто становящееся, но как нечто ставшее, и именно в этом «ставшем» виде оно начинает прояснять свои ценности. Эти ценности могут сочетаться внутри одного общества, сообщества и даже одного человека с ценностями предыдущих парадигм, которые также не исчезают. Наоборот, релятивизм постмодерна (видимый или реальный) порождает «откат», запрос на консервативность, традиционность. Переплетение ценностей сказывается на возможности для личности идентифицировать самое себя, т.е. осознать свою целостность, выделить «сущее» и «должное» и обозначить путь от первого ко второму как правильный.

Библиографический список:

1. Гурова О.Ю. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе// Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. С.35-49.
2. Дугин А.Г. Социология воображения [Электронный ресурс] <http://www.imaginaire.ru/content/dugin-sociologiya-voobrazheniya>
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
4. Симонова О.А. К формированию социологии идентичности//Социологический журнал, 2008, №3. – С.45-61
5. Советский простой человек : Опыт социального портрета на рубеже 90-х : [Сборник / Отв. ред. Ю. А. Левада]. - М. : Мировой океан, 1993. - 299 с.
6. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.
7. Bauman Z. Postmodern Ethics. Cambridge, MA: Basil Blackwell. – 246 p.

Tarnovskii K.Y. Self-identification crisis in postmodern society: Russian view

The article concerns the problem of self-identity and self-identification in postmodern society. Identification crisis is associated with layering of modern, premodern and postmodern paradigms. In Russia this crisis has its peculiar features some of which are being examined in the article.

Keywords: identity, self-identification, modern, premodern, postmodern society, anomie, soviet man, paternalism.

Лики исторического познания

УДК 316.42 (075.8)

П.Е. Кириллов

Историческая картина мира как форма дискурса

Аннотация:

В статье рассматривается возможность использования дискурса для изучения исторической картины мира. Обозначаются проблемные поля в исследовательском поиске исторической картины мира. Анализируется использование термина дискурс в современном социогуманитарном знании.

Ключевые слова: дискурс, историческая картина мира, феноменологическое познание, методологические подходы, идеология.

Об авторе: Кириллов Павел Евгеньевич, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: kirillov_pe@mail.ru.

В современном научном познании дискурс выражает полисемантическую функцию в методологическом поиске исследователя. С одной стороны это дает возможность изучать социогуманитарные проблемы в достаточно широком диапазоне: от практик речевых высказываний до метаисторических категорий существования социума.

Однако достаточно разнообразный вариант использования дискурса каждый раз заставляет заниматься уточнением значения в конкретной ситуации. Тем самым происходит размывание строго научного термина, уже не претендующего на точность и однозначность трактовки. Существуют даже два способа его произношения: в лингвистике и социальных науках. И, естественно, в лингвистике, философии и социальных науках термин дискурс интерпретируется неоднозначно.

1. Дискурс в лингвистике

Дискурс как категория исследования появился в лингвистике. Одним из первых термин «дискурс» ввел в научный оборот бельгийский лингвист Э. Бюиссанс, включивший в сосюровское противопоставление языка и речи (langue – parole) новую структуру: langue – discourse – parole. «Где langue – система, некая отвлеченная умственная конструкция, discourse – комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка, и parole – механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации» [7, 240].

Термин «дискурс» можно трактовать, как речь, тип речи, текст, тип текста и как собственно метод, который позволяет исследователям анализировать бессубъективные практики речи и высказываний. Но не все исследователи соотносят «дискурс», «речь» и «текст» как единую систему высказываний. Данные термины разграничивают по оппозиции письменный текст и устный дискурс [1]. Некоторые лингвисты трактуют дискурс как интерактивный способ речевого взаимодействия, в противоположность тексту, обычно принадлежащему одному автору.

Т.о., термин «дискурс» в лингвистических исследованиях носит многоуровневый характер и у различных ученых он относится к разным теориям структурной интерпретации: от глубинных символов до поверхностных категорий предложений и грамматики.

Французский лингвист П. Серио выделил восемь значений дискурса, которые используют современные исследователи:

« 1- эквивалент понятия «речь» в сосюрсовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;
2 – единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;

3 – в рамках теории высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию...;

4 – при специализации значения 3 «дискурс» обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания;

5 – у Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;

6 – иногда противопоставляются язык и речь (langue / discourse) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи»;

7 – термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции;

8 – по традиции анализ дискурса определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс: высказывание – это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет»[5, 26-27]. Т.о., значение дискурса многообразно и зависит от контекста высказывания или методологических ориентиров исследователя.

Иную концепцию определения дискурса предложила Дебора Шифрин [10]. В основе ее концепции лежат механизмы, которые и определяют существование и воспроизводство дискурса:

1 - Формальный или структурный анализ дискурса. Главный упор на смысловую взаимообусловленность предложений в высказывании. «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи»[4, 170].

2 - Функциональное определение дискурса. Дискурс трактуется как использование языка в самом широком социокультурном контексте. «Изучение дискурса – это изучение любых аспектов использования языка»[9, 45].

3 - Взаимодействие формы и функции языка. «Это определение подразумевает, что дискурс является не примитивным набором изолированных единиц языковой структуры «больше предложения», а целостной совокупностью функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка»[9, 86].

2. Дискурс как социальная категория

Профессор амстердамского университета Т.Ван Дейк предложил различать понятия дискурса в широком и узком значении: первый подход позволяет рассматривать дискурс как систему коммуникативных практик и отношений в социуме, второй подход позволяет интерпретировать дискурс как собственно речь или высказывание. Примером дискурса «широкого значения» автор приводит вариант дискурса как социальной формации. Наподобие терминам «социальная формация» или «коммунистическая формация» мы можем использовать термин «социальный дискурс» для анализа идеологических констант и социальных практик. Вариант «узкого значения» дискурса может рассматривать его как актуально произнесенный текст, где «текст» – это абстрактная грамматическая структура произнесенного или высказанного [11, 34-47].

3. Философская интерпретация дискурса

Таким образом, значение термина дискурс трактуется в языкознании с различных позиций. Представления лингвистов о дискурсе как о совокупности текстов, речевых практик, объединенных

общей темой, стал использовать в своем научном аппарате М. Фуко. Безусловно, термин «дискурс» интересовал его в первую очередь с философских позиций. Однако однозначного определения в работах не обнаружено. В различных философских сочинениях французского мыслителя термин «дискурс» приобретал множественные интерпретационные различия в зависимости от ситуации высказывания. Дискурс мог трактоваться и как «речь», «мысль», «рассуждение», но основная функция использования термина «дискурс» достаточно широка – в «Словах и вещах» термин относится к языку классической эпохи с его способностью расчленять мыслительные представления, выражать их в последовательности словесных знаков. Однако дискурс имеет свою независимую природу.

М. Фуко применил в философском анализе теорию дискурса как собственно методологическую основу для изучения конкретных исторических явлений, эпох, событий. Этот способ открывал для исследователя возможность обнаружения взаимодействия мысли и речи. Пустоту, образовавшуюся в Классической эпистеме, после разрыва сходств и представлений, заполнил дискурс, имеющий самостоятельное бытие. Он выступил как оппонент «языку» и «структуре» и занял первичное «событие», предопределяющее «бытие». Дискурс во многом определял и предопределял ход наших рассуждений об «авторе», «интерпретации», «власти – знания» и «рождения и смерти человека». «Так что если задаешься целью осуществить в истории идей самый малый сдвиг, который состоит в том, чтобы рассматривать представления, лежащие, возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и различающиеся серии событий...» [6, 83-84].

Вслед за М. Фуко термин дискурс стал широко использоваться во французской постструктуралистической традиции. Ж. Бодрийяр, Ж. Делез и др. исследователи использовали дискурс как философскую категорию, которая позволяла рассматривать различные объекты в рамках универсального методологического подхода и единого времени.

Т.о, можно констатировать, что в современных социогуманитарных дисциплинах термин дискурс носит полисемантический характер. Он используется в различных интерпретациях в зависимости от контекста высказывания: от «буквального» перевода как «речь» до методологического принципа исследования цивилизаций. Дискурс, на наш взгляд, выступает в амбивалентном значении:

- как самостоятельная единица социально - философского анализа, которая благодаря специфической природе и проблемным «полям», обладает возможностью герменевтического поиска в кросскультурных и междисциплинарных исследованиях.
- как инновационный способ методологического постижения различных феноменов европейской цивилизации (сексуальность, безумие, власть, образование, научное знание и т.д.), обладающий спецификой, связанной с трансформацией и историческими изменениями.

Таким образом дискурс позволяет нам анализировать достаточно сложные категории, такие как цивилизации, формации, мир-система и т.д. и так же одним из объектов дискурса как методологического анализа, на наш взгляд, выступает модель исторической картины мира. Под термином «историческая картина мира» мы понимаем систему категорий и методологических принципов, описывающую историческое прошлое, однако в отличие от научной картины мира, которая основывается на анализе внешней среды как универсальной модели Вселенной (от микробов до Космоса), историческая картина мира воспроизводит внутреннюю среду социума, его социопсихологические особенности восприятия мира во временном контексте. Изучение и исследование исторических картин мира позволяет нам дополнить общую картину мира Вселенной, которая состоит из множества явлений и связывается единое целое.

Использование формы исторической картины мира, позволит, на наш взгляд решить ряд задач в научной перспективе: рассмотреть историческую картину мира в системе научных картин, обозначить особенности социопсихологического восприятия времени и пространства, проанализировать проблематику феноменологического познания в историческом ракурсе, типологизировать историю социума по феноменологическому восприятию реальности и обозначить новые границы периодизации.

Вся история общества – это развернутая в пространстве и времени сетевая историческая картина. Точнее нужно рассуждать о совокупности моделей исторических картин мира из которых складывается наше метаисторическое представление о развитии и существовании социума. Исторические картины мира не являются линейным воспроизводством знания, скорее это взаимопроникающие и переходящие друг в друга представления о прошлом. В этом плане исторические картины мира близки в методологическом подходе к цивилизационному восприятию истории, однако имеют ряд отличительных особенностей: историческая картина мира формируется в определенном феноменологическом восприятии, основывается на идеологической компоненте и включена в систему эпистемологических представлений.

Историческая картина мира с одной стороны выступает как методологический прием, описывающая определенные эпохи и пространства, в научном представлении, а с другой стороны - субъективистский опыт личного переживания автора, так называемая «виталистическая наполненность» в образе единой картины.

В первом подходе историческая картина мира подчиняется общим принципам развития науки: с усложнением и появлением новых методов и инструментов историческая картина мира становится сциентической и развивается в контексте основных теорий и парадигм определенной эпистемы. И постепенно становится частью общей научной картины мира.

Однако второй подход основывается на феноменологическом и интерпретативном подходах. Феноменологический подход к исследованию исторических картин мира ставит вопрос: каким образом определяется структура картины через сознание и как происходит отбор информации и знаний об исторической эпохе.

В данном подходе обращение к дискурсу как методологическому анализу позволяет нам обозначить проблему взаимосвязи исследователя и исторической картины: ибо дискурс всегда предполагает акт коммуникации. В исторической картине мира источник является уникальным мостом между автором и окружающей и (или) конструированной реальностью, как отмечал А.Я. Гуревич: «выступает в роли посредника..., от имени своей культуры он пытается завязать диалог с культурой иного времени» [2, 9]. Причем дискурсивные практики позволяют нам воспринимать историческую картину мира как совокупность единых, подчиняющихся общим закономерностям научного поиска. Как отмечал отечественный исследователь: «...если попытаться создать историческую картину мира в рамках какой-либо частной модели объяснения, мы получим не реальную историю, а миф»[8, 160].

Дискурсивный анализ позволяет нам изучить процесс формирования исторической картины мира. Властная идеология, которая пронизывает все социальные отношения, описывается в исторической картине мира как основная парадигма. Историческую картину мира формируют интеллектуалы, т.е. люди, производящие знание, идеологию и мифы, причем в центре которой, находится их элитарная социальная группа - креативный класс.

Т.о. можно обозначить основные проблемные поля, с которыми сталкивается исследователь при анализе исторической картины мира: дискурс как форма познания исторической картины мира, амбивалентный характер исторической картины мира, влияние феноменологических и властных установок на генезис исторической картины мира, сетевая теория развертывания дискурса исторической картины мира во времени и пространстве. И как отмечают современные исследователи: «проблема формирования исторической картины мира еще далека от своего завершения. До сих пор не существует даже ответа на вопрос, возможно ли это в принципе»[3, 154].

Библиографический список:

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
2. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990. 369 с.
3. Данилова, В.С., Кожевников, Н.Н. Философия истории на пути к формированию исторической картины мира / В.С. Данилова, Н.Н. Кожевников. – Вестник ЯГУ, 2010.т.7. № 2 с.150 - 154.
4. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Прогресс, 1976. -305 с.

5. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: ОАО ИГ Прогресс, 1999.-416 с.
6. Фуко, М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 268 с.
7. Цивьян, Т. В. Структурно – типологические исследования / Т.Н. Цивьян. – М.: Прогресс, 1962.- 298 с.
8. Шмаков, В.С. Структура исторического знания и картина мира / В.С. Шмаков. – Новосибирск: Наука, 1990.-187 с.
9. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge, 1983. // Цит. по Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Прогресс, 2003.
10. Schiffrin D. Approaches to Discourse. - Oxford; Cambridge, 1994. -245 p.
11. Teun Van Dijk. Ideology: A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998.- 384 p.

Kirillov P.E. Historical picture of the world as a form of discourse

The article discusses the use of discourse to the study of the historical picture of the world. Designated problem fields in the research finding historical picture of the world. We analyze the use of the term discourse in the contemporary socio-humanitarian knowledge.

Key words: the discourse, the historical picture of the world, a phenomenological knowledge of methodological approaches, ideology.

УДК 930.2

М.Е. Ардашева

Историческое знание в современном информационном пространстве

Аннотация:

рассматриваются актуальные тенденции современного исторического знания, связанные с развитием исторической науки, расширением информационного пространства и появлением современных цифровых ресурсов. Констатируется расхождение научного и социально ориентированного знания, рассматриваются современные модели исторической науки и возможности цифровой образовательной среды вуза в работе с историческим знанием.

Ключевые слова: научная и социально ориентированная история; модели истории; кумулятивный и парадигмальный подходы к истории; историческая информатика; цифровая история; исторический источник; электронная образовательная среда; электронные библиотеки; цифровая образовательная среда вуза; онлайн-курсы; обучение истории в высшей школе.

Об авторе: Ардашева Маргарита Евгеньевна, кандидат педагогических наук, филиал «Протвино» Государственного университета «Дубна», доцент кафедры гуманитарных и социальных наук; эл. почта: margaritka.kh@mail.ru

Современное информационное пространство влияет на все сферы гуманитаристики: изменяются как процессы производства нового знания, так и формы, способы распространения и передачи научных достижений. В исторической науке в контексте быстро меняющегося информационного пространства наиболее актуальны вопросы модификации содержания и функций истории, изменения формы современного исторического источника и проблемы, связанные с процессом передачи знаний.

Одна из актуальных тенденций современной исторической науки — все большее **расхождение научного и социально ориентированного знания** и, как следствие, распространение инструментального подхода к истории. «Научное» и «социально ориентированное знание» являются достаточно новыми понятиями, освоенными современной историографией (концепция М.Ф.Румянцевой, С.И.Маловичко и др. [5]). Если научное знание предполагает приоритет научного над социальным в историческом исследовании, то социально ориентированное знание, наоборот, реализует прежде всего социальную функцию и изучает историю с точки зрения определенного страта/нации/государства. Подобное историописание не стремится быть нейтральным, как того требует наука, а поддерживается и/или актуализируется историческим сознанием социума и может навязывать обществу «нужный» образ прошлого.

Стремительно расширяющееся информационное пространство, облегченность способов производства и распространения информации увеличивают объем социально ориентированной истории в современном знании. Средства массовой информации, интернет, современная печать активно участвуют в процессе производства социально ориентированной истории. Это объективный процесс, имеющий и отрицательные стороны, например, увеличение числа исторических фальсификаций. Сейчас, как отмечают историки [6], мы входим в эру ренессанса фальсификаций, когда все больше распространяется инструментальный подход к истории, предполагающий вольное отношение к историческому факту, а значит, и возможность намеренной фальсификации. Именно так появляются новые «правдивые» исторические источники, удобные даты основания городов и так далее. В данном контексте велика роль научной истории, которая

может уравновесить процесс и предоставить свободное от фальсификаций, научно ориентированное историческое знание.

Таблица 1. Современные модели исторической науки

Модели истории	Время возникновения	Цель изучения	Исторический источник	Историки
Классическая	XIX век	Критика исторического источника с целью получения «достоверных» фактов	«Вместилище» исторических фактов	М.Т.Каченовский, Н.И.Кареев
Неклассическая	Конец XIX-начало XX века	Выявление феноменологической природы исторического источника и включение историка в диалог с автором источника	Поле диалога историка с автором исторического источника	А.И.Введенский, И.И.Лапшин, В.М.Хвостов, А.С.Лаппо-Данилевский
Постнеклассическая	Середа XX века	Конструирование исторического целого на основе метода источниковедения	Презентация социальной реальности культуры	М.Фуко, Ж.Деррида
Неоклассическая	Конец XX-начало XXI века	Формирование стандартов научности на основе понятия «эмпирическая реальность исторического мира»	«Эмпирическая реальность исторического мира»	О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева, С.И.Маловичко и другие

Вторая современная тенденция — изменение цели и функций истории в рамках **новых моделей науки** (см. Таблицу 1) и сосуществование одновременно нескольких подходов к истории. Классическая модель (XIX век), связанная с позитивизмом и теорией критики, сменяется неклассической моделью исторической науки (теория «диалога», принцип «признания чужой одушевленности», феноменология). При этом в XX-XXI веках появляются и развиваются постнеклассическая (социальное конструирование реальности) и неоклассическая (неклассическая эпистемология и онтология) модели истории [5, 11]. Если классическая модель предлагает изучение исторического источника с целью получения «достоверных» фактов, которые понимаются как часть реальности прошлого, то в неклассической модели, появившейся в начале XX века, предполагается уже диалог историка с автором источника с целью интерпретации его содержания на основе принципа «признания чужой одушевленности» и осмысления механизма порождения исторического источника в определенной культуре. Постнеклассическая модель истории, сменившая неклассическую, предлагает конструирование исторического целого с помощью метода источниковедения. На предыдущие модели накладывается неоклассическое историческое знание, формирующееся на основе когнитивных эпистемологических оснований истории [7, 24-34].

В современной исторической науке все модели параллельно существуют до сих пор, но общее направление изменений — это постепенная смена **кумулятивного** подхода к истории на **парадигмальный**. Кумулятивный подход предполагает накопление и уточнение уже имеющихся исторических знаний и конструирование некоей познаваемой объективной, эталонной реальности, не зависящей от познающего субъекта, а парадигмальный подход связывает формирование научного знания с революционной сменой парадигм, при котором процесс зависит не столько от «накопления» исторических знаний, сколько от непредсказуемых фундаментальных открытий и изменения социокультурной ситуации [5;18].

Третья важная тенденция современной исторической науки — это необходимость освоения **новых технологий**, связанных с расширением информационного пространства. Вызовы современности требуют от науки создания адекватного инструментария, позволяющего взаимодействовать с современным цифровым пространством. Ответом на эти вызовы стало появление таких научных направлений, как **историческая информатика** и полидисциплинарного направления Digital Humanities (цифровая гуманитаристика или **цифровая история**).

Историческая информатика (Л.И. Бородкин, В.Н.Владимиров, И.М. Гарскова и др.) [2] — исторически сложившееся российское направление изучения взаимодействия новой информационной среды, цифрового мира и исторической науки. В рамках данного направления работают некоторые российские ассоциации (например, ассоциация «История и компьютер» (АИК)). Но надо учитывать, что все больше историческая информатика смыкается с общемировыми тенденциями научных исследований в рамках цифровой истории.

Цифровая история или Digital Humanities (М. Таллер, Дж. Фрай) [1] — направление, развивающееся на стыке современных информационных технологий и гуманитарных наук, которое расширяет методический инструментарий исторической науки и дает возможность работать в новой информационной среде. В мире созданы и активно работают департаменты (кафедры) и центры Digital Humanities, которые реализуют исследовательские проекты и ведут обучение в рамках данного направления. Например, ассоциация ADHO (The Alliance of Digital Humanities Organizations) [10], кафедра цифровой гуманитаристики Лондонского Королевского колледжа (King's College London).

Цифровая история решает задачи применения цифровых медиа и инструментов в практике исторических исследований, в задачах презентации и визуализации исторического знания. В частности, в рамках цифровой истории создаются новые методы оцифровки документов и артефактов, методы их сохранения и обращения к ним, разрабатываются технологии перевода архивных материалов, оцифрованных в устаревших медиа форматах, в более современные форматы и стандарты, происходит поиск новых средств определения аутентичности цифрового контента, решается задача облегчения доступа к оцифрованным данным пользователям с ограниченными возможностями (в силу возрастных или экономических факторов). Интересен факт, что сам термин Digital History родился не в среде историков (исследователей и преподавателей), а в среде «прикладников», занимающихся IT-приложениями в музеях, архивах, других учреждениях сохранения историко-культурного наследия, где решаются практические задачи оцифровки соответствующих материалов и обеспечения доступа к ним.

Важно, что сейчас начинают реализовываться давние мечты историков об историко-ориентированном программном обеспечении. К такого рода разработкам можно отнести различные, уже приобретшие мировую известность программы. Например, программа ZOTERO позволяет сохранять и управлять найденными онлайн научными материалами (еще одна база ENDNOTE). Онлайн-проект SCRIPTO создан для облегчения совместной работы по расшифровке и установлению текстов по электронным копиям архивных документов. Программа ОМЕКА предназначена для создания специализированных электронных ресурсов – электронных коллекций и онлайн-выставок.

Еще одна актуальная тенденция современной исторической науки связана с **модификацией исторического источника** — основы историописания. Процессы, которые происходят в данной сфере, можно описать следующим образом:

1. изменяется отношение к сущности исторического источника (не объект, памятник, откуда можно почерпнуть информацию о прошлом, а «объективированный результат творческой деятельности человека / продукт культуры, используемый для изучения/ понимания человека, общества, культуры ...» [5, 91]);
2. появляется новая форма источника — оцифрованный исторический источник;
3. развиваются новые современные виды источников, например, гипертекстовый сверхмассовый источник, который создается пользователями интернета и реализуется в форме различных блогов, социальных сетей или форумов (при этом научные методы работы с данными источниками еще не выработаны и пока нет эффективных программ для контент- и дискурс- анализа подобных).

Процесс обучения истории также претерпевает ряд изменений, связанных с расширением информационного пространства и появлением доступной цифровой информации. И здесь происходят две важные тенденции:

1. активно развивается **цифровая образовательная среда**, которая, с одной стороны, способствует популяризации науки, увеличивает доступность исторической информации, расширяет круг используемых источников, но, с другой стороны, оказывает дополнительное давление из-за чрезмерного количества и часто низкого качества;
2. изменяются **роли, выполняемые преподавателем** (появляются функции, например, учителя-модератора, учителя-тьютора, организатора проектной работы и так далее). Преподаватель как носитель высшей и единственной истины утрачивает свое значение, и проявляются новые функции преподавания — проводить ученика/студента сквозь море информации, помогая выстроить, систематизировать знание. (См. концепцию гуманистической педагогики XXI века (А.Адамский, А.Асмолов, А.Архангельский, И.Фрумин, С.Волков и др.) [4]).

Электронная образовательная среда (см. Таблицу 2) – это также важный ресурс повышения качества образования, увеличения его доступности, который на данный момент становится необходимым дополнением к традиционному высшему образованию.

Современное развитие цифровой образовательной среды вуза, видимо, движется в следующем направлении: от электронных библиотек к созданию целостных комплексов сопровождения организации учебного процесса (LMS — learning management system) и далее к реализации открытых образовательных систем [8]. Это три исторических этапа развития цифрового образования, три современные составные части электронного обучения. В новые образовательные стандарты высшего образования уже включены требования по обязательному наличию доступа студентов и преподавателей к электронно-библиотечным системам и электронной информационно-образовательной среде вуза, то есть два из трех ныне существующих элементов цифровой образовательной среды являются необходимой нормой.

Различные **электронные библиотеки** в рамках цифровой образовательной среды вуза выполняют прежде всего информационную функцию. Электронные библиотеки дают возможность получить широкий доступ к печатной оцифрованной информации: учебникам, учебно-методическим материалам, письменным источникам, научным исследованиям. При этом появляются новые возможности. Например, некоторые традиционные линейные учебники приобретают форму гипертекста, увеличивается степень самостоятельности студента при поиске, сборе и анализе информации, появляется возможность оперирования большим объемом аутентичной информации.

Собственно **цифровая образовательная среда вуза (LMS)**, второй элемент общей электронной системы, дает возможность уже не только получить информацию, но и наладить коммуникацию между различными участниками образовательного процесса в рамках высшего учебного заведения. Здесь обеспечивается доступ к учебным планам, рабочим программам, изданиям электронных библиотечных систем, происходит проведение различных видов занятий, возможны процедуры оценки результатов обучения, фиксация хода образовательного процесса, формирование электронного портфолио обучающихся, в том числе сохранение работ студентов, рецензий и оценок на эти работы, то есть обеспечивается быстрое и эффективное синхронное и/или асинхронное взаимодействие между всеми участниками образовательного процесса.

Таблица 2. **Цифровая образовательная среда**

	Электронные библиотеки	Образовательная электронная среда вуза (LMS)	Открытые обучающие ресурсы, онлайн-курсы
Функции	Информационная	Информационная Коммуникационная	Информационная Коммуникационная
Используемые формы	Оцифрованные документы:	• Электронные учебные планы ВУЗа	• Видеолекции • Аудиолекции

	• учебники • учебно-метод. пособия • письма • источники • научные исследования	• рабочие программы дисциплин • библиотечные системы • лекции • учебно-методические материалы • электронные портфолио и др.	• E-mail – обучение • MOOC (массовые открытые онлайн курсы)
Обучающие возможности	Получение широкого доступа к письменной оцифрованной информации	Доступ к учебно-методическим материалам вуза и библиотекам, электронное обеспечение образовательного процесса	Доступ к внешним электронным ресурсам: • видеолекциям, • онлайн-курсам других преподавателей и вузов. Электронное обеспечение образовательного процесса
Технико-технологические основы	Тематические веб-каталоги, предлагающие доступ к структурированным данным в различных цифровых форматах (PDF, HTML, DjVu и другие).	• Готовые платформы: Moodle, Sakai, Ilias и др. • Собственные разработки ВУЗов	Готовые платформы (например, edX)
Примеры	• E-library (Elibrary.ru) • Знаниум (Znanium.com) • КнигаФонд (Knigafund.ru) • Киберленинка (Cyberleninka.ru)	• Система дистанционного обучения МГПУ (moodle.mgpu.ru), • Центр дистанционного обучения МИСиС (fdisto.misis.ru) • Центр дистанционного заочного обучения университета «Дубна» (sdo.uni-dubna.ru)	• Coursera (www.coursera.org), • EdX (www.edx.org), • Udacity (www.udacity.com), • Лекториум (www.lektorium.tv), • Универсариум (universarium.org), • Университет без границ (distant.msu.ru), • Univertv (Univertv.ru)

Третий элемент общей обучающей электронной среды — различные **открытые образовательные ресурсы**, онлайн-курсы. Это довольно молодое направление, и появление открытых обучающих ресурсов «можно сравнить с переходом от переписывания книг в средневековых монастырях к их массовой печати, настолько они делают экономичнее и эффективнее задачу передачи качественного образовательного контента». Открытые обучающие ресурсы позволяют создать благоприятную информационно-коммуникационную среду для мобильного обучения и еще больше расширяют полномочия студентов в управлении образовательным процессом. С этой точки зрения интересен, например, инновационный формат MOOC (Massive Open Online Course). Этот формат можно назвать системным вызовом для всех стран, обладающих традицией высшего образования. Это массовый открытый онлайн курс, который полностью проходит онлайн и предназначен для неограниченного числа студентов. В конце 2015 года мы, например, наблюдаем открытие национальной платформы для онлайн-курсов, созданной восемью ведущими вузами России под эгидой Рособрнадзора и Министерства образования и науки («Национальная платформа открытого образования» [9]). Эта платформа позволяет студентам выбирать любые курсы, созданные разными российскими вузами, и, сдав экзамен, даже засчитывать их в своих учебных заведениях. Есть на данном ресурсе и курс истории России.

Итак, современное информационное пространство запускает процессы изменения исторической науки, исторического источника и процесса передачи исторических знаний. И, видимо, задача современного историка — адекватно и оперативно реагировать на эти изменения.

Библиографический список:

1. Бородин, Л.И. Digital history: применение цифровых медиа в сохранении историко-культурного наследия [Электронный ресурс]. URL: http://kleio.asu.ru/2012/1/hcsj-12012_14-21.pdf (дата обращения: 24.12.2015);
2. Бородин, Л.И., Гарскова, И.М. Историческая информатика: перезагрузка? //Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. Выпуск 2 (16). С. 5-11;
3. Володин, А.Ю. Цифровая история (digital history): виртуальная реальность или исследовательская практика// Стены и мосты II: Междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории. М., 2014. С. 140–147;
4. Гуманистическая педагогика: XXI век// Новая газета. №112 от 12 октября 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novayagazeta.ru/society/70301.html> (дата обращения: 22.12.2015);
5. Источниковедение: учеб.пособие/ И.Н.Данилевский, Д.А.Добровольский, Р.Б.Казаков и др.; отв. ред. М.Ф.Румянцев. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015. 685 с.;
6. Курилла, И. Зачем фальсифицируют историю // Арзамас. Академия [Электронный ресурс] URL: <http://arzamas.academy/materials/189> (дата обращения: 20.12.2015);
7. Медушевская, О.М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение-методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX межд.науч.конф. - Москва, 31 янв.- 2 февр.2008: М.: РГГУ. 2008. С.24-34;
8. Морозов, А. «Я слушаю МООС на досуге»: Ярослав Кузьминов о цифровом будущем университетов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edutainme.ru/post/Kuzminov-interview> 9 (дата обращения: 22.12.2015);
9. Национальная платформа открытого образования [Электронный ресурс]. URL: <https://openedu.ru> (дата обращения: 22.12.2015);
10. The Alliance of Digital Humanities Organizations [Электронный ресурс]. URL: <http://adho.org/>(дата обращения: 22.12.2015).

Ardasheva M.E. Historical knowledge in the contemporary information space

The research considers current trends of contemporary historical knowledge related to development of historic science, expansion of the information space and emergence of contemporary digital resources.

Key words: academic and popular history; classic, non-classic, post non classical and neoclassical models of history; cumulative and paradigmatic approaches to the history; historical computing; digital history; historical sources; Electronic Educational Environment (EEE); electronic libraries; Learning Management Systems (LMS); online courses; history teaching in higher education.

УДК 930.85

Т.Е. Строковская

«Славянские земли» и их обитатели в письмах славистов середины XIX в.

Аннотация:

В сообщении анализируется понятие «славянские земли» и их образ, сложившийся в результате заграничных путешествий российских славистов О.М.Бодянского, М.П.Погодина и И.И.Срезневского и отраженный в их письмах своим коллегам и чешскому слависту П.И.Шафарику.

Ключевые слова: славянский мир, язык, литература, этно-культурная идентификация, повседневная жизнь, образование, соотечественники.

Об авторе: Строковская Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: t.e.strokovskaya@gmail.com.

Предметом данной статьи является сконструированная реальность - славянский мир, возникший в воображении и трудах ученых-славистов середины XIX в. Само понятие - идеальный образ, подразумевающий территории, населенные народами, говорящими на славянских языках. Когда-то они были самостоятельными, а потом потеряли независимость и вошли в состав Австрийской и Османской империй. В сознании ученых и путешественников они объединены в топоним «славянские земли».

В качестве источников использована научная переписка и путевые заметки российских славистов О.М. Бодянского, М.П. Погодина, И.И. Срезневского, чешского ученого П.И. Шафарика, а также «галицкого русского», закарпатского историка и публициста Д.И. Зубрицкого. Заграничные путешествия составляли для выпускников Московского университета часть программы последиplomной подготовки к преподавательской деятельности. Учебно-научные цели путешествий (1838-1841) объясняются в переписке Бодянского с Погодиным.

География и маршруты

Прежде всего, славянские земли – это место обитания самобытного древнего, единого народа Европы, который с ранних веков был известен под немецким названием «венеды» и домашним – «сербы». Так определял их в XIX в. чешский славист, историк и патриот П.И. Шафарик. Шафарик пользовался непререкаемым авторитетом среди коллег, а его рекомендации и мнения долго воспринимались как экспертные заключения и задавали систему координат для научного сообщества славистов. Центр славянских земель Европы находился в Австрии. Все маршруты по их изучению начинались со столиц Вены, Пешта и Праги, где ждали обширные библиотеки и ценные рукописи.

Список значимых центров и маршрутов славянского мира включал Пешт, Новый сад, Карловцы, затем через Сербию в Загреб, Далмацию и Черногорию [1, V]. В Сербии, кроме Загреба, нужно было побывать Дубровнике и Триесте.

География славянских земель была персонифицирована. Его точки притяжения составляли не только города и библиотеки, но и люди. Так, например, в Праге путешественников ждало гостеприимство самого П.И.Шафарика, дом которого был центром общения европейских славистов. Из Загреба нужно было непременно заехать в Шибеник, где работал доктор Петранович, и Дубровник, где жил Гагич, а уже потом отправиться в Черногорию» [1, VI].

Главной ценностью славянского мира были «живые источники», то есть язык, диалекты, говоры, нравы, обычаи, а не «полусгнившие рукописи» [5, письмо 31 окт. 1838г.] в библиотеках Вены и Пешта. Поэтому желающим познакомиться с истинными богатствами славянских земель и открыть их подлинную сущность нужно было посетить провинцию, искать фольклор в Среме, Иллирии, в небольших городках, деревушках, монастырях. Славянскими языками, обязательными для изучения, в соответствии с мнением Шафарика, считались церковно-славянский, русский, польский, чешский. А из них первенство отдавалось древнеславянскому (который отождествлялся с древнеболгарским), русскому и польскому.

Представляет интерес, что болгарские земли Османской империи в переписке славистов не определяются как значимые части славянского мира. Более того, из контекста писем можно заключить, что они представляют особую, «балканскую» ветвь, лишь частично привитую к славянскому миру.

Степень важности славянских земель, их культурная и историческая ценность определялась славистами еще до открытия ключевых фигур и произведений южнославянской средневековой культуры и истории: Климента Охридского, Константина Преславского, Саввы Сербского, Константина Костенецкого и др. Из гигантов болгарской книжности был известен только Иоанн Экзарх Болгарский, чей «Шестоднев» был открыт и издан Калайдовичем в 1824 г. Бодянский, которому из-за болезни не удалось выполнить весь план и побывать в Болгарии и Македонии, утешая себя и коллег, пишет: «из славянских земель непосещенными остались только две-три, не очень-то важных» [1, VI]. Но зато в Чехии он посетил Карлов Градец, Брно, Оломуц, и монастырь в Райграде.

Еще один фактор влиял на формирование модели славянского мира: недостаточные сведения о географии южнославянских земель в составе Османской Империи. Тот же П. Шафарик, считавший географию тесно связанной с филологией, хвалит австрийские и ругает французские карты Европейской Турции: «никогда еще я так не радовался и не сердился как из-за карт. Французская карта Ноэля и Вивье – это один обман. Исключая границ и пути из Белграда в Царьград, все остальное взято с ветра. Реки величиной как Тиса, Лаба и почти Дунай, вымышлены массами такие, каких в Турции совсем нет. Города нередко поставлены на 50 миль далее в области, которым они не принадлежат. Обезображенное имя одного города стоит 7 или 10 раз. Таковы все карты Турции, которые я видел..., а видел я их по крайней мере сотню.» [3, 67]

Разнообразие языков и наречий являлось особенностью славянского мира. Шафарик делил славян по языкам на две группы: юго-восточная (русские, болгары, сербы) и западная (поляки, чехи, лужицкие сербы, полабские славяне). Именно языки, а не религиозные конфессии составляли главное различие между славянами Европы. Поэтому главной задачей путешествия считалось изучение славянских языков. Бодянский обещает Погодину: «Я не вернусь к вам без того, чтобы не говорить на всех нынешних славянских языках, это необходимо для живого и плодоносного знания славянщины, иначе все будет мертво». [4, 9]

Зима 1837-1838 г. выдалась в Европе очень холодной, температура в Праге все время держалась ниже 25 градусов мороза. За это время Бодянский, не имея возможности продолжать путешествие, в совершенстве выучил чешский язык.

В другом письме, уже из Пешта, Бодянский пишет: «Теперь я болтаю беспрестанно по-сербски, и надеюсь, через месяц-два овладеть им также как чешским, польским и словацким... К немалому удивлению самого себя успел в теперешнее мое пребывание почти совершенно усвоить себе сербский язык, беспрестанно разговаривая с сербами, толпой приходящими ко мне каждый день, так что в самой Сербии мне уже мало что остается делать касательно языка.» [5, письмо 6 дек.1838г.].

Путь к сближению народов – взаимное изучение литературы, культуры и исторического прошлого. Одна из этических норм ученых-славистов заключалась в убеждении, что без овладения языком невозможно адекватно воспринять, осмыслить, изучить и транслировать знания о другой культуре. Например, когда чехи были недовольны, что Шафарик не признал чешский язык самым благозвучным из славянских, считая таким русский язык, он отвечал: «Я не желаю, чтобы мы друг другу лгали или ласкали сами себя неправдою». Восстановление утраченного единства славянского мира невозможно без признания равенства славянских народов. «Пока серб – пишет Шафарик –

полагает, что турок более близкий ему приятель, чем чех, поляк или словенец, пока чех, славонец и т.д. расхваливает немца и считает его братом, а презирует серба, болгарина и т.д., пренебрегая ими или уклоняется от них как от турка или какого-либо дикаря, до той поры нельзя думать о всеславянской азбуке...»

В 1830 г., после польского восстания, чешский патриот Шафарик критиковал российские власти и сочувствовал польскому народу. Он восклицал: «Каким образом, растоптав это благороднейшее и поистине рыцарское славянское племя, можно положить основание будущему единству славянских народов? В падении Польши мы должны оплакивать падение всего славянства.» [2, 23-24].

Обитатели и их обычаи

Представляют интерес наблюдения путешественников об облике и деталях повседневной жизни местного населения славянских земель.

Одно из ярких впечатлений от поездки ожидало русских путешественников при пересечении границ. Различались условия провоза взятых с собой подарков и личных вещей, а также пошлины и особенности их выплат. О.М. Бодянский сообщает, что на польской границе ему пришлось заплатить 5 золотых за провоз меха, который он вез в подарок своему чешскому другу Шафарiku. Чтобы избежать штрафов на каждой следующей таможне, московский ученый, университетский выпускник придумал хитрость. «В Варшаве сшил из него на живую нитку халат, покрыв его пестрой какой-то материей и обложив по сторонам забубенными вычурами, пристроив так же отложной воротник из таких же вычур. За две или три станции до таможни, обыкновенно вынимал его из чемодана, надевал на себя под шинель, и таким образом, в этой багрянице переезжал через Стикс: немцы, смотря на меня в этом наряде, Бог знает, каким богачем почитали русса и, кажется, один из них как-то произвел меня в князья, а другой – в бароны» [3, 6].

Живописен рассказ другого российского путешественника И.И.Срезневского о торговом дне в Братиславе. «Сегодня пятница, а в пятницу собирается на моей Рыбной площади базар, продают зелень, цветы и т.д.

Тут в Братиславе я вижу хромоногих и кривоногих в таком множестве, что 9-й или 10-й верно переваливается на ногах: у иного одна нога короче, у другого – переломана, у третьего – носки ищут один другого, четвертый на костыле или костылях, пятый как кошка выдвигает ногу за ногой, как будто из чемодана, шестой раскачивается идучи, как будто бы его тащили то в одну, то в другую сторону! И это люди не из бедного звания, а часто хорошо одетые дамы и хорошенькие девушки [4, №52 от 22 апр.1842 г.].

В другом письме он описал забавную, на его взгляд, любовь местных молодых людей к молоку и привычку проводить досуг, поднимаясь по вечерам на окрестные холмы и петь там хором. О вкусах местных жителей пишет и Бодянский: «квасу здесь нет, и даже никто не ведает, что это такое» [1, 7].

Поездки оплачивались государством и предполагали определенную экономию. Бюрократическая волокита и путаница при запросе и получении денег порой приводила путешественников в отчаяние. Бодянский писал в Москву с просьбой увеличить дотацию: «не делает чести университету отправить человека путешествовать на чужбину и оставить его без всякой помощи» [3, 24]. В апреле 1838 г. он жалуется: «Еще неделю надеюсь кое-как перебиться, а там протяну руку к кому-нибудь из добрых чехов. Стыд и срам нашему университету довести меня до такой крайности на чужбине. Что подумают о нем и о Руси вообще наши соплеменники? Пока я здесь, можно еще хоть и с горем пополам, хоть и на доброту чехов жить и действовать. Но что станет со мной, когда пушусь переезжать с одного места на другое, например, в Венгрии, Сербии, Болгарии, Дубровнике и т.д. [3, 32].

Приведем одну историю, которая, наглядно демонстрирует, как медленно меняется национальный характер и восприятие друг друга народами разных культур.

Поездки за границу будущих профессоров по направлению университета оплачивались государством. Выделенное содержание составляло 1000 р. в год, что предполагало определенную экономию. Например, за квартиру со всеми удобствами и обслуживанием Бодянский платил 50 р., что для него было довольно много. Он писал в Москву с просьбой увеличить дотацию: «не делает чести университету отправить человека путешествовать на чужбину и оставить его без всякой

помощи» [3, 24]. В апреле 1838 г. Бодянский жалуется Погодину: «Еще неделю надеюсь кое-как перебиться, а там протяну руку к кому-нибудь из добрых чехов. Стыд и срам нашему университету довести меня до такой крайности на чужбине. Что подумают о нем и о Руси вообще наши соплеменники? Пока я здесь, можно еще хоть и с горем пополам, хоть и на доброту чехов жить и действовать. Но что станет со мной, когда пушусь переезжать с одного места на другое, например, в Венгрии, Сербии, Болгарии, Дубровнике и т.д. [3, 32].

Однажды, страдавший постоянными простудами и ревматизмом О.М.Бодянский, отправился лечиться на минеральные источники в Карлсбад и Теплицы. Поскольку уже тогда это был известный курорт, его расходы существенно возросли. Те же 50 рублей, на которые он жил месяц в Праге, на водах он расходовал за неделю. Человек внимательный и не лишенный чувства юмора, он оставил характерное наблюдение о соотечественниках, которых встретил на европейском курорте. «Русских в Карловарах теперь как граду морского. Жители говорят, что они никогда еще не видели подобного нашествия северных водопийц» [3, 66]. Перечисляя лучшие дворянские фамилии России, ученый описывает курьезную ситуацию. Три графа: Толстой, Муравьев и Розен для русских отдыхающих устроили торжественный обед и бал в честь дня рождения государя Николая Павловича. Они пригласили на этот роскошный и дорогой обед много русских гостей из разных сословий, а потом предъявили им счет «по 4 червонца» (то есть по 100 рублей с человека). В завершении рассказа Бодянский «благословляет судьбу, помешавшую идти на это сонмище» [3, 66].

Межнациональные контакты и взаимные характеристики

В наблюдениях над особенностями национального характера содержится много интересного. Например, патриотизм Шафарика выражался в том, что труды свои он писал по-чешски, а также был убежден, что его долг как ученого - работать исключительно в Праге. Язык для него – главное достояние культуры нации и один из факторов идентичности. Он находил неэтичным «покинуть своих соотечественников, которые отнеслись к нему с такой любовью и доверием» [2, 32].

В отношении с австрийской администрацией Шафарик противопоставляет две славянские нации: чехов и сербов. «В то время как мы всячески стараемся как-нибудь успокоить гидру, эти неразумные люди без всякой нужды подливают масла в огонь» [2, 16].

Друзья, посещавшие Шафарика в Праге, подтверждали, что в чешском сообществе ученые пытались отстраниться от политики из опасения репрессий со стороны австрийских властей: «всегда действуют с необыкновенным благоразумием, осторожностью» [9, 77].

Весьма нелестно описывает Шафарик сербскую интеллигенцию г. Нови Сад, где ему пришлось жить и преподавать в 20-е годы XIX столетия. В письмах друзьям он жалуется на грубость нравов, излишний темперамент, политизированность сербского общества, на неразборчивость в средствах ведения полемики и борьбы за свои интересы.

Отрицательными свойствами сербского общества Нового Сада, восходящими в его шкале ценностей на нравственную степень, было равнодушие к просвещению. Его удручают нарушения в учебных заведениях профессиональной этики учителей по отношению к ученикам, их грубость, неаккуратность в денежных вопросах. Особенно возмущает Шафарика небрежное отношение к своим обязанностям учителей и леность в занятиях учеников.

Все заслуги в деле просвещения он приписывает горожанам [2, 17], противопоставляя их духовенству и, в особенности, администрации архиепископа Нового Сада. В целом, довольно безразличный к вопросам религии, в период жизни в Новом Саде Шафарик с антипатией относился к сербскому духовенству и особенно к монашеству. В письмах этого периода эпитет «монах» - характеристика отрицательная, своеобразная эмблема, обозначающая человека недалекого, малообразованного, скупого, упрямого и невежественного [2, 18].

Своеобразие положения русского и русскоязычного национально-культурного меньшинства в Галиции в середине XIX в. описано в заметках Д.И.Зубрицкого. Денис Иванович Зубрицкий (1777-1862), славист, называвший себя «галицким русским» ученым, всю жизнь прожил во Львове. Он в своих письмах рисует картины периода с 1830-х-1860-х гг.

С одной стороны, Галиция входила в состав Австрийской Империи, где государственным языком был немецкий и все особенности административно-правовой, территориальной и религиозной системы определялись Австрийской монархией. С другой стороны, сама Галиция – регион, являвшийся частью разделенной и утратившей свою государственность Польши, отошедший к Австрии. Соответственно, этническое большинство населения там составляли поляки, преобладающий язык межнационального общения – польский, а религиозное большинство составляли католики и в некоторых районах – униаты.

Положение русского и русскоязычного этно-культурного меньшинства в Австрийской Галиции не удовлетворяет Д.И. Зубрицкого. Славист считает, что позиции носителей русского языка и культуры в регионе постепенно ослабевают. Он констатирует, что среди «галицких русских» в качестве разговорного языка и языка общения чаще используется польский, и даже историю своего собственного края и народа местные интеллигенты легче и охотнее воспринимают на польском языке. Причины такого явления он видит отчасти в политике австрийского правительства, отчасти в отсутствии потребности самого населения, которое предпочитает адаптацию к господствующей этнокультурной среде сохранению национального своеобразия.

Много внимания в своих письмах уделяет Зубрицкий описанию системы образования в Австрийской Галиции. Среди учебных заведений Львова оказалась лишь одна русская школа с одним учителем, где учили чтению, письму, церковному пению и обрядам. Только одна частная типография печатала на русском языке, не издавалось ни одной русской газеты (а всего их во Львове с 1835 по 1861 г. было три: польская, немецкая и галицкая, выходившая на немецком языке). Учебные заведения Львова насчитывали 4 высших, 7 средних: две гимназии (Академическая и Доминиканская) и пять немецких народных школ (из них – 2 женские) и 5 начальных, из которых четыре были приходские немецкие школы.

Способом поправить ситуацию и поддержать русскоязычную диаспору Зубрицкий считал распространение литературного русского языка, печать исторических и литературных произведений, связи с российской интеллигенцией и поддержку со стороны общественных и научных сообществ из России.

При этом он был противником политических изменений, резко критиковал проявления экстремизма в любых формах. Он считал, что деятельность по сохранению этнической идентификации в мультикультурном окружении следует инициировать и развивать самим представителям местного сообщества, отводя особую роль в этом деле образованию и публицистике.

В одном из последних посланий М.П. Погодину Зубрицкий описал ситуацию в Галиции, поражающую своей современностью и актуальностью. «Какая-то зловредная шаль завладела умами жителей всех провинций: все волнуются, требуют дерзко какой-то народности, автономии, сеймов, исключительного употребления своего наречия в присутственных местах и школах, собираются на сходки, шумят, толкуют, хулят немцев, порицают правительство. Словом сказать, наше государство колеблется в своих основаниях, выходит из своих пазов и клонится к разрушению... Если же шумят и обуреваются флегматические немцы, чехи, хорваты и румыны, то можете себе представить, что делают охотники на все возмущения – поляки. Как бы волшебным жезлом тронутые, в мгновение переоделись в польское, кажется уже прежде заготовленное на этот случай платье, надели разного вида и рода шапки, сабли и мечи, собираются и шумят, восставляют за Днестром границы будущей Польши, злословят Россию, служат по костелам торжественные панихиды и поминки бунтовщикам против России (1794 и 1831 г.)» [5, 619-620].

Известный славянофил Кошелев отмечал, что в отношениях со славянами Европы «Нужны новые подходы со стороны России, что они не хотят сближения политического, а только духовно-литературного». [9, 80].

Таким образом, модель «славянские земли» представляла собой пестрое сообщество разделенных политическими границами народов, единство и взаимный интерес которых строились и поддерживались общностью языковых и культурных корней. По представлениям славистов, единственным верным путем к сближению было взаимное изучение языков, литературы, традиций и исторического прошлого.

Библиографический список:

1. Письма П.И.Шафарика к О.М.Бодянскому (1838-1857 гг), подготовленные к изданию П.А.Лавровым и М.Н.Срезневским. М.Ун-т. 1895.
2. П.А.Лавров. Шафарик. Описание жизни и деятельности. М.1897.
3. Письма О.М. Бодянского к М.П. Погодину из славянских земель 1835-1861. М.1879. в Письма к Погодину М.П. из славянских земель 1835-1861. М.1880.
4. Путевые письма И.И.Срезневского из славянских земель 1839-1842. Спб.1895.
5. Письма к Погодину М.П. из славянских земель 1835-1861. М.1879.
6. Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос 1856-1867. Москва: Издательство Московского университета.1876.
7. Погодин М.П. Собрание статей писем и речей по поводу Славянского вопроса. Москва: Издательство Московского университета. 1878.
8. Погодин М. Историко-политические письма и заметки. Москва: Издательство Московского университета,1873.
9. М.Ю.Досталь. «Шафарик и русские славянофилы в 40-50 гг. XIX в. / П.И.Шафарик. К 200-летию со дня рождения, под ред. Л.Н.Смирнова. М.1995. с.72-83.

Strokovskaya T.E. Slavic lands and their inhabitants in the correspondence of Slavists'

Based on the privet correspondence, the author analyzes the goals, objectives, results and impressions from traveling abroad of graduates of Moscow State University, sent to complete their education before becoming the lectures in the Department of Slavonic Studies.

Key words: Slavic world, education program, travelling around the Slavic areas, language, literature, everyday routine, compatriots abroad.

УДК 34

А.Б. Краснов

Особенности эволюции юридического статуса различных форм протоконцессионных отношений в рамках российского правового поля

Аннотация:

В рамках реализации своих полномочий в условиях рыночной экономики современное государство все более активно использует на практике различные инструменты экономико-правового регулирования общественных отношений, в т.ч. институт концессий. Однако процесс формирования данного комплексного института занимает в отечественной истории права особое место. Настоящая статья является попыткой обозначить основные этапы формирования различных способов взаимодействия государства и частных субъектов предпринимательства.

Ключевые слова: концессия, концессионное соглашение, концессионные правоотношения, жалованная грамота, откуп, протоконцессионные отношения.

Об авторе: Краснов Алексей Борисович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры государственно-правовых дисциплин; эл. почта: sb_ak@mail.ru.

Успешное функционирование государства во многом зависит от взаимодействия двух основных факторов – эффективного производства и справедливого распределения материальных и нематериальных благ. Коллизионное начало, заложенное в дихотомии «производство-распределение» определяет, в свою очередь, общий качественный уровень всего комплекса отношений, складывающихся в обществе.

К инструментам, применение которых, с точки зрения законодателя, будет способствовать развитию производственно-распределительных механизмов в рамках рыночных отношений, относится, в частности, институт концессии (от лат. *concessio* – разрешение, уступка). Он позиционируется как средство взаимодействия между государством и бизнесом, направленное на создание и эксплуатацию государственной и муниципальной собственности при одновременном стимулировании предпринимательской активности в экономике посредством особого вида договоров – концессионных соглашений.

Согласно положениям федерального законодательства это соглашения о создании или передаче недвижимого имущества (объекты социальной, транспортной инфраструктуры, гидротехнические сооружения и т.д.), которое принадлежит или будет принадлежать публичному субъекту (концеденту) с обязательством последнего предоставить частному субъекту (концессионеру) право владения и пользования указанным имуществом на определенный соглашением срок [1, ст.3-4]. Одним из ярких примеров взаимодействия государства и частных субъектов предпринимательства в рамках концессионных соглашений на территории Российской Федерации является проект скоростной автомагистрали между Москвой и Санкт-Петербургом (трасса М-11), строительство и эксплуатацию которого осуществляет ООО «Северо-Западная концессионная компания» [2].

К использованию института концессий прибегало также и молодое Советское государство в рамках реформирования и восстановления товарно-денежных отношений в период Новой экономической политики, приглашая крупных иностранных концессионеров для создания новых производственных мощностей и реконструкции старых [3].

Институт концессии использовался также и в Российской империи. Так, например, строительство первой в российской истории железной дороги с маршрутом «Санкт-Петербург –

Царское Село – Павловск», велось на основании Высочайше утвержденного положения об учреждении Общества Акционеров для сооружения железной дороги от Санкт-Петербурга до Царского села с продолжением до Павловска от 21 марта 1836 г.

Таким образом, концессионные правоотношения – это комплекс общественных отношений, возникающих между субъектами публичного права (государством, органом местного самоуправления) и частными субъектами предпринимательства по поводу публичного имущества, которое предприниматель-концессионер обязуется создать и (или) реконструировать за свой счет, возместив при этом затраты, извлекая прибыль от последующего владения и пользования данным имуществом.

Однако и в XIX в., и в XX в., и в XXI в. отечественный законодатель прибегал к использованию уже, по сути, сложившегося инструмента взаимодействия субъектов публичного и частного права, основы которого закладывались на начальных этапах функционирования Русского государства. Складывание отношений по взаимодействию субъектов публичного и частного права с момента образования Древнерусского государства происходило постепенно, через различные правовые институты.

В качестве общей отличительной черты рассматриваемых механизмов следует выделить стремление к изъятию государством определенной группы отношений из-под действия системы национального права в процессе организации сотрудничества с субъектами частного права. В связи с особенностями развития Русского государства в период средневековья представляется возможным выделить несколько сфер, в которых взаимодействие субъектов публичного и частного права с предоставлением последним некоторых исключительных прав проявлялось особенно ярко.

В первую очередь к одной из таких сфер относится область торговли, как внешней, так и внутренней. Одним из ярких примеров формирования экономических связей между иностранными государствами и приграничными княжествами средневековой Руси может служить княжеская грамота Ивана Рославовича Берладника 1134 г., освобождавшая от уплаты мыта болгарских купцов, привозивших товары на склад в город Малый Галич [8, 26].

Крупные торговые города-республики также стремились к утверждению взаимовыгодных экономических связей с зарубежными контрагентами. Так, в 1229 г. было заключено соглашение между Смоленском, Ригой и Готским берегом, детальный анализ которого указывает на совершенствование правовой техники в сфере взаимодействия субъектов публичного и частного права. Нормы данного соглашения устанавливали беспрепятственные [6, 432-434] и беспошлинные [6, 436-437] взаимные торговые операции, беспрепятственный транзитный проезд [6, 432-434, ст.20] купцов через территорию сторон соглашения, а также преимущества иностранного лица в возмещении полученного ущерба перед органами власти [6, 426-427, ст.7], что также можно отнести к разряду исключительных прав.

Другой сферой активного взаимодействия субъектов публичного и частного права с использованием механизмов, аналогичных вышеописанным, стала сфера землевладения и землепользования. Развитие исследуемого комплекса отношений также было обусловлено объективными причинами развития средневекового государства и права.

Землевладельцы уделяли пристальное внимание росту хозяйства путем развития различных промыслов и освоения пустынных земель (пустошей) посредством их распашки, выведения скота, закрепления за данной местностью крестьян, обслуживавших вновь освоенный источник дохода. Процесс оформлялся специальными грамотами на освоение участков, выдававшихся крестьянам вотчинником. Таким образом, с одной стороны происходило экономическое развитие определенной территории путем ее хозяйственного подъема, с другой стороны, – закрепление крестьян за обрабатываемыми ими по выданной грамоте земельными участками. Кроме того, стоит заметить, что такие грамоты могли выдаваться князьями не только своим дружинникам за службу, но и более мелким землевладельцам и монастырям, являвшимся крупными собственниками земельных угодий.

В качестве примера пожалования, предоставлявшего права промыслового освоения какой-либо местности, следует привести Жалованную грамоту Нижегородского Великого князя Бориса Константиновича Спасскому и Благовещенскому монастырям от 08 декабря 1393 г. Грамота

предоставляла «архимандриту Ионе с братией» право пользования рыбной и бобровой ловлей на реке Суре в княжеских землях[6, 3, №7].

В области хозяйственного развития пустующих земель примером может служить Жалованная льготная и несудимая грамота великого князя Василия Дмитриевича Ивану Кафтыреву на земли в Осецком стану Костромского уезда от 30 января 1424 г., предоставлявшая трехлетние «налоговые каникулы» для людей из княжеской вотчины, которых призовет на указанную в грамоте территорию получившее пожалование лицо, а также десятилетние «каникулы» для людей, «пришедших из других княжений»[6, 5, №4].

Ярчайшим примером предоставления пожалований представителям тяглого населения на промысловое освоение пустошей является Жалованная грамота Ивана IV солевару Григорию Строганову на освоение земель на реках Кама, Лысьва и Чусовая от 18 апреля 1558 г., предусматривавшая проведение комплексного освоения пожалованных территорий от распашки земель и рыбной ловли до осуществления геологоразведки и освоения соляных месторождений.

Анализ правовой техники выдававшихся жалованных грамот позволил сделать следующие выводы:

1. В нормативном акте присутствует описание территории, за которой закрепляются права владения и пользования привлекаемого лица;
2. Четко очерчивается круг прав и обязанностей (пожалований) лица, которому выдается документ;
3. Обозначаются условия прекращения действия выданного документа, такие как окончание срока его действия или нарушение условий его выдачи.

Все это позволяет говорить о том, что жалованные грамоты такого характера имеют правовую природу, общую с современным институтом концессионных соглашений.

Другой формой взаимодействия субъектов публичного и частного права являлся институт откупов. Активное применение откупного механизма в отечественной правовой системе было обусловлено принятием «Приговора царского о кормлениях и о службе»[7, 267-268], по сути, отменившим систему кормлений, что в свою очередь влекло за собой поиск новых форм финансирования деятельности государства.

Откуп стал той самой формой, при которой государство перекладывало заботу о получении различных сборов с населения на частных лиц. Помимо передачи на откуп финансовых институтов, таких как таможенные и иные пошлины, мыта, частным лицам даровались также права на получение прибыли от использования кабаков, бань, мельниц и различного рода угодий. При этом следует отметить, что предоставление государством различных откупов частным лицам неразрывно связано с наделением данных лиц полномочиями.

Так, согласно Откупной грамоте крестьянам Грише Крячкову и Михалку Дурнину от 07 февраля 1582 г. указанным лицам было предоставлено исключительное право осуществления натурального сбора с рыбных промыслов на реке Варзуге от имени государства, при этом часть полученного дохода откупщики имели право оставлять себе в качестве вознаграждения за осуществление деятельности по сбору обязательных платежей. Кроме того, несмотря на то, что в роли откупщиков выступали частные лица, в их полномочия входила также возможность наложения административного взыскания в виде денежного штрафа в случае выявления нарушений при осуществлении платежей[6, 375-376, №12].

Подводя итог рассмотрению вопроса становления юридического статуса различных форм обеспечения концессионных правоотношений в рамках средневекового русского права, отметим следующее.

На начальном этапе отношения по взаимодействию субъектов публичного и частного права складывались в торговой сфере, что выражалось в поддержке государством представителей иностранного частного торгового капитала. Однородные отношения формировались также и в производственной сфере. При помощи различных организационно-правовых форм власть перекладывала некоторые публичные функции на частных лиц, передавая им также право получения натурального довольствия с населения за выполняемые работы. В таких формах

зарождались будущие концессионные отношения, которые, в силу их особенностей, являлись протоконцессионными.

Таким образом, протоконцессионными отношениями являются общественные отношения, складывавшиеся в период средневековья между субъектами публичного и частного права (вотчинниками, княжеской, царской властью и представителями тяглого населения, купцами, заводчиками). Данные отношения развивались путем предоставления льгот и преференций, носивших исключительный характер в области деятельности субъектов частного права, и нормативно закреплялись в виде жалованных грамот и привилегий со стороны субъекта публичного права.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 21.07.2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // «Собрание законодательства РФ», 25.07.2005 г., № 30 (ч. II), ст. 3126;
2. Распоряжение Правительства РФ от 24.04.2007 г. № 511-р «О заключении концессионного соглашения в отношении автомобильной магистрали «Скоростная автомобильная магистраль Москва - Санкт-Петербург на участке 15-й км - 58-й км»»;
3. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 12.04.1923 г. «О порядке сдачи губернскими (областными) исполнительными комитетами концессий на коммунальные предприятия»;
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссией. – Спб.: в Тип. II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1836 г. Т. I.;
5. Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским / Изданы Археографическою Комиссиею, – Спб: Тип. Императорской Академии наук, 1868 г.;
6. Акты XIII – XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Часть 1. 1257 – 1613 гг. / Собр. и изд. А.И. Юшковым. – М.: Университетская типография, 1898 г.;
7. Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Первая половина. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904 г.;
8. Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII – XV вв. Под ред. С.В. Юшкова. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953 г.

Krasnov A.B. Evolutionary features of the legal status of various forms of protoconsession relations in the framework of the Russian legal field

In the framework of its power under the market economy conditions the modern state is increasingly using in practice various tools of economic-legal regulation of social relations including a concession institute. However, the forming process of this comprehensive institute holds a special position in the national law history. This article is an attempt to identify the main stages of formation of the different ways of the state and private business entities interaction.

Key words: concession, concession agreement, concession relationships, charter, lease, protoconcession relations.

Светлое будущее и его оборотная сторона

УДК 001.38

М.П. Король

Настоящее время российской науки: трудности самоопределения или «баланс на грани выживания»

Аннотация:

Рассматривается вопрос о науке как социальном институте в контексте российского общества, где большое значение приобретает процесс оптимальной организации управления наукой и ее развития. Автор делает попытку обозначить наиболее острые для научного сообщества проблемы: введение наукометрических показателей, требование публикации в журналах, индексируемых в Web of Science и Scopus, положение социально-гуманитарных наук.

Ключевые слова: наука как социальный институт, научное творчество, наукометрические показатели продуктивности, Web of Science и Scopus, междисциплинарность, трансдисциплинарность, социально-гуманитарные науки.

Об авторе: Король Марина Петровна, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук.

В науке на протяжении всей истории идут процессы трансформации, которые меняют ее инфраструктуру, мотивации научно-исследовательской работы ученых, создавая новые модели и мировоззренческие принципы. Но есть некая константа, в которой заключается подлинное величие научного познания – это его цель: объяснить мир и тем самым сделать его интеллигибельным. Умопостижение закономерностей действительности и конструирование целостной системы представлений об общих свойствах окружающего мира на современном этапе образовали новую парадигму научного стиля мышления, в котором знания об объекте соотносятся не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами, носителем которых выступает человек. Данный вариант научного познания получил разнообразные определения у исследователей: «постнеклассическая научная рациональность», «неклассическая эпистемология», «технонаука», «второй тип производства знаний», «трансдисциплинарные исследования». Все эти названия отражают структурную перестройку науки, формирующую крупные интегративные узлы, в которых концептуально объединяются позиции наук об обществе и наук о природе. Во многом этому способствовало развитие синергетики, утверждение в научном мировоззрении идеи коэволюции и глобального эволюционизма, системных исследований, антропного принципа, принципа синхронистичности и принципа участия. Ученые прогнозируют, что уже в ближайшем будущем кооперативное взаимодействие различных научных направлений может способствовать появлению самых разнообразных новаций, которые откроют перед человечеством беспрецедентные возможности в создании нового социально-технологического уклада, на основе которого изменятся отношения между техносферой и биосферой. Колоссальной и преобразующей силой в этом процессе, способной решать глобальные проблемы цивилизации выступают мегатехнологии НБИК.

Надо отметить, что новая форма существования мировой науки и техники, в их междисциплинарном и трансдисциплинарном измерении, своей проектно-конструктивной деятельностью создавая инновационную социокультурную реальность, меняет и сам контекст социального бытия науки, поскольку она, как социальный институт, неотделима от всех политико-экономических структур общества. Постановка вопроса о науке как социальном институте в ином

социокультурном контексте, где первостепенное значение приобретает процесс оптимальной организации управления наукой и ее развитием, особенно остро и неоднозначно звучит для российского научного сообщества.

Модернизационные процессы 1990–х гг. положили начало созданию в России общественных практик, основанных на законах рыночной экономики, деформировавших внутреннюю природу прежних социальных институтов. Радикальность реформ, полное разрушение прежних культурных образцов и социально признанных идеалов, кланово-корпоративный захват собственности, привели к обнищанию большей части населения. Значительную часть «новых бедных» россияне представляли специалисты с высоким уровнем образования и квалификации. Для того чтобы адаптироваться к формирующимся условиям российского капитализма научным сотрудникам необходимо было сделать выбор: либо мало оплачиваемая работа в сфере профессиональных интересов, либо более доходный «рыночный» вид деятельности. Эта дилемма не могла не способствовать истощению всего спектра факторов развития научного знания – от социально-статусного до демографического. Пугающе реальным для России становился образ страны третьего мира, и утрата позиций культурно-исторического типа, внесшего вклад в мировую историю и культуру.

На фоне глубочайшего структурного кризиса, охватившего финансово - экономическую, социально-институциональную и этико-моральную сферы, пришло осознание сохранения цивилизационной идентичности страны, приоритета общенациональных интересов во имя обеспечения конкурентоспособности и безопасности государства. Фактором, призванным решить столь важные проблемы, должна была выступить наука.

Поскольку российский вариант модернизации всегда предполагает политическую волю и активность государства, был разработан ряд основополагающих документов, где были определены цели, приоритеты и инструменты государственной инновационной политики:

- «Стратегия инновационного развития РФ до 2020 года»
- Концепция Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»
- Указ Президента РФ от 07.07.2011 №899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации»
- Указ Президента РФ от 7.05. 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»

Политика 1990–х гг., основанная на полном копировании западных образцов, была признана ошибочной. Однако начавшиеся преобразования академической и вузовской науки вызывают тревогу именно стремлением внедрить в ее организацию и управление западные стандарты.

Так, сложным и неоднозначным представляется введение наукометрических показателей эффективности научной работы, которые ставят ученых перед вопросом о том, как могут формальные критерии и библиометрические данные использоваться в качестве показателей результативности научного творчества.

Еще в 1950-е гг. молодые американские социологи, следуя утверждениям Р. Мертон о том, что в науке ценится, прежде всего, оригинальность и это ориентирует ученых стать первооткрывателями явления или сформулировать первыми теорию, заинтересовались проблемой успеха в науке. Они попытались найти ответ на вопрос: «Приходит ли наибольшее признание научного сообщества к тем, кто лучшим образом, исполняя свою профессиональную роль, производит особое научное знание?». Успешное решение этой задачи представлялось возможным, если определить, что опубликовал каждый исследователь и как часто его оригинальные идеи отражались в трудах других ученых, которые ссылались на данного автора. «Право на авторство опубликованной идеи, таким образом, устанавливается не юридически, а в процессе ее цитирования другими исследователями. Перенесение акцента на взаимодействия поэтому помогает лучше проанализировать конкретные стратегии, используемые учеными в погоне за оригинальностью» [5]. Таким образом, через призму цитирования казалось реальным проследить и академическую траекторию ученых в развитии науки, и признание их интеллектуальной деятельности.

Усилиями Юджина Гарфилда, ученика Р. Мертон, был основан Институт научной информации и индекс научного цитирования – Science Citation Index (SCI) превратился в готовый продукт. Тем самым было положено начало движению объективизации и позитивной формализации критериев оценки и унификации используемых показателей научной деятельности. В 2005 г. американским физиком Хорхе Хиршем в качестве альтернативы классическому "индексу цитируемости", представляющему собой суммарное число публикаций или общее число ссылок на работы учёного был разработан индекс на основе распределения цитирований работ данного исследователя.

Впрочем, все разработанные индексы цитирования для объективной оценки качества деятельности ученого и «узнаваемости» его в общей системе координат научного мира далеко не идеальны и имеют ряд уязвимых мест. Кроме того, при всей своей универсальности данные системы, работая в российском научном пространстве, обретают особый «национальный колорит». Например, усиленное бюрократическое обрамление, которое обретает творчество ученого. Так к 2015 г. была поставлена задача увеличить долю работ российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных Web of Science.

Творческая работа ученого начинает превращаться в искусственное конструирование. Ученые вынуждены все время следить за своими показателями. Желание повысить собственный рейтинг порождает различные комбинации публикационной активности, подчас далекие от элементарных норм этоса науки: «заказные» цитирования, неоправданное самоцитирование, цитирование соавторами друг друга и т.д.

Несомненно, такие наукометрические платформы как Web of Science и Scopus считаются наиболее авторитетными в научном мире. Но их использование для мониторинга публикационной активности и научной продуктивности именно российских исследователей не всегда дает исчерпывающие данные по двум причинам: отбор журналов традиционно имеет естественнонаучную направленность и в этих индексах цитирования учитываются только англоязычные публикации.

В глоболизирующемся пространстве современности многие научные проблемы требуют объединения усилий ученых всего мира, отсюда уникальное явление «сетевой модерности» – мировая наука. Важную роль в сплочении научного сообщества играет язык межнационального общения, обеспечивающий полилог ученых различных стран. Ведь следуя «гипотезе лингвистической относительности» и «доктрине лингвистического детерминизма» можно утверждать, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают и постигают окружающий мир, и разница в языке становится причиной отличий в протекании когнитивных процессов. Это еще раз убеждает в том, что в постижении многомерности и изменчивости мира, в поиске концептуальных оснований, позволяющих хотя бы приблизиться к инструментальному подходу в решении насущных проблем человеческой цивилизации, необходима языковая унификация, роль которой признанно выполняет английский язык.

Тем не менее, для успешного развития науки надлежит не только соответствовать объективным общемировым тенденциям, но и особенностям, ценностям смыслов национальной культуры. Ведь «единственное, что не сулит никаких перспектив – это нежелание работать над осознанием собственной миссии, собственного культурного своеобразия в области науки, ибо это обрекает нас на бесконечную и беспросветную подражательность, вторичность по отношению к тем образам национальной науки, которые будут созданы кем-то, причем не ради обеспечения наших интересов» [9]. Поэтому не надо забывать, что важную роль в консолидации России играет русский язык и «...отказ от него в науке, тотальный переход на английский язык является губительным не только для гуманитарной науки, но и для дальнейшего развития российского общества и государственности...» [2]. Вот почему при всей интернациональности современной науки сохранение национальной самобытности и плюрализма интеллектуальных дискурсов идет на пользу национальной, и мировой науке.

Вернемся к положению о том, что амбициозные цели долгосрочного развития, выдвинутые российской политической элитой по закреплению геополитической роли страны как одного из глобальных лидеров, заставили осознать, что единственным возможным способом достижения

этой цели является сциентификация общества. Тем самым была признана системообразующая роль института науки, трактуемой как необходимость консолидации различных социальных, национальных, политических сегментов.

Однако можно констатировать, что до настоящего времени единой логически непротиворечивой концепции роли науки в современном отечественном социуме пока не выработано, скорее, можно наблюдать разноречивые усилия, «выстроенные в экономикоцентричной парадигме, ранее продемонстрировавшей свою ограниченность» [2]. Это доказывают следующие факты:

- Россия занимает 34 место по объему госфинансирования науки.
- Рост расходов государства на науку, хотя и имеет место, остается незначительным: если в 2000 г. он составлял 0,11 % ВВП, то в 2012 г. – 0,14% ВВП, что существенно меньше соответствующих данных, характеризующих страны, лидирующие по объему расходов на науку в развитых экономиках по данному показателю (Финляндия 3,9% ВВП, Корея 3,6% ВВП, Япония 3,3% ВВП, США 2,3% ВВП).
- Расходы США на НИОКР — 31%; ЕС – 24%, КНР – 14%, Россия – менее 2%.
- Государственная поддержка университетской науки в РФ ничтожно мала [2].

Тем самым, «экономикоцентричная парадигма» негативно отражается на формировании сложного организма «большой науки», не стимулируя развития исследований, которые характерны для современной эпохи. Особенность современного парадигмального сдвига в науке представлена трансформацией наших представлений о реальности как процесс-системы. Объектом познания становятся сложные саморазвивающиеся системы, включающие человека, так называемые человекоразмерные объекты. В этом проявляется взаимопроникающее единство природного и человеческого мира. Это предполагает, что при сохранении дисциплинарного устройства науки она все больше трансформируется к междисциплинарным программам и трансдисциплинарным исследованиям, сближая позиции социально-гуманитарных и естественных наук в построении общенаучной картины мира.

Между тем, в реальности российской науки как социального института прослеживается явное иерархическое ранжирование на «беспольных» гуманитариев, познающих «выразительное и говорящее бытие» [1, 227-228] и первенствующих представителей естественно-технических наук, которые ориентированы на решение прикладных задач.

Витающая в воздухе идея о ликвидации гуманитарного сектора РАН и изданный Указ Президента РФ от 07.07.2011 №899, не имеющий в списке приоритетных направлений развития науки и технологий ни философских, ни вообще никаких социально-гуманитарных наук, только доказывают данное положение вещей. «Между тем, именно эта сфера в институциональном плане несет ответственность за сохранение цивилизационной идентичности социума, за несводимость общества к населению, за разработку национальных стратегий и обеспечение экономической безопасности, да и самопознание общества в целом – сфера ответственности гуманитарного знания» [2].

Если обратиться к генезису социально-гуманитарных наук, то их «ростки» как автономного, самостоятельного целого выделились из единого научного знания позднее, чем естественные дисциплины. Пришлось проделать тернистый путь, чтобы доказать свою способность соответствовать критериям научности, которые были утверждены методологией естествознания.

Безусловно, естественные науки и новейшие технологии открывают новые горизонты, и колоссально расширяют возможности человека в создании искусственной жизни и разума, но в то же время, тем самым они проблематизируют многие сюжеты и ставят человечество перед не существовавшими раньше рисками и угрозами. Ведь и в технологичном XXI в. остается главным традиционный комплекс гуманистических проблем сущности и смысла жизни, назначения человека, его места и роли в окружающем мире, взаимоотношения его духовных и материальных устремлений и возможностей, а не задача превратить человека в технологический артефакт. И если технологическое использование науки связано с экономической и социально-политической выживаемостью страны, то развитие гуманитарных исследований имеет непосредственное отношение к самореализации человека и культуры, к созданию новой техноонтологии.

Нами были обозначены лишь некоторые «болевы точки» современной отечественной науки, но за всеми из них стоят, прежде всего, ученые с их знаниями, опытом, квалификацией, ведь именно они ведущие фигуры науки. Поэтому из всего проблемного поля российской науки в настоящее время главной остается одна: сохранить живых людей с их одержимостью в устремлении к новому – «авторов, грантополучателей, будущих лидеров рейтингов, мотивированных ученых» [2].

Библиографический список:

1. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук.// С-Петербург.- «Азбука». – 2000. – С. 227-228.
2. Круглый стол «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. – 2014. – №8. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 25.09.2015).
3. Лекторский В.А. Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. – 2015. – №5. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
4. Можно ли измерять научное творчество? Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. – 2014. – №4. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
5. Наука. Технологии. Человек. Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. – 2015. – №9. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 29.10.2015).
6. Олейник А.Н. К институциональной теории науки // Общественные науки и современность. – 2014. – №1. – С.29-35. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/38971715> (дата обращения 20.09.2015).
7. Пружинин Б.И. О том, что мерить нельзя... // Вопросы философии. – 2014. – №4. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
8. Труфанова Е.О., Яковлева А.Ф. Социальные роли ученого от «эскаписта» до «менеджера» // Вопросы философии. – 2015. – №3. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 30.09.2015).
9. Федотова В.Г. Академическая и (или) постакадемическая наука? // Вопросы философии. – 2014. – №8. – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=category§ionid=9&id=23&Itemid=44 (дата обращения 15.10.2015).
10. Чернозуб С.П. К новому концепту национальной науки // Общественные науки и современность. – 2011. – №6. – С.132-142. – Режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/38971715> (дата обращения 10.10.2015).

Korol M.P. Present of the Russian science: difficulties of self-determination or "balance on the verge of a survival"

The question of science as social institute in the context of the Russian society where the great value gets process of the optimum organization of management of science and its advances is considered. The author does attempt to designate the sharpest problems for scientific community: introduction of scientometric indicators, the requirement of the publication in the magazines indexed in Web of Science and Scopus, provision of the social humanities.

Key words: science as social institute, scientific creativity, scientometric indicators of efficiency, Web of Science and Scopus, interdisciplinarity, transdisciplinarity, social humanities.

УДК 122.129

С.К. Становкин

Философия образования: проблемы реформирования российской высшей школы

Аннотация:

Статья посвящена анализу содержания, функций, роли, особенностей, актуальных проблем и оптимальных путей реформирования системы отечественного высшего образования. На основе данных проведенного автором социологического исследования выявлены некоторые конкретные причины, а также факторы, оказывающие соответственно негативное и позитивное воздействие на совершенствование, качество и эффективность профессиональной подготовки выпускников высшей школы.

Ключевые слова: высшее образование, студенты, преподаватели, бюрократизация, Болонский процесс, образовательные услуги, проблемы реформирования.

Об авторе: Становкин Серафим Кузьмич, кандидат философских наук, филиал «Протвино» государственного университета «Дубна», доцент кафедры социальных и гуманитарных наук; эл. почта: secretary@uni-protvino.ru.

Происходящие на современном этапе глубокие и динамичные процессы во всех сферах общественной жизни не только России, но и глобального пространства предъявляют принципиально новые социально-экономические, научно-технические, информационно-коммуникативные, духовно-нравственные, культурологические требования к отечественному образованию, повышая его стратегическое и приоритетное значение. Это обуславливает необходимость реформирования, усиления гибкости всей системы образования, совершенствования образовательной политики, стратегии и тактики деятельности, поиска и использования адекватных нынешним тенденциям и будущим вызовам путей, форм, методов, средств. Ведь, кто не хочет применять новые средства, предостерегал английский философ, политический деятель Френсис Бэкон, должен ждать новых бед.

Образование – понятие многоаспектное и многосмысловое. Являясь важнейшим социальным институтом, оно выступает одним из главных факторов подготовки и включения в жизнь общества новых поколений. Выступая целенаправленным процессом обучения и воспитания, оно создает определенные предпосылки развития человека (путем усвоения знаний как адаптированного социального опыта), его умений и навыков деятельности, ценностных установок. Оно становится условием и средством прогресса общества, будучи направленным на реализацию его интересов и потребностей. В то же время образование, реально обладая в известной мере степенью автономности, способно к саморазвитию, функционируя в качестве своеобразного организма (в живом, подверженном изменениям и не избавленном от коллизий обществе). Взаимосвязь же между образованием, обществом и человеком обуславливает необходимость разумного подхода к реформированию российской высшей школы на основе соединения лучших отечественных образовательных традиций с новейшими технологиями, обеспечением непрерывного образования, и его соответствия новым социально-экономическим преобразованиям, тенденциям мирового развития. Сегодня невозможно однократно подготовить человека к профессиональной деятельности на всю жизнь.

Реформы призваны оптимизировать взаимоотношения между различными субъектами по поводу изменений, нововведений в образовании. Для прорыва России к достойному будущему необходимо тесное взаимодействие, общества, образования и науки, бизнеса, граждан и государственной власти в их связанных интересах. Выступая в качестве социального блага, образование служит накоплению человеческого капитала, производит продукт, не только

обладающий самостоятельной ценностью для его потребителей, но и представляет собой своеобразные инвестиции, способные аккумулироваться и приносить социально-экономическую и духовно-культурную отдачу.

Осуществляемые в стране радикальные изменения в экономике и политической сфере обуславливают необходимость критического анализа функционирования социальных институтов и, прежде всего, института образования применительно к реалиям современной России. Тем более, что происходящие вследствие реформ в отечественном образовании перемены общественностью оцениваются как катастрофические. Традиционно основным мотивом получения высшего образования была практическая потребность в приобретении необходимых знаний, навыков. Повышение же профессионального статуса, карьерное продвижение становились органично связанным сопутствующим итогом.

Рыночные механизмы, применяемые сегодня и в системе образования, когда оно становится сферой услуг, приводят к разительным переменам в индивидуальной мотивации студентов. Столкнувшись со значительно возросшим предложением выпускников вузов на рынке труда, работодатели активно используют наличие диплома о высшем образовании в качестве фильтра при приеме на работу. Нередко студенты при недостаточном уровне доходов (семейных и собственных), выбирают более дешевое образование, менее качественное на рынке услуг. При этом работодатели жалуются на недостаточный уровень профессиональной подготовки специалистов, а представители образовательных учреждений отмечают отсутствие конкретного и внятного заказа в отношении профилей и содержания подготовки выпускников вузов. Возникающие же время от времени всполохи инновационной риторики не реализуются на практике, служат лишь словесным прикрытием.

А ведь ценность российского образования «обретается на пересечении двух векторов: глобального образовательного пространства и историко-культурного пласта традиций и образцов» [1, 274]. Оно выполняет важнейшие функции: социализации; передачи культурных ценностей; подготовки обладающих необходимыми навыками, знаниями работников и формирования социально-профессиональной структуры общества [1, 258-259].

И сегодня образование направлено на возрождение величия страны, обеспечение ее устойчивого развития. Совершенствование образовательных программ и их реализация, усиление требований со стороны общества, государства, работодателей, интенсивнее обновление информации приводит к ситуации, когда образование приобретает роль адаптационного механизма, стратификационного канала. Их роль – помочь выпускнику стать в современном мире эффективным, мобильным, креативным, всесторонне развитым, конкурентно способным специалистом с высоким социально-профессиональным статусом, умеющим ориентироваться и принимать самостоятельно ответственные решения в условиях новых реалий неопределенности.

Высшие учебные заведения стали более оперативно и четко реагировать на усиление конкуренции, обеспечивать большую прозрачность и открытость в своей деятельности, расширять и совершенствовать образовательные услуги, открывать новые специальности, перенимать лучшие европейские стандарты качества, соответствующие уровню лучших университетов, использовать единые системы показателей, позволяющих сравнивать работу учебных заведений на различных уровнях, создавать хорошую репутацию учебных заведений.

В их практике нарастает тенденция создания и функционирования различных образовательных учреждений, государственных, общественных, частных, с разнообразными образовательными возможностями, множеством выборов форм и путей для непрерывного образования. Быстрое развитие IT-технологий, наличие персональных компьютеров, дистанционное обучение, новые формы и модели учебно-педагогической деятельности в значительной мере расширили возможности общения преподавателя с каждым конкретным студентом и образовательного процесса в целом.

Изменились традиционные требования к базовым знаниям и навыкам обучающихся в связи с переходом от выпуска знающего к выпуску умеющего, творческого специалиста. Образовательные системы «перешагивают» государственные границы, создавая мировое образовательное пространство. Как известно, с сентября 2003 года Россия стала участницей Болонского процесса, что предполагает реформирование в европейских странах высшего

образования, сближение их, правда, с одновременным сохранением фундаментальных национальных ценностей и традиций. Получило массовое распространение использование зарубежной литературы, стажировок в других странах и их опыта. Усиление интеграционных процессов в образовательной сфере, разработка новых образовательных стандартов, основанных на концепции компетентностного подхода, способствуют развитию человеческого потенциала, более успешной социализации молодежи, созданию интеллектуальной элиты, являющейся неотъемлемой составляющей высших национальных и культурных ценностей и достижений страны.

Как показывают результаты авторского социологического исследования среди студентов старших курсов филиала «Протвино» государственного университета «Дубна», в современных условиях актуализировалась мотивация к обучению, связанная с возможностью стать образованным человеком, самостоятельно добиться жизненного успеха, профессиональной карьеры – на это указали 88% из числа анкетированных. Немаловажное значение при оценке эффективности качества образования имеет удовлетворенность более чем четырех из каждых пяти респондентов процессом получения знаний и их качеством, методами и формами их подачи и усвоения, компьютерным обеспечением учебного процесса, организацией научной работы.

Позитивную роль играют методологические семинары преподавателей с участием видных ученых, крупных руководителей, ведущих специалистов; научно-практические студенческие конференции; реферативные сообщения на заседаниях кафедры по отдельным научно-исследовательским направлениям, статьям в научных журналах; проведение опросов студенческого коллектива по проблемам организации учебного процесса, социально-бытового обслуживания; публикации на страницах местной печати; проведение профориентационной, аналитико-исследовательской работы среди школьников; их участие в университетских мероприятиях, и, наоборот, деятельность преподавателей в качестве руководителей секций, экспертов на школьных олимпиадах, конференциях, конкурсах; проведение Дней открытых дверей; поддержание и развитие лучших университетских традиций.

Две трети из числа опрошенных считают, что образование значительно расширяет представление о профессиональной деятельности, диапазон свободы действий, творчества, возможностей раскрытия личностного потенциала в профессиональной и общественной жизни. Примерно такая же часть студентов полагают, что для профессионального становления, карьерного роста необходимы: работоспособность, ответственность, целеустремленность, высокий уровень знаний, профессионализм, готовность к переменам. Формированию позитивного имиджа университета способствует то, что в наукограде Протвино большинство преподавателей имеют богатый практический опыт научно-педагогической работы. Филиал университета реализует десятки научно-исследовательских договоров и программ, интегрирующих профильные образовательные дисциплины с реальным производством, расширяет и далее деловое и творческое сотрудничество с рядом предприятий, организаций. Часть выпускников продолжают свое образование в аспирантуре, защищают диссертации. Более 80% выпускников университета работают по специальности: около половины из них – в Московской области, в сфере науки, образования, высоких технологий.

В то же время вузы в условиях становления рыночных отношений и модернизации общества все в большей степени оказываются связаны с рынком образовательных услуг, выполняя тем самым сервисную функцию, превращающую преподавателей в своеобразных продавцов, а учащихся, студентов – в покупателей. Образование, таким образом, становится одной из сфер рыночной экономики с ее рыночными законами, главный из которых – получение максимальной прибыли при минимальных затратах. Это оказывает негативное воздействие на воспитательный потенциал, формирование личности и, прежде всего, на профессиональные компетенции специалиста: подчас общегуманитарные, культурные и даже нравственные качества рассматриваются как излишний «довесок» к образовательным программам, увеличивающий стоимость выпускника. Поиск же денег на учебу является одной из насущных проблем в ряде случаев до 40-50% обучаемых. Рост платного образования и, фактически, свертывание бесплатного массового образования есть ни что иное, как форма укоренения в России не оправдывающей себя элитарной системы образования, закрытой для многих выходцев из нижних слоев населения, ограничивающей равенство стартовых возможностей

молодежи, а это противоречит демократическим принципам и ограничивает приток в элиту способных людей.

Дистанционное обучение и некоторые инновационные методы лишь частично удовлетворяют потребности в информации, но не всегда в состоянии обеспечить фундаментальный базовый уровень знаний. Существует и проблема разрыва между уровнем школьной подготовки и требованиями к знаниям на последующих испытаниях в ВУЗах. У отдельных студентов – низкая мотивация к учебе, склонность к ее имитации, отсутствие необходимых умений, учебных навыков, различия в ценностях и установках. Так, по мнению анкетированных в процессе обучения мобилизуют себя и реализуют свой личностный потенциал примерно до 100% - лишь каждый десятый, до 75% - каждые шесть студентов из десяти, до 50% - каждый пятый. Мотивами обучения для 12% из числа опрошенных стали требования родителей, уклонение от службы в армии. Для своего профессионального становления 25% респондентов, считают, необходимы хорошие связи с нужными, влиятельными людьми, 10% - расчетливость, хитрость. Заметной проблемой в сфере образования становятся псевдообразование, противоправная практика, фальсификация образовательных документов и т. п. По некоторым данным Россия лидирует по числу людей, имеющих дипломы о высшем образовании, не заработанные честной учебой. По неофициальным оценкам экспертов 25% российских дипломов – фальшивые [7]. Бумажный вал, захлестывающей школы и ВУЗы, фактически лишает преподавателей времени на полноценную профессиональную подготовку.

Бесконечные и радикальные преобразования в образовательной сфере, да еще и с инокультурным содержанием, гипертрофированной бюрократизацией, сокращением финансирования в реальном исчислении – могут пагубно сказаться на обеспечении социальной стабильности, национальной безопасности государства, общественном развитии.

Рост надзорных, контрольных функций; обновление и корректировка образовательных стандартов; подчас трудноуловимые на практике с определенной долей вероятностного подхода и фантазии прогнозируемые многообразные общепрофессиональные и общекультурные компетенции, предположительно формируемые в результате использования образовательных технологий и освоения отдельных разделов учебных дисциплин; небесспорные фиксируемые нормы часов для самостоятельной работы студентов с различным уровнем базовой подготовки, одаренности, мотивации, посещаемости занятий и т.п. порождают формализм, бумажное и другое творчество, отдаляют преподавателя от живой индивидуальной работы с конкретными студентами, качественной педагогической и научной деятельности.

Преподаватели незаметно стали оформителями непрерывно подвергающихся корректировкам, дополнениям документов, не всегда оказывающих существенное влияние на совершенствование, повышение качества и эффективности самого образовательного процесса. При этом они не получают должной методической помощи со стороны вышестоящих инстанций, откуда могли бы на основе обобщения лучшего опыта поступать не только задания, но и соответствующие аналитические материалы, рекомендации, советы, пожелания.

Из-за трудностей набора студентов, боязни потерять «подушечные» деньги в высшее учебное заведение принимаются абитуриенты с низкими балами ЕГЭ, а затем удерживаются в качестве студентов лица, не всегда способные учиться с тем, чтобы получить диплом, подтверждающий действительно высшее образование. Среди выпускников появились и такие кто, имея высшее образование, не обладают соответствующим интеллектуальным потенциалом и общей культурой.

Выбор вида профессионального образования накануне окончания школы нередко бывает продиктован лишь близостью учебного заведения к месту жительства, примером друзей, советами знакомых. В нашем случае именно на это указали две трети респондентов. Рекомендации школы, психологов, роль кабинетов профориентации назвали в качестве факторов выбора профессии лишь около 15% из числа опрошенных нами учащихся. К тому же, решение о поступлении конкретно в наш университет сформировалось примерно у каждого третьего анкетированного студента накануне – менее чем за месяц.

Попутно отметим, что около половины из числа анкетированных выпускников школ не удовлетворены знанием отдельных предметов, так как считали их не особо важными в дальнейшей

жизни, не имели способности для их изучения, и вообще, не были заинтересованы в обучении. И, тем не менее, они стали студентами высших учебных заведений.

Вызывает сомнения и новый принцип финансирования в зависимости от количества учеников, который особенно пагубно сказывается на судьбе школ, развитии культуры жителей села. Парадоксально – в условиях становления информационного общества, массовой «компьютеризации», увеличения числа получивших образование и профессиональную подготовку наблюдается распространение особого вида неграмотности и некомпетентности: функциональной неграмотности. За ней скрываются полужнание, поверхностное, либо недостоверное, ложное знание, наличие у молодых людей своеобразного незаконченного высшего образования без среднего. Некоторые из них не способны вообще к обучению, не могут четко и ясно излагать мысль, тем более ее аргументировать, воспринимать лекционный материал, воспроизводить хотя бы в общем виде прочитанное или написанное, удерживать в памяти два-три лекторских слова. Преподаватели вынуждены порой трансформировать лекции в своеобразные диктанты. Встречаются даже в студенческой среде лица, успевшие забыть таблицу умножения, простейшие физические законы. Сегодняшний отличник не всегда дотягивает до «хорошиста» 70-80-х годов.

Функциональная неграмотность обусловлена недостаточным вниманием к проблемам понимания, практического отношения к усвояемой информации, снижением требований к профессиональным качествам будущих специалистов, отсутствием подчас критического взыскательного отношения к себе, высоких нравственных идеалов.

Малообразованность, недостаточная квалификация сдерживают повышение собственного статуса, ограничивают претензии на социальный престиж, позволяют легче мириться с недостатками, оправдывать упущения в профессиональной деятельности. Все это формирует социальную апатию, негативно сказывается на развитии экономики, общества в целом, сдерживает возможности России в реализации модели «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном.

Отдельные студенты не готовы к продуктивной интеллектуальной деятельности. Заимствуя оперативно из огромного массива Интернета тексты, они не в состоянии подвергать их обычному анализу и использовать в профессиональной деятельности и обычной жизни (к примеру, при заполнении простейших документов) в целях собственного развития. Зачастую неграмотность, убогость мысли маскируется специфической терминологией, сленгом, маловразумительной речью. При этом создается иллюзия, будто бы получаемая путем нажатия кнопок компьютера информация автоматически аккумулируется в сознании обучаемого. Во многом подобная ситуация детерминирована реформаторской концепцией воспроизводства «человека потребляющего» вместо создания «человека-творца», умеющего не копировать даже эталонные, кажущиеся сегодня безупречными, образцы, а брать инновационный дух, нестандартные подходы, принципы.

Нельзя не отметить и социально-экономические, гендерные факторы, влияющие на карьерную траекторию, профессиональную судьбу выпускников школ. Так, по нашим наблюдениям медалисты - девушки составляют порядка двух третей из общего числа удостоенных этой награды, юноши - одну треть. В дальнейшем же среди руководителей разного уровня (в том числе и высшего эшелона), элиты, топ - менеджеров, «состоявшихся людей» это соотношение меняется в пользу лиц мужского пола. Получается, правят на различных уровнях далеко не отличники, нередко троечники, не всегда проявлявшие в школьные годы рвение к учебе, о чем беззастенчиво и громогласно еще и заявляют на экранах телевизора.

Кстати, свертывание воспитательного процесса в стенах высшей школы как своеобразной корпорации по оказанию платных услуг, сопровождается небывалым по силе и массовости целенаправленным воздействием телевидения на формирование, как некоторым кажется, соответствующих рыночной среде (с философией: «Деньги – главная ценность») качеств. Телевидение, реклама, Интернет все больше становятся главными воспитателями масс, молодежи, составляющей более 20% от общей численности населения. Одна неосторожная фраза, произнесенная на телевидении, способна обесценить, нейтрализовать воспитательное воздействие педагогов, преподавателей. Ведь, как отмечал А.И. Герцен, трудно переубедить предубежденного. К тому же, телевидение создает в сознании аудитории иную реальность, разительно отличающуюся

от действительности, формирует при том же толерантном отношении, пропагандируемом плюрализме далекий от самобытного национального типа деградирующий вариант культуры.

Здесь, хотя формально и провозглашается свобода духовной жизни, тем не менее, резко сужаются возможности доступа населения к учреждениям и сфере культуры (театрам, выставочным залам, музеям, эстрадным концертам, выступлениям деятелей и мастеров искусства). Происходит обеднение инфраструктуры культуры и структуры досуга россиян и, в частности, студенчества. За годы реформ в стране число доступных библиотек снизилось с 62 000 до 49 000, как минимум в 2 раза уменьшилось количество книготорговых точек. Наблюдается также оскудение печатного ассортимента в целом, библиотечных книжных фондов.

В современном российском обществе становится заметным и снижение ценности чтения, факты «бескнижного» формирования культуры молодого человека. Как показали результаты нашего исследования, 60% из числа анкетированных студентов, хотя и посещают библиотеку, но с ограниченными запросами, связанными в основном с учебной. За последний месяц одна треть - не прочла ни одной художественной книги, более половины - никогда не были участниками читательских конференций, хотя и желали бы побывать на встречах с писателями. Лишь каждый девятый из десяти опрошенных проявляет интерес к произведениям русской классической литературы; четверо из каждых пяти отметили, что художественные произведения не повлияли на формирование нравственного стержня. Одна четверть респондентов отметила, что среди прочитанных ими художественных книг есть такие, которые способствовали формированию таких принципов и ценностных ориентаций: «жить нужно сегодняшним днем», главное – наслаждаться каждый день, независимо от обстоятельств и т.п. Приоритетным для студентов становится гедонизм, который все больше уступает альтруизму. Наблюдаются ограниченность духовных запросов, интересов индивидуальный характер в проведении студентами свободного времени, распространение, а в ряде случаев и преобладание в их досуге пассивных форм.

Как известно образование должно осуществляться в органичном единстве обучения и воспитания. Обучение без воспитания не может быть эффективным. Заложенная в основе образования человекоцентрическая модель образовательно – воспитательного процесса способствует личностно-ориентированному обучению, получению индивидом знаний не только по предметам специальности, но и социально – гуманитарных знаний. Именно такой подход, как показывает практика, способствует успешной профессиональной карьере, индивидуальной и социальной мобильности, воспитанию добропорядочных, компетентных граждан с активной жизненной и нравственной позицией, высокой ответственностью за настоящее и будущее страны.

Эффективность воспитательной работы в вузе во многом зависит: от теоретико-методологического и методического обеспечения; нормативной базы, регламентирующей деятельность воспитательной работы со студентами, направленной на формирование у обучаемых соответствующих компетенций, культурных и нравственных ценностей. Немаловажную роль играют также создание и использование воспитывающей среды, включающей деятельность преподавательского состава, кураторов и всего персонала учебного заведения, органов студенческого самоуправления, различных клубов, объединений, творческих, художественных, спортивных коллективов.

Совершенствованию и повышению эффективности образования в целом могли бы способствовать осуществление инвентаризации силами разумного большинства общества достижений и упущений в образовательной сфере, отказ от неоправдавших себя решений и действий. Требуется специальная проработка дебиюрократизация, ограничение процедур контроля и надзора, оптимизация числа показателей отчетности. Большого внимания заслуживает развитие педагогики сотрудничества, поддержание корпоративного духа университета, его деловых, творческих связей с выпускниками.

Немаловажным является замена жесткой иерархической вертикальной структуры, «административного насилия», гибкой горизонтальной структурой. Улучшение имиджа учебных заведений во многом зависят от участия в общественной жизни региона; создания площадок для апробации и популяризации идей научно-образовательного сообщества, использования СМИ, проведение конференций, симпозиумов с привлечением знаковых персон. Залогом успешного реформирования является также следование лучшим традициям российской интеллигенции

использование разумного прагматизма, устранение неоправданной коммерциализации, повышение ответственности, личного участия, развитие подвижничества профессорско-преподавательского состава, волонтерского движения студенчества.

Библиографический список

1. Багдасарьян, Н.Г. Социология: учебник / Н.Г. Багдасарьян, М.А. Козлова, Н.Р. Шушанян; под ред. Н.Г. Багдасарьян. — М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2010.— С. 250 — 274.
2. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы/Под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. — М.:ЦСПиМ, 2010. — 352с.
3. Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Том III. — Новосибирск: Паралель, 2009. — 496с.
4. Скибицкий, М.М. Вызовы глобализации и оптимизация образования в современной России// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2014, № 3. — С. 4 — 13.
5. Соболева, И.В. Социальные и экономические аспекты реформирования образования// Вестник ИЭ РАН. — 2015. — № 4. — С. 103 — 117.
6. Становкин, С.К. о методологических и практических аспектах обеспечения единства образования и воспитания студентов// Сборник трудов VIII Международной научно-практической конференции, «Информационные и коммуникационные технологии в образовании, науке и производстве» (23-27 июня 2014г), Протвино, Управление образования и науки Администрации г. Протвино, 2014.— С.201— 204.
7. Трушин, А. Фальшиводипломники// Огонек. 2015.— №19.— С.26 — 28.
8. Философия. Толерантность. Глобализация, Восток и Запад — диалог мировоззрений. Тезисы докладов VII Российского философского конгресса. Том III. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. — 384с.

Stanovkin S.K. Philosophy of education: challenges of reforming the Russian higher education

This article analyzes the content, functions, roles, features, topical problems and how best to reform the system of national higher education. Based on the data conducted by the author the sociological study revealed some specific reasons, as well as the factors, having respectively a negative and positive impact on improving the quality and efficiency of vocational training of graduates of higher schools.

Keywords: higher education, students, teachers, bureaucratization, the Bologna process, educational services, problem of reforming.

УДК 336.01

Х.Х. Валиуллин
Пространство и время монетарного бытия

Аннотация:

Деньги являются универсальным изобретением человечества, постоянно трансформирующим все пространственно-временные характеристики материального и духовного существования их творца. Эволюция монетарной системы неизбежно порождает как неограниченные возможности, так и непредсказуемые риски для всех индивидов и стран в их повседневной активности. Сейчас наиболее важными для нашего монетарного будущего представляются цифровые деньги и криптовалюты.

Ключевые слова: время, деньги, дериватив, монетарная экономика, пространство.

Об авторе: Валиуллин Хасан Хафизович, доктор экономических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры экономики; эл. почта: hasan_val@mail.ru.

Предисловие

*- Не знаю, ... и Вам не советую,
потому что время - деньги, и время - пространство.
А Вы -... паразит. И живёте, небось, по Гринвичу!*
В. Высоцкий. Дельфины и психи.

С позиций исторического детерминизма можно допустить, что для предвидения будущей судьбы института денег нужно иметь достаточно объективное представление, каким было их прошлое. И чтобы знать, куда и когда дойдут в своём развитии деньги, требуется, соответственно, знать, откуда и когда они пришли в нашу современность. Есть веские основания утверждать, что в обозримой ныне ретроспективе человечеству удавалось (посчастливилось?) наглядно демонстрировать, что оно могло успешно эволюционировать без использования каких бы то ни было денежных аналогов. Причем, как в хозяйственной, так и в социальной жизни.

Примитивная домонетарная (протомонетарная) эпоха человечества пока изучена недостаточно глубоко, тем временем как определённая (хотя и ничтожно малая) часть жителей планеты Земля продолжают благополучно пребывать в ней. Примитивные деньги по сути своей являлись персонифицированными и более того - выступали неким специфическим прототипом современной ценной бумаги как в качестве платёжного средства, так и в качестве фондовой ценности. Как отмечал Марсель Мосс (Mauss) «... цена растёт и снижается вместе с числом и величиной передач, в которых они [стоимости] были использованы» [10, 118]. Их капитализация происходит не в линейном непрерывном времени, а в событийном, дискретном времени.

Эволюционируют деньги (как инструмент и институт) одновременно и в пространственном, и во временном контексте. Монетарный 'ландшафт' человеческой деятельности (и бытия в целом) всё более расширяется в географическом и отраслевом измерении [5]. При этом традиционная трактовка монетарной экономики (*monetary economy*) как экономики, не предполагающей присутствие элементов натурального хозяйства и бартерных отношений, требует, по мнению автора, некоторой корректировки, учитывающей дрейф пространственно-временной парадигмы экономического мироздания на фоне, в частности, революций в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Аналогично тому, как каноны квантовой физики отличаются от канонов классической, так и монетарной экономике присущи свои закономерности, эффекты и экстерналии, своя пространственно-временная специфика функционирования, свой пространственно-временной паттерн самореализации, принципиально отличающиеся от тех, которые характерны для экономики без денег.

Таковыми в настоящее время представляются общие черты концепции т. н. *новой нормальности* (*the New Normal*) применительно к монетарному бытию.

Свойства пространства-времени монетарной экономики

С методологических позиций философии и физики пространство и время нераздельны в своём объективном проявлении, в силу чего при рассмотрении специфических особенностей пространства и времени экономики монетарного типа целесообразным видится, во-первых, объединение последних в одно нераздельное пространство-время существования монетарной экономики, а во-вторых, проведение параллельного перекрёстного анализа основных свойств этого гипотетического гиперпространства. В числе последних в рамках данной статьи ограничимся описанием таких его по-своему взаимодополняющих друг друга бинарных свойств, как протяженность и растяжимость, асимметричность и анизотропность, а также неравномерность и цикличность.

Протяженность и растяжимость

*Мир вытянулся и растянулся и вновь сократился,
наподобие аккордеона во власти садистской руки.
Блэз Сандрар, Телеграфная линия.*

Экзистенциально относимое одновременно к природным (естественным) и антропогенным (искусственным) феноменам, экономическое пространство обладает свойствами как физического, так и социального (метафизического) мира. И в том и другом случае ему свойственна определённая протяжённость и растяжимость, мера которых не всегда является линейной функцией от силы воздействия на него внутренних и внешних сил. На уровень 'гуттаперчивости' экономического пространства влияет природа объектов и субъектов и явлений, материально присутствующих или хозяйствующих в нём. В монетарном аспекте это влияние может усиливаться или уменьшаться в зависимости от степени монетизации протекающих в нём меновых и иных транзакционных процессов, от таких индикаторов монетарного мира, как денежные агрегаты (в т. ч. денежная масса и база), показатель монетизации экономики (отношение величины денежного агрегата М2 к объёму ВВП), обменные кросс-курсы свободно конвертируемых валют (СКВ) мира, валютные режимы и ограничения и т. д.

С материалистических позиций свойство пространственной протяженности атрибутивно для всех объектов, эмпирически идентифицируемым как пространственные. Все экономически активные и значимые объекты и субъекты в своём взаимодействии конфигурируют соответствующее им экономическое пространство. Экономическое пространство можно, в частности, трактовать как пространство фактического и потенциального место(рас)положения (рядоположенности) экономически значимых объектов и субъектов, связей и отношений, структур и систем [6]. Экономическое пространство, а с ним и производное от него монетарное пространство, имеют собственные меры своей протяженности как в контексте реального метрического (физического, географического), так и виртуального параметрического (метафизического, гипотетического) своего проявления.

Монетарное пространство, как и порождающее его экономическое пространство, может быть редуцировано на монетарные (экономические) подпространства регионов, отраслей, организаций, фирм, предприятий, компаний, корпораций, сообществ, групп людей, семей и т. д.,

вплоть до отдельно взятого экономически активного человека.¹ Эти пространства корпоризируемы (инкорпоризируемы и декорпоризируемы), чему в заметной степени способствует ускоряющийся прогресс в сфере ИКТ.

Данный прогресс приводит к видоизменению самих денег и их последующему бегству из мира материального в виртуальный (сетевой) мир, который встречно стимулирует генезис новых денежных инструментов, а также создание новых технологий их выпуска (эмиссии) и последующей их многофункциональной реализации (хранения, обращения, конверсии и т. д.). На стыке этих миров вполне закономерно возникает острая конкуренция за деньги сотен миллионов потенциальных клиентов платёжных систем, приводящая к столкновению интересов крупнейших банков мира с глобальными ИТ-корпорациями типа *Apple* и *Google*.

Формируется новая платформа для товарно- и сервисно-денежных коммуникаций и монетарных транзакций в формате *online*, имеющих различные охват, уровни и скорости - B2B, B2C, P2P, P2B и т. д. Также актуализируется необходимость своевременной и адекватной реакции центральных банков стран и валютных зон как официальных эмитентов традиционных валют – соответственно национальных и зональных) на появление в параллельном обращении альтернативных валют [11], [16].²

В этих условиях меняются принципы утилизации (эксплуатации) экономического пространства, позволяющие достаточно быстро «выжать» из него огромные капиталы, концентрируемые в дальнейшем в руках малого круга лиц. Как пишет Наоми Кляйн: *«Наш мир становится деревней ... Это деревня, где живёт Билл Гейтс, копия состояния, уже достигшее 55 миллиардов долларов, тогда как треть работающих у него людей числятся на временной работе, а конкурентов либо инкорпоризируют в монолит Microsoft, либо просто выдавливают с рынка, включая собственные конкурирующие программы-аналоги в один пакет с очередной версией операционной системы»* [7].

Гипотетическим пределом процесса пространственного (ин)корпорирования в настоящее время выступает мировое экономическое пространство, объёмлющее всю мировую экономику, экономику планеты Земля. Что же касается метапланетарной (космической) экономики, то, действительно, на освоение космического пространства идут немалые суммы денег и немалое количество времени специалистов и работников соответствующей отрасли знаний (годовые бюджеты космических исследований ведущих держав мира достигают десятков миллиардов долларов), которые в ряде случаев окупаются через создание новых технологий, в т. ч., двойного или сугубо гражданского назначения.

Ситуация растущей экспансии монетарно сублимируемых и суммируемых активов, стимулов и технологий, наблюдаемая в современном экономическом пространстве потенциально кооперируемых и материально ориентированных субъектов хозяйствования может породить опасную ситуацию, когда потребительные и производственные интересы отдельно взятых (в т. ч. и аффилированных) субъектов могут в один прекрасный момент стать настолько несовпадающими или даже откровенно антагонистическими, что это сделает взаимоисключающим их совместное одновременное присутствие в отдельных рыночных нишах и сегментах данного пространства (если не во всём пространстве в целом). В итоге может произойти монополизация всех этих специализированных рынков, и даже более того - системная монополизация всей экономики на национальном или супранациональном (глобальном) уровнях.

Между тем, учитывая структурно-функциональную иерархичность корпорированных субъектов хозяйственной деятельности, можно ожидать внутрисубъектную конкуренцию за 'место

¹ Исходя из понятия деривативов, используемых для обозначения финансовых инструментов, функционально и структурно производных от других базовых физических и финансовых активов, мы можем осмелиться называть монетарное пространство деривативом, производным от экономического пространства, т. е. пространством-деривативом.

² Альтернативные деньги представляют собой спонтанно возникающие суррогатные деньги или эрзац-валюты и могут быть условно разделены на три их основных вида – региональные (типа швейцарских WIR (от *Wirtschaftsring-Genossenschaft* - хозяйственно-рыночный кооператив), британских LETS (*Local Exchange Trading Systems*), башкирских «шаймуратиков» и т. д.), виртуальные (сетевые, электронные, цифровые и т. п.) и брендовые (т. н. мили, бонусы и т. д.).

под солнцем'. Например, акционеры одной корпорации могут иметь различные взгляды на стратегическую, экономическую, финансовую и дивидендную политики своего акционерного общества, будучи вынуждены считаться с выбранной на общем собрании акционеров комбинацией вариантов соответствующих политик дальнейшего развития своей компании.¹ В данном случае выбор подобного варианта будет определяться структурой портфеля акций, наличием контрольного или блокирующего пакетов или т.н. 'золотой акции' у отдельных собственников компании, и частично - поведением миноритариев, общественности и т. д.

Т.о. мы наблюдаем случаи внутри- и межсубъектной конкуренции, степень остроты которой из них выше говорить представляется проблематичным (здесь можно провести аналогию с эволюционной теорией Дарвина, согласно которой внутривидовая борьба за существование в экологической нише острее и жестче, чем межвидовая).

Анизотропность и асимметричность

Если, таким образом, с присоединением шведских областей к России британский рынок для русского сырья расширился, то, с другой стороны, русский рынок для британских промышленных товаров сократился, в период господства теории торгового баланса такая особенность вряд ли могла говорить в пользу этой торговли.
К. Маркс, [9, гл.3].

Как потенциальный атрибут пространства монетарной экономики анизотропность отражает неравномерность уровня сопротивления экономической среды вдоль различных направлений экономической деятельности. Это свойство проявляется в неэквивалентности, асимметричности экспортных и импортных пошлин, различной стоимости и пропускной способности транспортно-логистических систем и магистралей в различных направлениях (в т. ч. встречных и по необходимости эквивиальных относительно своих дестинаций).² Исходное экономическое пространство уже само имеет географически, топографически (ландшафтно), исторически и политически (геополитически) предопределённые градиенты своей резистентности. Данные градиенты носят относительно устойчивый и регулируемый характер и подвержены воздействию факторов как макроэкономической, так и институциональной природы, как эндогенных, так и экзогенных [6, 27].

Одной из форм проявления свойства анизотропности можно признать *асимметричность информации*, которой владеют контрагенты, сталкивающиеся на простых (ярмарки, торговые центры) и высокоорганизованных (биржи) рынках товаров, работ, услуг, платёжных средств и фондовых ценностей с целью совершения определённых сделок в необходимом объёме, ассортименте и качественной кондиции. Принятие этими контрагентами окончательного решения о совершении подобных сделок осуществляется в условиях наличия у них непаритетного, асимметричного объёма и достоверности информации как о самих потребительских и прочих свойствах самих товаров и услуг, так и ожидаемой стабильности получаемых взамен платёжных единиц – денег и ценных бумаг (или прочих их производных инструментов – дериватов или деривативов). В случае же срочных сделок возникают дополнительные неопределённости (и сопутствующие им риски) поведения в дальнейшем самих участников форвардных и фьючерсных договоров.

¹ Возникновению несовпадающих у различных акционеров интересов в той или иной степени могут препятствовать принципы их лояльности акционерному обществу, предусмотренные формально и неформально культивируемыми в нём нормами корпоративной этики и внутреннего распорядка.

² Здесь речь может идти о периодически обновляемых правилах Инкотермс (Incoterms) - международных правилах торговли, подлежащих к соблюдению в т. ч. в части однообразного толкования во всем мире основополагающих торговых терминов государственными органами, юридическими компаниями и коммерсантами различных стран.

В частности, асимметричность обнаруживается в международной валютной сфере. Принятый в 1944 году и вступивший в силу в 1946 году Бреттон-Вудский золотодевизный (долларовый) стандарт первоначально представлялся относительно простой и надёжной мировой валютной системой, которая впоследствии всё-таки оказалась недостаточно стабильной в силу изначально заложенного в неё принципа валютной асимметрии.

Согласно автору теории оптимальных валютных зон, профессору Колумбийского университета Р. Манделлу, валютную систему можно рассматривать как *modus operandi* валютного порядка. Валютный порядок, предусматривающий прямую и фиксированную привязку к золоту валюты лишь одной страны (США) нельзя назвать симметричным по отношению к остальным странам, также имеющим собственные валюты и желающие *vis-a-vis*, а не через ‘посредничество’ вездесущего доллара ФРС, привязать их к золоту [8]. Подобная финансово-валютная асимметрия в эффективности национальных экономических политик отражает тот факт, что эмитент резервной валюты не несёт никакого бремени по финансированию собственного платёжного баланса и оказывает валютное давление на другие страны мира [3].

Неоднородность и цикличность

*... за благопристойной внешностью [монет и банкнот] скрываются силы,
способные перемолоть и индивидов, и нации
Англиетта, Орлеан [1, 11]*

Неоднородность монетарного пространства определяется многообразием денежных инструментов, неравномерно распределённых на территории стран и регионов, а также между организациями реального и финансового секторов экономики. Возникающие пространственные диспропорции, выражающиеся в различных уровнях централизации и концентрации монетарных активов, распределении инвестиций (как прямых, так и портфельных, как внутренних, так и зарубежных [15]) могут существенно снижать эффективность пространственной организации экономики, тем самым способствуя возникновению депрессивных регионов и сегментов экономики.

Подобные пространственные дисбалансы порождают не только экономические, но и социально-демографические риски, имеющие, к сожалению, более пролонгированные негативные последствия для страны в целом. Например, концентрация финансовых и банковских активов в столичном регионе приводит не только к появлению возможности у банков и других финансово активных субъектов спекулятивно осуществлять пространственный и временной валютный арбитраж, но и в конечном счете к депопуляции периферийных регионов страны. Другим не менее деструктивным эффектом обладает законодотворческая новация в форме программы монетизации льгот, которая в условиях усиления инфляционного фона в экономике приводит по сути своей к снятию государством с себя обязательств в области социального обеспечения поддержки отдельных категорий граждан-льготников.

Признаки цикличности или этапности в истории системной монетизации экономических отношений просматриваются, в частности, в сверхдлинных ‘волнах’ торговой активности вдоль трансевразийских торговых коридоров, нарративно идентифицируемых как Великие Шёлковые пути. Два тысячелетия назад из Римской империи в Китай везли преимущественно сухопутными маршрутами золото в качестве платежа за столь востребованный состоятельными римлянами шёлк и прочие экзотические в пределах *Pax Romāna* товары. Итоговые издержки по обеспечению безопасности многомесячной доставки золота на Восток были сопоставимы с издержками встречной караванной доставки приобретённых за это золото товаров на Запад.

К XV-XVI векам постепенное вытеснение из товарно-денежного оборота металлических денег бумажными, а позднее и ценными бумагами (в т.ч. векселями, чеками и т. п.) вкуче с заменой сухопутных маршрутов Шёлкового пути на водные делают торговлю Запада с Востоком намного быстротечнее, надёжнее, масштабнее и прибыльнее. А в сегодняшнюю эпоху ИКТ издержки и время трансферта безналичных и цифровых денег практически обнуляются, придавая торговым

магистралям вышезатронутое нами свойство анизотропии. Но и такой версии современных Шёлковых путей присущи свои специфичные риски, как в случае с запрещённым на определённом этапе онлайн-магазином *Silk Road*, платёжной единицей которой выступала криптовалюта биткойн [16].

Майкл Прайк и Джон Аллен рассматривают в своей статье основные каналы, посредством которых каждодневность втягивается в мир финансов, чему способствуют новые формы денег, а точнее - их производные, т. н. деривативы (*derivatives*) [14]. Растущее использование последних привело, в частности, к коллапсу Бреттон-Вудского соглашения и методам, посредством которых инновационные разработки в области финансового инжиниринга были использованы для преодоления неопределённостей с процентными ставками, курсовыми и ценовыми рисками, выросшими с начала 1970-х. Подобные риски существуют и сейчас, они были и остаются качественно различными и усиливаются на фоне растущей интеграции и глобализации финансовых рынков.

Ещё известный социолог Г. Зиммель в своей "Философии денег" отмечал, что способ и скорость взаимодействия таких рисков допускают появление новых форм денег, новую монетизацию пространства-времени (*new monetization of time-space*) [17]. На определённом этапе монетизации экономического бытия денежное хозяйство смогло, по выражению Зиммеля, 'превратить мир в арифметическую задачу' (поскольку оно «заполнило день такого множества людей взвешиванием, сосчитыванием, числовыми определениями, переводом качественных ценностей на количественные») [17].¹ На современном этапе в своей цифровой ипостаси деньги начинают, по мнению автора этих строк, становиться глобальной криптографической проблемой.

Да и сама денежная единица постепенно приобретает свойства некоего *информационного кванта*, несущего сведения не только об уровне ценности (потребительской полезности) тех или иных товаров, но и сведения об эмитенте этой единицы, её предыдущих собственниках и степени своей конвертируемости в те или иные активы. Обобщая вышесказанное и конкретизируя реалии настоящего монетарного времени мы можем констатировать своё брэнное и подконтрольное существование в оцифрованном и закодированном долларом ФРС материальном (и не только) мире.

С позиций многих апологетов популярной (среди представителей *par excellence* точных наук) междисциплинарной науки эконофизики, превосходящих «... возможность создания неуязвимой денежно-финансовой системы, избавленной от порока инфляции» и предлагающих использовать в качестве обеспечения денег энергетический аналог - мощность, измеряемую в ваттах (Вт). Действительно, уровень патриотизма в энергетической (углеводородной) сверхдержаве может быть пропорциональным уровню мировых цен на энергоносители, что позволяет поддаться обманчивой привлекательности идеи отождествления денег с энергией, поскольку для этого «... достаточно лишь установить в качестве обеспечения любой денежной единицы долю света. Например, если установить обеспечение копейки равным 1мВт, то обеспечение рубля окажется равным 100мВт, а десяти рублей - 1000мВт или 1Вт».² Тем более такой подход представляется панацеей от утечки капитала за рубеж: «В этой связи должно быть понятно, что всякие утверждения о вывозе денег из страны лишены какого-либо смысла, поскольку свет (как и тьму) никуда не вывезти».³

Заключение

¹ Ему вторит Ч. Диккенс в своих бессмертных "Посмертных записках Пиквикского клуба": «... счёт - самый необыкновенный локомотив, какой был изобретен человеческим гением. Он не переставая бежит в течение самой долгой человеческой жизни, никогда не останавливаясь по собственному почину».

² Кочубей С.Э. Бабломания (www.trinitas.ru/rus/doc/0012/001c/2071-kh.pdf). Здесь на основе составленного «словесного ряда» утверждается, что последний «... явил нам Истину, которая не может быть заложницей мнений и споров, а потому её свидетельство о светоносной сути денег особенно важно».

³ Ватт рекомендуется даже как инструмент некоего финансового экзорцизма: «Понятно, что предание забвению неизменно-вечных азов финансов не могло не породить финансового безумия, воплотившегося в дьявольском культе Золотого Тельца. С последним не спорят, а лечат посредством единой учётно-расчётной единицы – [Вт]». Что ж, заклинание от монетарного дьявола в студию: «Exorcizo te, immundissime spiritus,..... Amen.»!

Гедонизм - это не гуманизм, это cash-flow.
Фредерик Бегбедер [2, 20]

...мы имеем полное право воображать, что у нас есть 100 долларов,
но от этого в нашем кармане они, к сожалению, не появятся.
Джон Маккуари, богослов [12]

В пространстве монетарной экономики происходит закономерная глобализация финансовых рынков, борьба между централизацией и децентрализацией денежных и фондовых институтов и властей, конфронтация в формате валютных войн и (опять же на фоне ИКТ) исчезновение банков и бирж как физических площадок, их виртуализация. т. е. тот же разрыв между финансовым и реальным секторами экономики. Золото как универсальный гарант состоятельности товарно-денежных трансакций вытесняется т. н. *фиатными* (декретными, необеспеченными)¹ деньгами, которые позднее сменяются их электронно-цифровыми аналогами ('симулякрами'),² включая криптовалюты. Внутри самого финансового мира происходит экспансия его фиатной (или фидуциарной) сферы. Монетарный мир постепенно впадает в экономическое зыбкое 'фиатное пространство', тем самым вступая в эпоху неустойчивого 'фиатного времени'.

В контексте исторического времени прогресс института и инструментария денег происходит сообразно появлению у них новых функций, отвечающих вызовам постоянно эволюционирующей экономики. Можно выделить пять стадий (этапов, эпох, миров) функциональной самореализации денежного хозяйства - примитивную (*primitive money*), товарную (*commodity money*), счётную (*money of account*), государственную (*state money*) и виртуальную (*virtual money*). Сменяясь одна другою, эти эпохи полностью не исчезают с исторической арены, функционально не вытесняют одна другую – они начинают сосуществовать и, тем самым, происходит как бы суперпозиция монетарных миров - как во временном, так и в пространственном измерении.

Ускоряющийся ИКТ-прогресс порождает ситуацию, которую можно назвать '*монетарной сингулярностью*', симптомами которой выступают отрыв финансового сектора экономики от базового (реального) её сектора и участвовавшие финансовые пирамиды и кризисы. Монетарные эффекты от осуществления операций во времени (фьючерсные и форвардные) порождают масштабные риски в силу имманентной им спекулятивности. При этом возрастающая скорость биржевых операций сопровождается, по мнению экспертов, снижением прозрачности (транспарентности) и честности осуществляемых сделок.³ Это несколько перекликается с позицией писателя и социолога М.А. Энгельгардта, более ста лет назад трактовавшего прогресс как эволюцию жестокости.

В обозримой перспективе актуализируются вопросы типа «Реальна ли в перспективе новая немонетарная экономика?» или более радикального «Когда наступит конец монетарной истории?». Когда автору этих строк (и его благодарным читателям) останется возможность, как отмечалось им

¹ В самом общем понимании *фиатные* или *фидуциарные* деньги – это разновидность денег, стоимость которых номинируется вводящими их в обращение государствами м без привязки к реальной рыночной стоимости идущего на их изготовление (фидуциарная эмиссия) материалов (и труда?).

² Жан Бодрийяр в своей книге «Символический обмен и смерть» (1976) раскрывает природу этого процесса следующим образом: «Отрыв денежного знака от всякого общественного производства: деньги вступают в процесс неограниченной спекуляции и инфляции. ... Отрыв зарплаты от «справедливой» стоимости рабочей силы и отрыв денег от реального производства — и там и тут утрата референциальности... Очищенные от целевых установок и аффектов производства, деньги становятся спекулятивными. ... Освободившись от самого рынка, они превращаются в автономный симулякр, неотягощённый никакими сообщениями и никаким меновым значением, ставший сам по себе сообщением и обменивающийся сам в себе. При этом они больше не являются товаром, поскольку у них больше нет ни потребительной, ни меновой стоимости. Они больше не являются всеобщим эквивалентом, то есть все еще опосредующей абстракцией рынка. Они просто обращаются быстрее всего остального и не соизмеримы с остальным» [4].

³ Здесь интересен случай, описанный в книге Ф. Партного [13, сс. 33-37], в которой описывается забавный опыт креативной компании UNX, ставшей лидером биржевой торговли благодаря оптимизации алгоритмов своих торгов и повышению быстродействия компьютеров. Ради увеличения скорости сделок компания перенесла свои серверы в г. Нью-Йорк. Однако возросшие при этом издержки сделали торговые операции компании нерентабельными и ей не оставалось сделать ничего иного, как снизить скорость своих компьютеров. В итоге она вновь вернулась в лидеры рынка, восстановив свою прежнюю эффективность операций. Своеобразный пространственный эффект монетарной экономики.

ранее, « ... посещать офисы центральных и коммерческих банков только как финансово-исторические музеи, чтобы попытаться уловить в сумрачной их тишине пока не передаваемые по Интернету манящие запахи банкнот и скользкие тени алчных банкиров из канувших в лету денежных эпох»?¹

Или, перефразирую патриарха киберпанка У. Гибсона, возможно, что немонетарное будущее уже здесь, но оно неравномерно распределено?

Библиографический список:

1. Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием (пер. с фр.). - М.: ГУ ВШЭ, 2006. - 365с.
2. Бегбедер Ф. 99 Франков. - М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2014. - 400с.
3. Бертаева К. Асимметрия резервной валюты в современных условиях. Финансы и кредит, 2004, №19, с.52-54.
4. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. - М.: Добросвет, 2000. - 387с.
5. Валиуллин Х.Х. Девять эссе о денежной географии//Мировая экономика и международные отношения. №7, 2001, с. 120-123.
6. Валиуллин Х.Х. Дрейф экономического пространства. -М.: ЛКИ, 2010. - 296с.
7. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. - М.: Хорошая книга, 2003.- 624с.
8. Манделл Р. Эволюция международной валютной системы. Проблемы теории и практики управления, №1, 2000.
9. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века. 1856-57гг., Архив Маркса и Энгельса, т. XVII. URL:http://scepsis.ru/library/id_878.html (дата обращения: 22.12.2015).
10. Мосс М., Общества. Обмен. Личности. – М.: Восточная литература. 1996.
11. Marco A., Bandiera L., Monetary Policy, Monetary Areas, and Financial Development with Electronic Money. IMF Working Paper WP/04/122, 2004.
12. Macquarrie, J. In Search of Deity; An Essay in Dialectical Theism (London, 1984), pp. 201-2.
13. Partnoy F. Wait: The Art And Science of Delay. New York, 2012, 304 p.
14. Pryke M., Allen J. Monetized time-space: derivatives – money’s ‘new imaginary’? *Economy and Society*, Vol. 29, № 2, 2000, p. 264-284.
15. Valiullin H. The FDI Space Heterogeneity//Frontiers of Diversity. Explorations in Contemporary Pluralism. (ed. by Plaw A.), Editions Rodopi B.V., Amsterdam/New York, 2005. - 209p. pp.119-130.
16. Winklewoss C., Winklewoss T., Bitcoin: The Internet of Money, 2013.
17. Zimmel, G. The Philosophy of Money, (1900) – London, Routledge & Kegan Paul, 1978.

Valiullin H.H. Space and time for monetary existence

Money as the universal invention of the humankind now significantly transforms all the spatio-temporal features of material&moral existence of the global society. The evolution of monetary system inevitably creates both the unlimited possibilities and unpredictable risks for all the individuals and countries in their day-to-day activities. Today that are the digital money and cryptocurrencies that are likely the most pivotal to our monetary future.

Key words: time, money, derivatives, monetary economy, space.

¹ VIII Энгельмейеровские чтения «Интернет – Культура- Этика», г. Дубна, 21 октября 2005.

Экспериментальная психология

УДК159.931, 159.91

Б.Г. Мещеряков, А.И. Назаров, Л.Г. Чеснокова

Возможно ли зрительное опознание лиц без осознанного их восприятия?¹

Аннотация:

История экспериментального изучения подпорогового восприятия насчитывает почти 150 лет, и многие факты надежно установлены. Однако до сих пор ставится под сомнение существование скрытого опознания лиц у неврологически нормальных людей. В статье описывается эксперимент, в котором применялся новый методический подход к изучению скрытого опознания лиц с помощью регистрации электро-кожной активности в условиях кратковременной экспозиции знакомых и незнакомых лиц с обратной маскировкой лицеподобным стимулом. Результаты оставляют хорошие шансы для доказательства эффекта скрытого опознания лиц при дальнейшем экспериментировании с другими группами испытуемых.

Ключевые слова: подпороговое восприятие, скрытое опознание лиц, электро-кожные реакции, обратная маскировка, ложные тревоги.

Об авторах: Мещеряков Борис Гурьевич, доктор психологических наук, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры психологии; эл. почта: borlogic1@gmail.com.

Назаров Анатолий Иосифович, кандидат психологических наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры психологии; эл. почта: koval39@inbox.ru.

Чеснокова Любовь Геннадьевна, Государственный университет «Дубна», магистр 2-го года обучения кафедры психологии государственного университета «Дубна»; эл. почта: fluff.93@mail.ru.

Введение

Восприятие без осознания (подпороговое восприятие) – одна из самых интригующих фундаментальных проблем психологии, которой посвящено множество экспериментальных исследований, начиная со второй половины 19-го века [5]. Задолго до проведения методически строгих экспериментов в психологических лабораториях о неосознаваемом восприятии размышлял Готфрид В. Лейбниц²: «Все впечатления оказывают свое действие, но не все действия всегда заметны; поворачиваясь в одну сторону, а не в другую, я очень часто делаю это под влиянием сочетания мелких впечатлений, которых я не осознаю и которые делают для меня одно движение более удобным, чем другое. Все наши произвольные поступки являются результатом воздействия совокупности малых восприятий; даже наши привычки и страсти, оказывающие такое влияние на наши решения вытекают отсюда» [3, 116]. Но и сегодня эта проблема продолжает стимулировать экспериментальные исследования, новые теоретические идеи о способах взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого [6], различные практические способы применения, например, в диагностике психосексуальных расстройств [2].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-06-00134.

² Что признается его важным вкладом в психологию: «В психологии Лейбниц делает открытие «бессознательных представлений», или «малых восприятий» (petites perceptions), и исправляет ошибочный взгляд Декарта в отношении животных, признав за ними способность чувствовать» (История философии, 1941, с. 210).

Среди тех, кого принято считать первопроходцами экспериментального изучения подпорогового восприятия, были, например, Надежда П. Суслова [18], Чарльз Пирс и Джозеф Джастроу [14], Альфред Бине (1889) и Борис Сайдис [15]. Исследованиям бессознательного восприятия и теории двух Я в работах А. Бине и Б. Сайдиса посвящена специальная статья [5]. В предисловии к книге Б. Сайдиса «Психология внушения» (1898) знаменитый философ и психолог У. Джеймс отмечает, что с помощью «хитроумных» экспериментов «доктор Сайдис пытается показать, что «подпороговые» или «ультрамаргинальные» части ума (mind) у нормальных людей распознают объекты, которые внимательные чувства не позволяют назвать. Эти последние эксперименты являются неполными, но они открывают путь к очень важному психологическому исследованию» (James, 1898). Кроме того, в выше упомянутой статье подробно описываются эксперименты А. Бине по автоматическому письму у пациентов с истерической анестезией, на которые ссылается Б. Сайдис в своей книге.

Тема подсознательного восприятия имеет и свою мифологию; в прошлом неоднократно делались сенсационные заявления о возможности использования подсознательного восприятия для тайного управления поведением людей (критику см.: [13]). Так, в 1957 г. Джеймс Вайкэри (James Vicary) сообщил, что за 6-недельный период 45699 посетителям кинотеатра в Форт-Ли (Нью-Джерси) во время демонстрации фильма показывали два рекламных призыва (Ешь попкорн и Пей кока-колу). Эти призывы предъявлялись многократно и со столь короткой длительностью, что сознательно никогда не воспринимались. Вайкэри утверждал, что за 6-недельный период продажа жареной кукурузы повысилась на 57,7 %, а кока-колы на 18,1 %. Заявления Вайкэри часто принимаются как установленные факты. Однако он никогда не публиковал подробное описание своего «исследования», и никогда не было какого-либо независимого доказательства в поддержку его заявлений. Кроме того, в одном интервью в 1962 г. Вайкэри признал, что само исследование было фальшивкой [12].

Идеи Г.В. Лейбница о возможности подсознательного восприятия и его влиянии на сознательные ответы людей, их поведение и произвольные физиологические реакции подтверждены результатами многочисленных лабораторных исследований: «после более чем столетних исследований восприятия без осознания можно сделать со значительной уверенностью вывод, что стимульная информация может восприниматься, даже когда нет осознания воспринятого (awareness of perceiving). (...) В общем, все эти результаты ясно показывают, что восприятие без осознания происходит в многочисленных ситуациях и при множестве условий» [13, 131–132].

Однако существуют и такие ситуации, в которых подпороговое восприятие до сих пор не является твердо установленным фактом. К ним относится явление скрытого (подпорогового) опознания лиц.

Скрытым опознанием лиц называют такое явление, когда в силу деградированных стимульных условий неврологически нормальные испытуемые не способны эффективно решать эксплицитную задачу идентификации знакомых лиц и даже задачу дискриминации знакомых и незнакомых лиц, тем не менее фактор знакомости в этих же условиях наблюдения оказывает значимое влияние на какие-либо физиологические показатели (напр., амплитуду КГР: здесь мы пользуемся этим традиционным сокращением от «кожно-гальваническая реакция» как по отношению к реакциям кожной проводимости, так и к фазическим изменениям кожного потенциала) или на результаты решения имплицитной задачи (напр., в парадигме прайминга лицами). Анализ исследований скрытого опознания и узнавания лиц [4] указывает на возможную связь этого феномена с другим, не менее интригующим явлением – подсознательным эмоциональным эффектом лиц.

Впервые скрытое опознание у нормальных испытуемых в эксперименте с использованием электро-кожной регистрации сообщалось в работе Ellis, Young, & Koenken (1993)¹. Последующие исследования с электро-кожным критерием скрытого опознания (Stone, Valentine, & Davis, 2001,

¹ Здесь следует пояснить, что подсознательное опознание за несколько лет до упомянутой работы Ellis et al. (тоже с помощью КГР, но без специальной деградации стимульных условий) было открыто у пациентов с прозопагнозией (Bauer, 1984; Tranel и Damasio, 1985, 1988; и др.), т.е. у людей с врожденной или, что чаще, с приобретенной (в результате повреждения мозга) неспособностью к сознательному зрительному опознанию лиц хорошо известных им людей; в типичном случае у них не возникает даже чувство знакомости.

эксперимент 1; McDonald, Slater, & Longmore, 2008) дали негативные результаты относительно фактора знакомости. При этом в адрес первого сообщения (Ellis et al., 1993) было высказано несколько критических замечаний: 1) слишком длительная экспозиция (около 50 мс), 2) не самая эффективная зрительная маскировка лиц (только обратная), 3) отсутствие постэкспериментального контроля узнавания в подпороговом условии, 4) набор знаменитых людей мог отличаться от набора незнакомых людей по фактору аттрактивности, который не контролировался.

Stone et al. [17] почти в три раза уменьшили длительность экспозиции, совместили прямую и обратную маскировку, ввели некоторый постэкспериментальный контроль узнавания, и в итоге они не обнаружили скрытого опознания. Тем не менее, дополнительный анализ показал, что амплитуды КГР были больше (сильнее) на лица положительных («хороших» и «нейтральных»), чем на лица «нехороших» (evil) знаменитостей, предъявляемых с длительностью 17 мс, причем валентность лиц не влияла на КГР при экспозиции 220 мс. McDonald et al. [11] провели исследование с тремя наборами лиц 1) знакомые (знаменитые) и аттрактивные (ЗА), 2) незнакомые и аттрактивные (НА) и 3) незнакомые и менее аттрактивные (НМА); лица предъявлялись с длительностью экспозиции 40 мс. Главный факт состоял в том, что электро-кожные реакции были одинаковыми для привлекательных лиц, независимо от того, были ли они знаменитыми или незнакомыми; при этом реакции для привлекательных лиц (наборы ЗА и НА) были существенно сильнее, чем для менее привлекательных лиц (НМА). Результаты поддерживают гипотезу Stone и др. (2001) о возможном влиянии сплетенной переменной; сделан вывод, что более сильные КГР на знакомые лица происходят не благодаря скрытому опознанию, а под влиянием положительной эмоциональной валентности стимулов, которая обеспечивается аттрактивностью.

Таким образом, на данный момент отрицается само существование явления скрытого опознания лиц у неврологически нормальных людей, но допускается существование подпорогового эмоционального эффекта лиц, который связан с аттрактивностью лиц.

Мы полагаем, что для окончательного отрицания существования скрытого опознания еще нет достаточных оснований. Вполне можно допустить существование как скрытого опознания, так и многофакторного эмоционального эффекта (обусловленного не только аттрактивностью, но и экспрессией, знакомостью, половой принадлежностью натурщика, возрастом и другими характеристиками лиц). Зона подпорогового восприятия не является однородной с точки зрения эффективности влияния разных характеристик лиц. При очень коротких экспозициях, возможно, остается влияние «наиболее сильных» факторов эмоционального эффекта лиц (напр., экспрессия и аттрактивность), тогда как при более длительных экспозициях в зоне подпорогового восприятия начинают влиять «менее сильные» факторы (напр., знакомость). Поэтому тот факт, что Stone et al. [17] при длительности экспозиции лиц в 17 мс и McDonald et al. [11] при длительности экспозиции 40 мс не обнаружили скрытое опознание, не опровергает существование скрытого опознания при длительности экспозиции 50 мс [10]. С другой стороны, во всех предшествующих исследованиях при сравнении электро-кожных реакций на знакомые и незнакомые лица не учитывалось очень важное обстоятельство – уровень ложных тревог. Если испытуемые в подпороговой зоне имеют частые ложные опознания (узнавания) реально незнакомых лиц (ложные тревоги), то это, естественно, будет приводить к уменьшению и даже исчезновению различий между средними значениями амплитуд КГР для двух сравниваемых наборов лиц (знакомых и незнакомых). Иначе говоря, «негативные результаты» указанных исследований можно было бы объяснить чисто методическим просчетом.

С учетом проведенного нами анализа, можно сформулировать четыре требования к экспериментальной проверке существования скрытого опознания: во-первых, выбрать такую длительность экспозиции, которая обеспечивает подпороговый характер восприятия (по критерию узнавания), но не устраняет влияние фактора знакомости; во-вторых, исключить из обработки данные испытуемых с высоким уровнем ложных тревог; в-третьих, уравнивать наборы знакомых и незнакомых лиц как по аттрактивности, так и по всем другим (кроме знакомости) признакам. Наконец, еще одно немаловажное требование заключается в том, что в случае положительного результата (значимое различие КГР между наборами знакомых и незнакомых лиц) должна быть возможность провести контрольный эксперимент, в котором два набора лиц из основного эксперимента (т.е. знакомых и незнакомых лиц) предъявлялись бы испытуемым, для которых эти

наборы были бы равно незнакомыми.

Так как в предшествующих исследованиях всегда в качестве знакомых лиц использовались люди, всемирно известные (напр., в эксперименте Stone et al.: А. Гитлер, С. Хусейн, М. Тайсон, Р. Никсон, Н. Мандела, М. Горбачев, Д. Кеннеди и др.), то последние два требования не только не обеспечивались, но даже и не могли быть обеспечены. Контроль индивидуальных уровней ложных тревог тоже никто не обеспечивал, а это важно не только для отсева испытуемых с высоким уровнем ложных тревог (второе требование), но и для удовлетворения первого требования – обеспечение подпороговых показателей узнавания.

Мы спроектировали и провели эксперимент по скрытому опознанию, который принципиально отличается от предшествующих попыток доказать или опровергнуть существование этого явления именно тем, что он позволяет обеспечить все указанные требования.

В нашем эксперименте испытуемые сначала наблюдали случайную последовательность знакомых и незнакомых лиц без необходимости что-либо оценивать; затем после небольшого (около 5 минут) перерыва они наблюдали эти же лица (при тех же экспозиционных условиях, но в другой последовательности), давая после каждой экспозиции вербальные ответы об узнавании или неузнавании. В случае узнавания они также пытались идентифицировать лицо. Такая схема позволяла определить для каждого испытуемого и частоту правильных узнаваний («попаданий», Н) и частоту ложных тревог (FA). В качестве знакомых лиц предъявлялись не лица общеизвестных людей, а лица хорошо знакомых нашим испытуемым людей из их ближайшего окружения. Конкретно, испытуемыми выступали студенты небольшой учебной группы («сокурсники»), которым предъявляли лица сокурсников (включая и собственное лицо). В данном случае легко можно было создать близкий по возрасту и половому составу набор незнакомых лиц. Преимущество такого подхода к выбору стимульного материала заключается в возможности проведения контрольного эксперимента с другими испытуемыми, в котором те же лица будут незнакомыми.

Таким образом, описываемый далее эксперимент является методически новой проверкой гипотезы о существовании скрытого опознания лиц. Дополнительно проверялась гипотеза о том, что у лиц с высокой частотой ложных тревог не будет существенных различий по амплитудам КГР при субоптимальном предъявлении знакомых и незнакомых лиц.

Метод

Испытуемые. Всего в эксперименте принимали участие 16 человек («сокурсники» – студенты 2 курса кафедры психологии университета «Дубна»), но данные по КГР у четырех из них (все женского пола) не удалось получить, потому что реакций либо вообще не было (в установленном временном окне), либо имела место высокая и слишком частая спонтанная активность.

В итоговой выборке было 12 человек (9 девушек) в возрасте от 19 до 21 года (средний возраст 19,5 лет). На плохое зрение никто не жаловался, 7 испытуемых имели скорректированное зрение (очки или линзы).

Стимулы. Фотографии лиц сокурсников (14 человек) были сделаны в стандартизированных условиях, фотографии анонимных «незнакомцев» (18 человек примерно того же возраста, как и у испытуемых) – в условиях профессионального фотоателье. Из 18 фотографий незнакомцев 5 использовались в качестве первых тренировочных экспозиций. На всех фотографиях лица были представлены анфас, без украшений, без очков и с нейтральной экспрессией.

Исходные фотографии с помощью фотошопа переводились в режим «градации серого», затем вырезался овал лица, за границами которого оказывались не только элементы фона, но и верхняя часть прически, большая часть внешнего уха, вся шея. Изображения лиц (640 x 480 пикселей) накладывались на серый фон. Яркостные и контрастные регулировки были нормализованы по всем изображениям. При необходимости удалялись слишком заметные приметы (в частности, родинки).

На экране дисплея вертикальный диаметр овала лица был равен 19 см, горизонтальный – 13 см. Размер серой фоновой прямоугольной рамки: 23 см по вертикали и 18 см по горизонтали. Яркость этой рамки – 8,7 кд/м², яркость открытой части лба лица – примерно 10,4 кд/м², яркость периферической части экрана – 20 кд/м². Маскировочный стимул был составлен из деталей обработанных изображений лиц (с небольшой расфокусировкой), а именно – из мужской и женской

половин лица, мужского нос и рта, женских глаз, причем все внутренние детали были размещены хаотично.

Аппаратно-программное обеспечение. Регистрация кожно-гальванической реакции (КГР, по Фере) и кожного потенциала (КП, по Тарханову) проводилась в лаборатории экспериментальной психологии кафедры психологии. Одновременная регистрация КГР и КП в данном эксперименте проводилась по соображениям, которые обсуждались в предыдущей работе (Назаров, 2014).

Для усиления биопотенциалов применялись усилители фирмы ВІОРАС (США): широкополосный DA100С (для суммарного КП) и узкополосный GSR100С (специализированный для КГР). Сигналы с выходов усилителей подавались на многоканальную систему сбора данных Е-440 (<http://www.lcard.ru>), управляемую через компьютер с помощью программного пакета PowerGraph Prof-3 (<http://www.powergraph.ru>). Последний позволяет осуществлять регистрацию аналоговых сигналов, а также производить их цифровую обработку. Частота квантования регистрируемых сигналов равнялась 1 кГц.

Биопотенциалы отводились от поверхности кожи испытуемого с помощью хлор-серебряных электродов EL258S (для КП) и TSD203 (для КГР). Заземление испытуемого обеспечивалось через его контакт с нейтральным электродом – одним из входивших в пару TSD203 (закреплялся на указательном пальце левой руки). Активный электрод этой пары закреплялся на подушечке среднего пальца той же руки. Третий электрод (для КП, активный) крепился на внешней поверхности кисти той же руки на участке, свободном от видимых кровеносных сосудов.

Для автоматической экспозиции стимульных изображений на электронно-лучевом мониторе NEC MultiSync FE2111sb (частота кадровой развёртки 100 Гц, диагональ 50 см) старшим преподавателем Р.В. Соколовым была разработана специальная программа. После запуска программы экспериментатором в центре экрана с нейтральным фоном появлялась небольшая фиксационная метка красного цвета; за 2 с до появления стимула цвет на 1 с менялся на зелёный. Изменение цвета служило для испытуемого сигналом для повышенной концентрации внимания и прочного удержания взгляда в центре экрана в момент экспозиции и несколько секунд после нее.

На одном из каналов PowerGraph на линии эксперимента регистрировались момент и длительность экспозиции, сигналы которой формировались фотодиодным датчиком, расположенным в левом нижнем углу экрана. В сериях, где после экспозиции испытуемый должен был давать речевой ответ, на отведенном для этого канале PowerGraph регистрировалась фонограмма. Был предусмотрен также канал, на котором экспериментатор отмечал артефакты, возникающие во время пробы (посторонний шум, резкие движения испытуемого, и т.п.).

Первичная обработка регистрируемых данных. Для извлечения полезного сигнала КП из сырой записи, зашумлённой наводкой 50 Гц, а также для выделения в нём разночастотных составляющих был составлен алгоритм автоматической обработки, состоящий из набора функций, встроенных в программу PowerGraph. В результате были получены "чистые" записи следующих параметров:

- суммарный КП в частотной полосе 0,05 – 300 Гц;
- низкочастотная компонента КП в частотной полосе 0,05 – 2 Гц;
- среднечастотная компонента КП в частотной полосе 2 – 15 Гц;
- высокочастотная компонента КП в частотной полосе 100 – 300 Гц;
- первая производная КГР.

Пример обработанной записи показан на рис. 1.

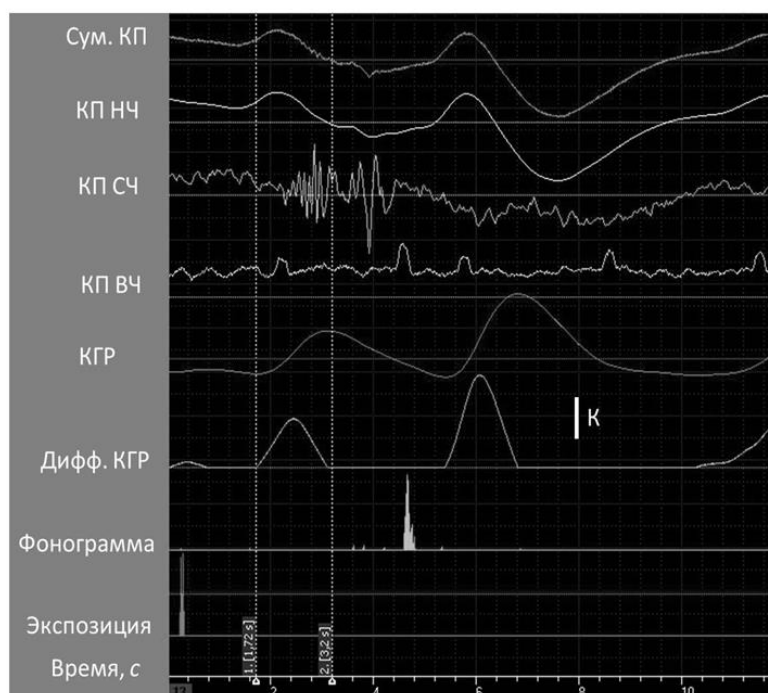

Рис.1. Фрагмент регистрации одной пробы в сеансе с речевым ответом.

Начало экспозиции отмечено вертикальным маркером на канале Экспозиция; ширина маркера соответствует длительности экспозиции. Белый пунктир на отметке времени 1,72 с – начало реакции КГР, на отметке 3,08 с – конец реакции (начало и конец совпадают с нулевыми значениями производной КГР – Дифф. КГР). Ответ испытуемой отмечен вертикальным маркером на канале Фонограмма. Высокочастотная компонента КП (100-300 Гц) обработана функцией сглаживания (1000 точек). Калибровка (К, белый столбик): Сум. КП – 2 в; КП НЧ – 2 в; КП СЧ – 0,1 в; КП ВЧ – 10 мв; КГР – 0,5 в; Фонограмма – 10 мв; Дифф. КГР – 0,5 в; Экспозиция – 50 мв. Остальные объяснения – в тексте.

На основе обработанных данных в программе PowerGraph вычислялись значения времени реакции КГР (ВР) и амплитуды КГР (А). Последняя определялась как абсолютная разность между максимумом и минимумом амплитуды КГР при нулевых значениях производной КГР на интервале от 0,6 до 6 с после начала экспозиции. Более ранние и более поздние реакции КГР исключались из дальнейшей обработки. Не учитывались также те отклонения амплитуды КГР, которые накладывались на текущую спонтанную активность, обнаруживая себя в виде положительного отклонения амплитуды дифференцированной КГР.

Пороговое значение КГР, принимаемое за реакцию на стимул, определялось индивидуально для каждого испытуемого. В отличие от спонтанных колебаний, диапазон которых мог быть очень большим, даже минимальные реакции на стимул имели более крутой передний фронт (более быстрое увеличение амплитуды).

Процедура. С каждым испытуемым проводился индивидуальный эксперимент, состоящий из трех этапов (не считая предварительной части с инструктированием и установкой электродов после мытья рук). Испытуемые садились напротив экрана дисплея на оптимальном для себя расстоянии (в среднем на расстоянии 79 см).

Вводная инструкция включала четыре части:

1. про стимулы на экране. Вам будут последовательно показываться на экране серые (полутонные) лица незнакомых и знакомых людей. Знакомые лица – это ваши

сокурсники, включая, возможно, и Ваше собственное лицо. Однако лица будут предъявляться в таких условиях, что их не легко будет замечать и узнавать. Дело в том, что они будут предъявляться на очень короткое время и после каждого реального лица будет предъявляться одно и то же шумовое изображение, состоящее из перемешанных деталей лиц, которое Вы будете видеть гораздо яснее. Не расстраивайтесь, если Вы не сможете замечать знакомые лица, и, пожалуйста, соблюдайте спокойствие, если заметите знакомое лицо.

2. про электроды и регистрацию. Во время опыта на вашей левой руке будут установлены три электрода, которые позволят зарегистрировать некоторые эмоциональные реакции. Никакой опасности электроды не представляют. Для правильной записи сигналов рука должна находиться в спокойном положении во время всего эксперимента.

3. о задаче. После сигнала готовности (изменение цвета фиксационной точки) надо сосредоточиться и внимательно смотреть в середину экрана, не моргать, ничего не говорить и не делать движений ни руками, ни ногами, при предъявлении изображений (после предъявления изображений можно моргать, но надо еще 3-4 с не менять позу). Между последовательными предъявлениями лиц установлен интервал в 15 с, поэтому у Вас будет время в случае необходимости сменить позу.

4. заключение. Об окончании предъявлений лиц Вам сообщит надпись на экране. Но после нее еще около полминуты мы будем регистрировать фоновый уровень сигнала в спокойном состоянии.

Далее проводился первый этап с предъявлением (после 5 фиксированных буферных лиц) случайной последовательности тестовых знакомых и (предположительно) незнакомых. На этом этапе испытуемым не ставилась задача опознавать лица и давать какие-либо ответы. Во время непродолжительного отдыха испытуемых спрашивали, удавалось ли им узнать какие-то лица. При положительном ответе спрашивалось, кого именно они узнали.

Инструкция для второго этапа:

«Сейчас мы повторим тот же опыт, но поменяем последовательность предъявления лиц. И, кроме того, после каждого предъявления по команде экспериментатора («ответ») Вы будете давать короткие ответы об увиденном:

1) сначала Вы ответите «да» или «нет», в зависимости от того, знакомо ли Вам предъявленное лицо; и затем

2) если оно показалось знакомым, сообщите фамилию узнавшего человека (если не вспомните сразу фамилию, то сообщите имя или кличку). Больше никаких ответов давать не надо.

Все остальное Вы сможете сообщить в третьей части эксперимента.

Во время предъявлений лиц надо соблюдать спокойное положение рук и ног».

Во время второго этапа продолжалась регистрация КГР, прежде всего, для сохранения идентичных условий с условиями первого этапа.

Третий этап – с неограниченным по времени предъявлением каждого тестового лица проводился с целью получения информации о реальной знакомости лиц (по шкале: 0 – совершенно не знакомо, 10 – хорошо знакомо), об оценках их привлекательности (по шкале: 0 – довольно неприятное лицо, 10 – вполне приятное лицо), а также дополнительно спрашивалось, узнал ли данное лицо испытуемый на первом или втором этапе (с 10-балльной оценкой уверенности).

Параметры экспозиции были установлены на основании предварительных опытов с несколькими испытуемыми, не входившими в основную группу испытуемых: длительность тестового лица (прайма) – 60 мс, длительность маскера – 80 мс. Следует заметить, что технически можно было установить и значительно меньшие длительности прайма, но в этом не было необходимости, напротив, была опасность выйти из области подпорогового восприятия. Сами по себе длительности экспозиции не могут быть критерием обеспечения условия сублиминальности без учета других характеристик тестового лица и маскера (напр., их яркости и контраста).

Результаты

Данные по узнаванию

Таблица 1 содержит характеристики узнавания у 11 испытуемых (ответы типа конкретных идентификаций здесь не рассматриваются). Для одной испытуемой (№ 12) эти данные не были получены, поскольку электронный протокол предъявления стимулов во второй части опыта не был сохранен (но ответы в третьей части позволяют оценить уровень ее узнавания).

Частоты «попаданий» (Н), то есть правильных узнаваний, и частоты ложных тревог (FA), то есть ошибочных ответов «знакомое» при наблюдении незнакомых лиц, оценивались по формулам (Snodgrass, Corwin, 1988):

$$H = (\#hits + 0.5) / (\#old + 1),$$

$$FA = (\#fas + 0.5) / (\#new + 1),$$

где # обозначает количество соответствующих реакций или стимулов, «old» относится к знакомым лицам, «new» – к незнакомым; «hits» – ответы «знакомое (лицо)» при предъявлении знакомого лица (old), «fas» (ложные тревоги) – ответы «знакомое (лицо)» при предъявлении незнакомого лица (new).

Для характеристики уровня узнавания использовались показатель различимости P_r (аналог d' в модели на основе теории обнаружения сигналов) и показатель смещения критерия B_r . Простые расчетные формулы для этих показателей (приведены в таблице 1) основаны на модели двух порогов, хорошо зарекомендовавшей себя в исследованиях узнавания (Snodgrass, Corwin, 1988). Величина B_r , равная 0,5, показывает нейтральное смещение, величина больше 0,5 показывает либеральный байес, а величина меньше 0,5 – консервативный (что как раз и было у большинства испытуемых).

Таблица 1

Характеристики узнавания у 11 испытуемых:
упорядочены по убыванию показателя различимости (P_r)

Номер исп.	Подгруппа	Н	F А	$P_r = H - FA$	$B_r = FA / (1 - P_r)$
3	1	0,41	0,12	0,29	0,16
10	1	0,24	0,04	0,20	0,05
5	1	0,23	0,04	0,18	0,05
9	1	0,29	0,12	0,17	0,14
Среднее по подгруппе		0,29	0,08	0,21	0,10
1	2	0,08	0,04	0,04	0,04
4	2	0,03	0,04	-0,01	0,04
7	2	0,03	0,04	-0,01	0,04
11	2	0,08	0,12	-0,04	0,11
Среднее по подгруппе		0,05	0,06	-0,01	0,06
6	3	0,38	0,54	-0,16	0,47
8	3	0,08	0,25	-0,17	0,21
2	3	0,47	0,68	-0,21	0,56

Среднее по подгруппе	0,	0,	-0,18	0,41
	31	49		

У четырех испытуемых (первая подгруппа) показатель различимости (P_r) находится в диапазоне 0,17 – 0,29. В эту подгруппу вошли трое испытуемых мужского пола, но наибольший показатель был у девушки. Уровень узнавания этих испытуемых находится выше уровня случайного угадывания, которому соответствует значение $P_r = 0$, и, следовательно, эта подгруппа не удовлетворяет первому требованию к проверке существования скрытого опознания.

У остальных 7 (все девушки) показатель различимости близок к нулю или даже меньше (за счет более либерального критерия, приводящего к высокой частоте ложных тревог). Очевидно, что эти испытуемые не составляют однородную группу и ее следует разделить на две подгруппы так, как показано во втором столбце таблицы 1. В дальнейшем анализе с учетом вербальных ответов ко второй подгруппе были отнесены данные исп. № 12 (тоже женского пола). Таким образом, во вторую подгруппу входят 5 испытуемых с P_r , близким к нулю, и консервативным критерием (малым количеством ложных тревог). Эта подгруппа («основная») является наиболее подходящей для диагностики скрытого узнавания по показателю электро-кожной активности.

Третья подгруппа из трех человек выделяется повышенными частотами ложных тревог и более либеральным критерием, в силу чего (см. второе требование к проверке существования скрытого опознания) данные по электрокожной активности у этой группы приходится исключить из основной обработки.

Данные по электро-кожной активности

Как и в других работах с регистрацией электро-кожных реакций в ответ на кратковременный стимул, необходимо ввести некоторое временное окно для потенциальных реакций в ответ на предъявляемые лица. Мы считали потенциальной реакцией на стимул только такие колебания амплитуды КГР, у которых латентный период находится в диапазоне 0,6 – 6 с (после начала предъявления стимула). Остальные реакции относились к категории спонтанных. Серьезной проблемой является то, что спонтанные реакции нередко накладываются на период потенциальных реакций. Это может приводить к тому, что на фоне спонтанной реакции появляется дополнительный горб, предположительно связанный с реакцией на стимул. В этом случае нельзя точно оценить ни латентный период, ни амплитуду реакции на стимул. За вычетом подобных замаскированных (испорченных) спонтанной активностью реакций, «чистых» случаев реакции оказывается не так уж много (около 35 %). Таким образом, мы должны различать несколько типов событий:

0) артефакты (забракованные пробы: напр., в случае если во время пробы испытуемый или экспериментатор чихнул, закашлялся и т.п., экспериментатор нажимал на кнопку, метившую данную пробу как неудачную);

1) полное отсутствие реакций (в том числе при наличии спонтанной активности в указанном временном окне);

2) спонтанная активность, маскирующая реакцию (т.е. спонтанная активность с признаками замаскированной реакции);

3) достаточно четкая реакция, у которой можно определить и латентный период, и амплитуду.

В таблице 2 указаны частоты проб в каждой из четырех категорий. Для дальнейшего анализа мы используем только пробы без артефактов, то есть 350 проб.

Таблица 2

Распределение проб по 4-м категориям электро-кожной активности (по 12 испытуемым)

Номер категории	Название	Количество	Процент
0	Артефакты	4	1,13
1	Отсутствие реакции	210	59,32
2	Замаскированная реакция	15	4,24

3	Четкая реакция	125	35,31
Всего		354	100

Прежде всего, проанализируем с помощью критерия χ^2 , связаны ли частоты проб без реакций (категория 1) и с реакциями (категории 2+3) с типом стимула – знакомые и незнакомые лица – в целом по всем испытуемым и по их подгруппам. Результат этого анализа не дал ни одного значимого результата: ни в целом по всей выборке испытуемых, ни в каждой из трех подгрупп величина χ^2 (с поправкой на непрерывность Йетса) не достигла уровня значимости. Наиболее высокое значение хи-квадрат было для первой подгруппы испытуемых ($\chi^2 = 2,218$, $p = 0,136$), самое низкое в третьей подгруппе ($\chi^2 = 0,003$). Следовательно, частота возникновения реакций не связана с тем, был ли стимул знакомым или незнакомым лицом.

Амплитуды четких электро-кожных реакций (категория 3 таблицы 2) анализировались с помощью дисперсионного анализа с двумя факторами – подгруппа испытуемых и знакомость лиц. Значимым было влияние только фактора «подгруппа испытуемых» ($F = 3,128$, $p < 0,05$); знакомость лиц и взаимодействие двух факторов было незначимым. Амплитуды реакций испытуемых первой подгруппы ($M = 534,8$, $SD = 992,7$) значимо выше, чем у испытуемых третьей подгруппы ($M = 85,9$, $SD = 52,9$); амплитуды реакций испытуемых второй подгруппы ($M = 326,0$, $SD = 601,5$) статистически не отличаются от двух других групп.

В таблице 3 представлены средние и стандартные отклонения амплитуд реакций для знакомых и незнакомых лиц (условные единицы). Как можно видеть, в первой и второй подгруппах средние значения значительно (в 1,3–1,6 раз) выше при предъявлении знакомых лиц по сравнению с незнакомыми, тем не менее различия были незначимыми. В согласии с нашими ожиданиями, в третьей подгруппе испытуемых (с высоким уровнем ложных тревог) средние значения амплитуд КГР для двух наборов лиц практически одинаковые.

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения амплитуд реакций

Группы испытуемых	Лица	Среднее	SD
Первая подгруппа	Знакомые	610,69	1031,10
	Незнакомые	461,67	968,08
Вторая подгруппа	Знакомые	382,37	696,69
	Незнакомые	232,17	396,63
Третья подгруппа	Знакомые	88,77	59,85
	Незнакомые	82,45	46,09
В целом	Знакомые	413,09	796,22
	Незнакомые	313,41	718,10

Дополнительная проверка значимости различий амплитуд на знакомые и незнакомые лица, проведенная с помощью t-теста и непараметрического критерия Манна-Уитни, не обнаруживает статистически значимые различия ни в одной подгруппе испытуемых, равно как и по всей выборке испытуемых.

Иная картина складывается на основе результатов анализа индивидуальных данных по амплитудам реакций. У каждого испытуемого определялись медианные и средние значения амплитуд реакций в ответ на знакомые и незнакомые лица. В таблице 4 можно видеть отношения индивидуальных медиан и средних амплитуд реакций на знакомые лица к, соответственно, медианам и средним реакций на незнакомые лица. Очевидно, что в первых двух подгруппах медианы амплитуд реакций на знакомые лица в среднем в 2,3 раза превышают медианы амплитуд реакций на незнакомые лица, причем во второй подгруппе аналогичное соотношение имеет место и для отношений средних значений. Лишь в третьей группе практически нет различий в медианах и средних значений амплитуд для двух типов стимулов.

Таблица 4

Отношение медиан и средних значений амплитуд реакций на знакомые лица к, соответственно, медианам и средним значениям амплитуд реакций на незнакомые лица

Подгруппы	Испытуемые	Отношение медиан	Отношение средних
1	3	1,66	1,72
	10	2,28	1,63
	5	3,31	0,75
	9	1,97	1,07
	Среднее	2,3	1,3
2	1	1,74	0,99
	4	2,19	1,89
	7	1,22	1,57
	11	4,05	5,88
	12	2,23	2,14
	Среднее	2,3	2,5
3	6	0,81	1,09
	8	0,66	0,78
	2	1,29	1,42
	Среднее	0,9	1,1

Статистический анализ латентных периодов (дисперсионный анализ, t-тесты, критерий Манна-Уитни) не выявил различий ни между подгруппами, ни между двумя уровнями знакомости лиц.

Обсуждение

Использование для оценки уровня узнавания испытуемых в затрудненных условиях восприятия таких мер как частота ложных тревог, показатель различимости P_T и показатель смещения критерия B_T позволило разделить испытуемых на три подгруппы, из которых только одна подгруппа (вторая) в наибольшей степени соответствует требованиям минимизации правильных и ложных реакций узнавания. Следует заметить, что в предыдущих исследованиях скрытого опознания лиц такая дифференциация испытуемых не проводилась (поскольку не устанавливалась частота ложных тревог), но ее необходимость бесспорна. Однако она приводит не только к некоторому удлинению эксперимента (за счет дополнительного прогона стимулов и получения вербальных ответов), но и к уменьшению количества данных для последующего статистического анализа эффекта скрытого узнавания, что и стало, как мы полагаем, основной причиной неоднозначных результатов этого анализа в сообщаемом эксперименте.

Неоднозначность полученных результатов с точки зрения основной гипотезы о существовании скрытого узнавания лиц проявляется в том, что, с одной стороны, при анализе на групповом уровне ни частоты электро-кожных реакций, ни их амплитуды статистически значимо не отличались для знакомых и незнакомых лиц; с другой стороны, четко видно, что в основной подгруппе испытуемых (подгруппа 2) индивидуальные медианы и средние значения амплитуд реакций в среднем по подгруппе более чем в 2 раза сильнее при наблюдении сознательно неузнаваемых «знакомых» лиц по сравнению с условием наблюдения «незнакомых» лиц. Эти результаты оставляют хорошие шансы для доказательства эффекта скрытого узнавания знакомых лиц при дальнейшем экспериментировании с другими группами испытуемых. В настоящее время проводится эксперимент с новой группой испытуемых, знакомых друг с другом. Для снижения количества «спонтанных реакций» в новом эксперименте увеличен интервал между изменением цвета фиксационной точки и последующей экспозицией до 4 с.

Как мы и ожидали, у испытуемых с высоким уровнем ложных тревог действительно амплитуды КГР при наблюдении знакомых лиц практически не отличаются от амплитуд КГР при наблюдении незнакомых лиц. Этот факт установлен впервые, и его следует учитывать в дальнейших экспериментах по валидации феномена скрытого опознания.

В связи с выдвинутым в литературе альтернативным объяснением различий электро-кожных реакций на знакомые и незнакомые лица, которое указывает на разный эмоциональный

эффект двух наборов лиц (Stone et al., 2001, эксперимент 1; McDonald et al., 2008), представляется важным сравнить оценки приятности лиц для наборов, которые использовались в нашем эксперименте. Вполне целесообразно использовать оценки лишь тех 5 испытуемых, которые в наибольшей степени обнаруживают поддержку скрытого опознания. Полученные результаты свидетельствуют о большей «приятности» знакомых, чем незнакомых лиц: средние значения приятности (по 10-балльной шкале) были 7,24 (SD = 1,7) для знакомых и 6,43 (SD = 1,7) для незнакомых ($t = 2,77$, $df = 133$, $p < 0,01$). Однако к этому результату следует относиться с осторожностью, так как здесь может проявляться давно известное явление ингруппового фаворитизма. Действительно, результаты оценивания приятности этих же наборов лиц, полученные от 5 «внешних» оценщиков, оказались обратными: средние значения составили 5,16 (SD = 2,5) для первого набора («сокурсники») и 6,02 (SD = 2,4) для второго ($t = 2,04$, $df = 133$, $p < 0,05$). Таким образом, эти данные не свидетельствуют в пользу альтернативного объяснения.

Библиографический список:

1. Александров Г.Ф., Быховский Б.Э., Митин М.Б., Юдин П.Ф. История философии. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1941. 472 с.
2. Каменсков М.Ю., Введенский Г.Е. Инструментальная диагностика парафилий с применением полиграфа: методологические проблемы и рекомендации к их решению (аналитический обзор) // Российский психиатрический журнал, 2014, № 3, С. 4–9.
3. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. / ред., авт. вступ. статьи и примеч. И.С. Нарский. Т. 2. М.: Мысль, 1983. 686 с.
4. Мецерыков Б.Г. Скрытое опознание и неосознаваемый эмоциональный эффект лиц [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 2. С. 79–105. (abstract, с. 106) URL: <http://psyanima.ru/issues/2013n2a4.pdf> (дата обращения: 28.08.2015).
5. Мецерыков Б.Г. Из истории первых экспериментальных доказательств существования второго Я [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2015. № 2. С. 43–51 (abstract, с. 52). URL: <http://psyanima.ru/issues/2015n2a4.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).
6. Назаров А.И. Сознание: всё и ничто или нечто, но не всё? // [Электронный ресурс] // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2015. № 2. С. 64–75 (abstract, с. 76). URL: <http://psyanima.ru/issues/2015n2a6.pdf> (дата обращения: 12.12.2015).
7. Сайдис Б. Взаимная коммуникация двух Я // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2015. № 2. С. 53–62 (abstract, с. 63). <http://psyanima.ru/issues/2015n2a5.pdf> (дата обращения: 12.11.2015).
8. Сулова Н.П. Изменения кожных ощущений под влиянием электрического раздражения // Медицинский вестник. 1862. № 21.
9. Bauer R.M. Autonomic recognition of names and faces in prosopagnosia: A neuropsychological application of the guilty knowledge test // Neuropsychologia. 1984. Vol. 22 (4). P. 457–469.
10. Ellis H.D., Young A.W., Koenken G. Covert face recognition without prosopagnosia // Behavioural Neurology. 1993. № 6. P. 27–32.
11. McDonald P.R., Slater A.M., Longmore C.A. Covert detection of attractiveness among the neurologically intact: Evidence from skin-conductance responses // Perception. 2008. Vol. 37 (7). P. 1054–1060.
12. Merikle P.M. Subliminal Perception // From A.E. Kazdin (Ed.), Encyclopedia of Psychology (Vol. 7, pp. 497–499). New York: Oxford University Press, 2000.
13. Merikle P.M., Smilek D., Eastwood J.D. Perception without awareness: Perspectives from cognitive psychology // Cognition. 2001. Vol. 79 (1). P. 115–134.
14. Peirce C.S., Jastrow J. On small differences in sensation // Memoirs of the National Academy of Science. 1884. № 3. P. 73–83.

15. Sidis B. The psychology of suggestion: A research into the subconscious nature of man and society. New York: D. Appleton, 1898.
16. Snodgrass J.G., Corwin J. Pragmatics of measuring recognition memory: Applications to dementia and amnesia // Journal of Experimental Psychology: General. 1988. Vol. 117 (1). P. 34–50.
17. Stone A., Valentine T., Davis R. Face recognition and emotional valence: processing without awareness by neurologically intact participants does not simulate covert recognition in prosopagnosia // Cognitive, Affective, Behavioral Neuroscience. 2001. Vol. 1 (2). P. 183–191.
18. Suslova N. Veränderungen der Hautgefühle unter dem Einflusse elektrischer Reizung // Zeitschrift für rationales Medizin. 1863. Bd. 17. H. 1–2. S. 155–161.
19. Tranel D., Damasio A.R. Knowledge without awareness: an autonomic index of facial recognition by prosopagnosics // Science. 1985. Vol. 228 (4706). P. 1453–1454.
20. Tranel D., Damasio A.R. Non-conscious face recognition in patients with face agnosia // Behavioural Brain Research. 1988. Vol. 30. P. 235–249.

B.G. Meshcheryakov, A.I. Nazarov, L.G. Chesnokova . Is it possible visual recognition of faces without their conscious perception?

The history of the experimental study of subliminal perception goes back almost 150 years, and many of the facts are firmly established. However, so far questioned the existence of covert recognition of faces by neurologically normal individuals. The article describes an experiment which used a new methodological approach to the study of covert recognition of faces by means of registration electro-dermal activity under short-term exposure of familiar and unfamiliar faces and the backward face-like masking stimulus. The results leave a good chance to prove the effect of covert recognition of faces in further experimentation with other groups of subjects.

Keywords: subliminal perception, covert recognition of faces, electro-dermal reactions, backward masking, false alarms.

Человек в стране языка

УДК 81.243

В.В. Морозов

Интенсивное чтение и предметно-ориентированное изучение иностранного языка

Аннотация:

Условия, необходимые для овладения иностранным языком остаются прежними: знание В статье кратко рассматривается история развития методики преподавания и изучения иностранных языков, обобщается накопленный в этой области коллективный опыт в отношении к чтению, на основе которого формулируются практические предложения по повышению эффективности изучения иностранного языка студентами различных направлений.

Ключевые слова: иностранный язык, методика обучения, интенсивное чтение, лексическое значение, лексическая сочетаемость, предметно-ориентированное обучение, интегрированное изучение языка.

Об авторе: Морозов Владимир Витальевич, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет «Дубна», профессор кафедры лингвистики; эл. почта: v.v.morozov@inbox.ru.

Профессора и преподаватели кафедры лингвистики факультета социальных и гуманитарных наук ведут большую научно-исследовательскую работу. В сферу научных интересов наших преподавателей и студентов входят проблемы, относящиеся к различным разделам современной лингвистической теории: фонетики, лексикологии, грамматики, семантики и прагматики. Результаты этих исследований важны не только для более полного понимания природы и функционирования естественного языка, но и для успешного преподавания конкретных иностранных языков. На кафедре, занимающейся профессиональной подготовкой будущих преподавателей, большое внимание уделяется также изучению, развитию и применению различных методик преподавания иностранных языков. Возникновение и развитие таких методик имеет достаточно долгую историю и заслуживает краткого обзора в данной статье, посвященной одному из важнейших и всё ещё горячо обсуждаемых аспектов изучения иностранного языка – чтению.

«The Reading Wars show no signs of stopping. There appear to be two factions: Those who support the Skill-Building Hypothesis and those who support the Comprehension Hypothesis.» [19, 32] – эти слова были сказаны об обучении чтению на родном языке (в данном случае английском), но они уместны и в данном контексте, так как споры по поводу роли и места чтения при изучении иностранного языка также не прекращаются. Вопрос уже не ставится о том, читать или нет. Дискутируемыми вопросами остаются: когда начинать чтение, что читать и как читать. Надеюсь, что предлагаемая ниже краткая теоретическая информация и выдвигаемые методические установки будут интересны коллегам-преподавателям других кафедр и помогут студентам в трудном деле овладения иностранными языками.

Очевидно, что ещё в глубокой древности в тех социальных образованиях, где устанавливались и поддерживались межплеменные и, позже, международные контакты, возникала потребность в людях, владеющих двумя или более языками. Несмотря на то, что в условиях постоянных и интенсивных контактов с носителями другого языка некоторые из контактирующих могли усваивать второй язык естественным образом в процессе достаточно длительного общения, на определенном этапе развития общества возникла необходимость целенаправленного изучения и преподавания чужих языков. При этом важно отметить, что в наше время в общеобразовательных

школах и высших учебных заведениях иностранные языки стали преподаваться как обязательные дисциплины для всех учащихся сравнительно недавно [см. 8; 9].

Как и в других областях знаний, на протяжении всей истории методика преподавания и изучаемый материал развиваются и дополняются в соответствии с расширением и углублением научных знаний о мире и человеке в целом, о том, что представляет собой язык, языковая способность и конкретные языки в частности. С началом эпохи Возрождения темпы развития и смены методик преподавания иностранного языка постепенно ускоряются. В XX веке в этой области наблюдается особенно интенсивная активность – каждые несколько лет предлагаются все новые методы и подходы, при этом предшествующие методики нередко незаслуженно критикуются и отвергаются. Через некоторое время история повторяется, а успешность преподавания и изучения иностранных языков при этом существенно не меняется. Однако не у всех методов изучения иностранных языков одинаковая судьба. Некоторые из них, несмотря на постоянную критику их слабых сторон приверженцами других подходов, не уходят со сцены очень долгое время. К таким методическим подходам в первую очередь относится грамматически-переводной метод (grammar-translation), который практиковался ещё в средневековой Европе и вплоть до конца девятнадцатого века являлся единственным подходом к изучению древних и иностранных языков. В 1870-е годы с ним начинает конкурировать метод, разработанный профессором одного из колледжей небольшого городка Провиденс в штате Род-Айленд, США, Максимилианом Берлицем. Почти одновременно была основана компания «Международное общество школ Берлица». В настоящее время существует компания Berlitz Corporation, штаб-квартира которой находится в г. Принстон, штат Нью-Джерси, США. Более 560 учебных центров этой компании ведут образовательную деятельность в 70 странах мира. Основное отличие этого метода состоит в том, что обучение с самого начала ведётся на изучаемом иностранном языке, без перевода и объяснений на родном языке обучаемых.

Долгожительство и распространенность этого метода объясняется не только успехами его применения, но и прагматическими обстоятельствами. При использовании прямого (беспереводного) метода иностранному языку в группе одновременно могут обучаться носители разных языков. Преподаватели могут работать в любых странах мира, не владея местными языками. Учебные пособия могут находить спрос по всему миру без подготовки специальных изданий, ориентированных на обучение аудитории конкретных стран. Так как в данном методе основной упор делается на развитие навыков разговорной речи, этот метод в первую очередь привлекает тех, для кого общение на иностранном языке ограничивается ходовыми фразами на бытовом уровне и у кого нет времени или терпения для менее поверхностного изучения. В новейших модификациях даже этого метода признается необходимость чтения для выхода на более высокие уровни владения языком.

Позже появился целый ряд методик, стремящихся усовершенствовать и дополнить этот метод, который всё же не обеспечивал овладения языком на достаточно высоком уровне. Так возникали, становились чрезвычайно популярными и некоторое время широко использовались такие методы, в большей или меньшей степени производные от метода Берлица, или использующие отдельные его приемы, как аудио-лингвистический метод (audio-lingual), метод с парадоксальным названием «Silent Way», суггестологический метод или метод полного погружения (suggestology and total immersion), метод физического реагирования (total physical response), лексико-грамматический метод, коммуникативный метод или коммуникативный подход (communicative approach). В целом же стороннему наблюдателю или желающему быстро овладеть иностранным языком история развития методик преподавания иностранного языка может представляться историей постоянных неудач и невыполненных обещаний. Для этого существуют объективные причины. Универсализация и абсолютизация в методике противоречат рационализации. «При рациональной методике дело идет быстрее, хотя как раз рациональная и нелживая методика ориентирует учащегося на овладение большими объемами материала, причем материала первоначально стилистически нейтрального. Задача методики заключается не в том, чтобы создать иллюзию достаточности для недостаточного материала, а в том, чтобы сделать овладение достаточным материалом не очень трудным и при этом интересным и полезным делом» [2, 73].

Несмотря на интенсивные исследования и достижения в области психолингвистики, педагогики и нейрофизиологии, пока не раскрыта главная тайна, хранимая природой – как именно ребёнок овладевает языком. Возможно, более глубокое понимание природы и механизмов процесса овладения речью могло бы помочь кардинальным образом улучшить методы изучения иностранных языков. Возможно, и нет. Механизмы и этапы этого естественного процесса, через который проходит каждый человек, не осознаются и не фиксируются в памяти ребёнка. Процесс усвоения первого языка осуществляется в возрасте, когда человек ещё не обладает способностью самоанализа. Исследователи могут изучать этот процесс только извне, наблюдая за проявлением и развитием речевой деятельности детей. При этом важно отметить, что понимать устную речь ребёнок начинает путём усвоения, а овладение письменной речью (чтением и письмом) достигается с помощью обучения. Даже в тех случаях, когда чтению обучаются самостоятельно, необходимы учебные пособия и помощь людей, владеющих чтением. Фундаментальным различием между овладением устной и письменной речью является также то, что овладение второй речевой способностью осуществляется при условии владения первой. Ребёнок учится распознавать в тексте графические формы *слов*, которыми он уже умеет пользоваться в устной коммуникации. На более поздних этапах развития языковой личности чтение становится основным источником пополнения словарного запаса всё новыми единицами, многие из которых ранее не встречались читающему в устной форме. В школьном возрасте индивидуальный словарный запас пополняется на каждом из изучаемых предметов, включая занятия по физической культуре, труду и т.п. Процесс изучения иностранного языка в школе и ВУЗе резко отличается от процесса усвоения первого языка.

При том, что к настоящему времени известно большое количество традиционных, новых и новейших подходов к преподаванию иностранного языка, достаточные и необходимые условия (слагаемые успеха), выполнение которых требуется для овладения иностранным языком, всегда остаются прежними. Эти условия включают знание достаточно большого количества слов, моделей их формообразования, синтаксической сочетаемости, понимание не только письменной, но и устной речи (что намного труднее), умение правильно выражать мысли на изучаемом языке. А так как физиологические и психические способности человека со времен, например, античности существенно не изменились, современному человеку, изучающему иностранный язык, приходится преодолевать всё те же трудности на пути целенаправленного изучения иностранного языка, а именно: запоминать слова, изучать грамматику и выполнять тренировочные упражнения, а также много читать, слушать звучащую речь и говорить на изучаемом языке. «Иностранный язык – это крепость, которую нужно штурмовать со всех сторон одновременно» [7, 167], читая учебную, художественную, научно-популярную, публицистическую и специальную литературу, слушая радио, просматривая фильмы, пересказывая их содержание.

Современные средства обучения (учебники с красочными иллюстрациями и грамматическими таблицами, аудиоматериалы и учебные фильмы, электронные словари и обучающие программы, возможности образовательной среды) существенно облегчают изучение, делают учебный процесс более приятным и менее утомительным, но не избавляют от необходимости запоминать слова, изучать грамматику, читать, слушать и говорить.

Студентам, специализирующимся в изучении иностранных языков, легче выполнять это требование, так как учебные планы предусматривают большое количество аудиторных занятий и самостоятельной работы. Преподавание иностранного языка студентам других направлений осуществляется в условиях, которые в гораздо меньшей степени благоприятствуют быстрому достижению даже начальных уровней языковой компетенции. В учебных планах намного меньше аудиторных занятий и времени, которое студенты могут уделить самостоятельной подготовке. Так как увеличение количества аудиторных занятий по иностранному языку не предвидится, возрастает роль самостоятельной подготовки. В таких условиях успешность изучения намного больше зависит от правильного **выбора метода**, педагогических приемов и общей организации изучения. Кратко рассмотрим теоретические обоснования выбора современных методик, не останавливаясь на детализации терминов, несущественной в данном контексте (например, без уточнения терминологических различий между *подходом*, *методом* и *приемом*).

В современной зарубежной лингводидактике обычно выделяют два основных подхода, выбираемых в качестве **теоретической базы** для разработки и практического применения

того или иного метода преподавания иностранного языка, а также смешанный или центристский подход [4, 67; 71]. **Первый** из основных подходов, который обычно называют эмпирическим, при обучении иностранному языку опирается на подражание образцам и выработку автоматизма воспроизведения в упражнениях. Таким образом, усвоение и изучение иностранного языка при таком подходе практически приравнивается к выработке серии условных рефлексов. Теоретической языковедческой базой этого подхода является эмерджентизм, т.е. признание того, что языковая способность формируется, постепенно вырабатывается, появляется (*emerges*) в результате обучения. В различные этапы развития методик преподавания, базирующихся на этом подходе, существовало различное отношение к роли и месту чтения в организации учебного процесса – от почти полного игнорирования до признания важности регулярного внеаудиторного чтения на более продвинутых этапах обучения.

Второй из основных подходов, иногда называемый теоретическим, базируется на теории иннатизма (от английского *innate* - врожденный) и признает врожденность языковой способности человека, исходя из представлений о генетически наследуемой глубинной «универсальной грамматике» [13], понимаемой не как система правил, а как конечный набор фундаментальных принципов, общих для всех языков. Согласно разработанной Н. Хомским «теории принципов и параметров», а также постулируемым сторонниками Н. Хомского положениям о том, что человек обладает способностью производить (*generate*) высказывания, никогда ранее не производившиеся, но которые при этом являются грамматически правильными и понятными для других носителей данного языка, овладение языком рассматривается как взаимодействие генетически наследуемых принципов универсальной грамматики с параметрами усваиваемого языка [22; 24].

По мнению одного из наиболее известных методистов, опирающихся на теорию «принципов и параметров», Стивена Крашена [17; 18], успешное овладение иностранным языком требует не столько целенаправленного сознательного изучения грамматических правил и многократного выполнения упражнений, сколько коммуникативно-значимого (информационно-наполненного) и естественного взаимодействия на иностранном языке. Согласно этой теории, при овладении иностранным языком задействуются **две системы**: «усвоенная (*acquired*) система» и «выученная (*learned*) система».

Первая является продуктом подсознательного процесса, очень похожего на усвоение первого (родного) языка ребёнком. Усвоение иностранного языка путем взаимодействия генетически наследуемых универсальных «принципов» и актуальных «параметров» усваиваемого языка осуществляется при коммуникации в естественной (в отличие от учебной, тренировочной) ситуации, т.е. при коммуникации с целью получения/передачи информации, представляющей экстралингвистический интерес для коммуникантов. Вторая, «выученная система», является продуктом целенаправленного изучения языка: морфологии, грамматики, лексической сочетаемости и т.п. При этом усвоенная система является наиболее важной для успешного овладения иностранным языком. Отмечается, что в отличие от процесса изучения языка, при котором проявляется индивидуальная психологическая вариативность, усваивание языка осуществляется единственным для всех индивидов образом – через восприятие передаваемой по слуховым или зрительным каналам информации. В методиках, базирующихся на данном теоретическом подходе, чтению отводится исключительно важная роль. Чтение, т.е. извлечение информации из письменного текста, как вид естественной (не учебной) коммуникации, является наиболее эффективным средством усвоения иностранного языка. При этом подчеркивается важнейшая роль усвоения не только для развития способности восприятия письменной и устной речи, но и важнейшая роль для развития активных компетенций, необходимых для порождения письменной и устной речи на иностранном языке. Именно «усвоенная система» инициирует порождение речи, а «выученная система» лишь частично контролирует правильность порождаемой речи.

Интенсивное чтение не только способствует пополнению словарного запаса наиболее естественным образом, но и даёт более полное и верное представление о значении усваиваемых слов, их грамматических свойствах и лексической сочетаемости. Даже самые подробные словари и учебники могут представить лишь часть информации, необходимой для

правильного использования изучаемых лексем. Исследования в области значения [15] убедительно демонстрируют, «что даже *«простейшие»* значения, используемые нами в повседневной жизни, вовсе не являются *«простыми»*: за ними стоят *«сложнейшие когнитивные операции, которые не могут быть напрямую переданы языковыми формами.»* [4, 232]. Лишь многократная встречаемость слова в различных контекстах способствуют формированию всё более полного представления о «значении» этого слова. С точки зрения ситуационного (событийного) подхода к трактовке значения «для пользующегося языком человека значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п.» [4, 203]. Объемный текст (рассказ, повесть, роман, научно-популярная статья) предоставляет огромное количество взаимодействующих фреймов и возникающих ментальных моделей, необходимых для всё более полной реализации значения слов.

В отечественной лингводидактике сложнее охарактеризовать множество существующих методик по признаку их принадлежности к эмпирическому или теоретическому направлению. Целый ряд научно-исследовательских организаций, коллективов и методических объединений работает над проблемами преподавания и изучения иностранных языков. В своих подходах к разработке методик они опираются как на достижения отечественных лингвистов, психологов, нейрофизиологов, педагогов (И. М. Сеченова, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии, А. Н. Леонтьева, Н. И. Жинкина, А. А. Залевской, И. А. Зимней, А. Г. Козинцева, Н. В. Уфимцевой, Т. В. Черниговской и многих других), так и на работы известных зарубежных ученых и специалистов. При этом отечественную психолингвистику (ПЛ) и основывающуюся на её достижениях лингводидактику отличает то, что «российские ученые задолго до возникновения ПЛ заложили теоретические основы трактовки языка как достояния человека, акцентируя внимание на специфике языка как психического феномена, развивающегося у индивида параллельно с познанием мира и становлением его как личности» [4, 505]. Многое из того, к чему зарубежная лингвистика пришла лишь к концу XX века, высказывалось выдающимися представителями российского языкознания ещё в предшествующем столетии. «К сожалению, это игнорировалось последующими поколениями исследователей вследствие слепого принятия тех или иных популярных лингвистических концепций, с позиций которых инакомыслие не допускалось» [4, 505].

Внедрение разрабатываемых в настоящее время методик проводится на более демократической основе. В современной педагогической практике выбор того или иного подхода, метода и приемов изучения иностранного языка обычно определяется предпочтениями самих преподавателей и основывается на личном опыте изучения и преподавания, условиями и конкретными (ближайшими или более отдаленными) целями обучения.

В зарубежной лингводидактике последних десятилетий активно обсуждается метод, получивший широкое распространение благодаря его успешному применению на разных уровнях изучения иностранного языка. В англоязычной методической литературе он упоминается под разными названиями: Extensive Reading, Free Reading, Book Flood, Graded Reading [12; 14; 18]. В отечественной лингводидактике обильное чтение всегда считалось необходимым условием успешного изучения иностранного языка (см., например, [1]). При этом всегда подчеркивалась необходимость обильного чтения для развития навыков восприятия не только письменной, но и устной речи, а также для говорения: «Формирование навыков адекватного восприятия текста в рамках обильного чтения, как многократного упражнения в рецепции, не может при этом не сказаться на формировании навыков его адекватного восприятия на слух, так как в основе этих двух видов речевой деятельности – чтения и аудирования – лежат соотносимые умения. [6, 207]. Возможность регулирования темпа чтения (т.е. скорость поступления информации) и «направление чтения» (т.е. возвращение к ранее прочитанной части и перечитывание), наличие преимуществ сегментации и стабильности входного сигнала, воспринимаемого через зрительный канал (буквы, слова, синтагмы, предложения, сврехфразовые единства) позволяют читать тексты опережающей сложности по сравнению со звучащей речью.

Роль чтения является ведущей в достижении подлинного овладения иностранным языком на самом высоком уровне, в первую очередь в части истинного, а не кажущегося, овладения лексикой. Убежденный сторонник метода обильного чтения, успешно использовавший и пропагандирующий его в течение многих лет, Г. И. Богин пишет: «Основные средства выражения

на том или ином языке восходят к лексике и грамматике этого языка, равно как и к правилам лексической и грамматической сочетаемости, присущим этому языку. Очевидно, владение таким материалом не может быть достигнуто только на основе подстановочных упражнений, "работы над темами" или "отработки типичных реакций" в устных актах, почему-либо относимых тем или иным методистом к тому, что ему кажется "разговорной речью". От всех подобных процедур так же далеко до разговорной речи (да и всех других реально существующих или возможных субъязыков любого языка), как от земли до неба.» [2, 73]. Высоким достижениям в овладении иностранным языком «непременно должна предшествовать огромная работа по освоению лексического и грамматического материала» (там же), постоянная рефлексия о значении осваиваемых языковых средств, их семантических связях с другими лексическими и грамматическими единицами. Приоритетность и экстенсивность (регулярность, объёмность) обильного чтения в учебном процессе «не исключает, а скорее предполагает интеграцию соотносимых речевых умений, реализующих эти рецептивные виды речевой деятельности для решения одной коммуникативной задачи» [6, 208]. Такая взаимосвязь лежит в основе предметно-ориентированного подхода, который активно поддерживают и применяют преподаватели иностранного языка неязыковых ВУЗов и факультетов. С помощью обильного чтения осуществляется не только рецептивное взаимодействие коммуникативных навыков, но и рецептивно-репродуктивное. Умения и навыки, сформированные при восприятии письменной и устной речи, влияют на развитие способности создавать письменные тексты и устные высказывания, владеть письменной и устной речью [6]. Достижение стилистической компетенции в иностранном языке вообще невозможно без выполнения условия регулярного чтения текстов различных жанров.

В отечественной и зарубежной педагогике существует несколько классификаций видов чтения [5, 23]. При классификации по признаку целевой установки различают изучающее чтение, ознакомительное чтение, просмотровое чтение, поисковое чтение. При чтении на иностранном языке различают чтение без перевода (при котором содержание прочитанного понятно читающему и перевод не требуется) и чтение с переводом (обычно на начальном этапе обучения). По уровню понимания читаемого на иностранном языке отличают понимание основного содержания текста (экстенсивное чтение) от извлечения как можно более полной информации из текста (интенсивное чтение). При этом следует отметить, что «понимание основного содержания» текста не должно сводиться к примитивной семантизации «с пятого на десятое», т.е. к изобретению собственных смыслов для слов и оборотов, действительное значение которых неизвестно читающему, но которые «подходят» для данного контекста. При таком «чтении» возникает лишь иллюзия понимания, которая только вредит процессу изучения языка.

Даже на начальных этапах успешному изучению иностранного языка в огромной степени способствует систематическое и планомерное обильное чтение (ежедневное и в объеме не менее 4-6 страниц) адаптированных для каждого этапа и обеспечивающих полное понимание текстов. Для лёгкости чтения тексты сопровождаются постраничными словарями. В электронной версии после каждой ежедневной порции текста даются элементарные тестовые задания, которые способствуют правильному усвоению значения и запоминанию иностранных слов. Ежедневное чтение эффективно обогащает словарный запас и постепенно вырабатывает всё более полное и правильное представление о семантике многозначных слов, их коллигации и коллокации (т.е. грамматической и лексической сочетаемости). Многократная встречаемость различных типов грамматических конструкций также способствует выработке правильного представления об их значении и функциях в речи, запоминанию и правильному использованию.

Лексическая насыщенность и грамматическая сложность текстов постепенно и планомерно возрастают. Время, требуемое для достижения этапа перехода к чтению неадаптированной литературы, зависит от уровня языковой подготовки на момент поступления в ВУЗ. При среднем уровне начальной подготовки регулярное самостоятельное чтение даёт возможность перейти к чтению неадаптированной литературы, лишь изредка обращаясь к словарю, через 2-3 года. Способность читать неадаптированную литературу открывает совершенно новые возможности самостоятельного совершенствования в знании иностранного языка. Овладев этой способностью, изучающий поднимается на качественно новый уровень. Чтение неадаптированной литературы является важнейшим условием овладения навыками понимания естественной

(неадаптированной, неупрощенной) звучащей речи на иностранном языке в полном объёме (а не частичного понимания). Только благодаря чтению вырабатывается умение подбирать необходимые слова и правильно использовать их в высказываниях на иностранном языке [6].

В качестве материала для чтения помимо адаптированных книг отечественных и зарубежных издательств можно использовать подготовленные преподавателями аутентичные тексты различных жанров и стилей, снабженные постраничными словниками и грамматическими комментариями. Тематика текстов может быть самого широкого диапазона, соответствующего профессиональным и личностным интересам читающей аудитории. К разработке таких пособий можно привлекать студентов лингвистических направлений в рамках курсовых и дипломных проектов. Одним из видов работы с текстами в рамках практического курса является чтение текстов с помощью электронного словаря и создание постраничных глоссариев с толкованием значения и переводом иностранных слов на русский язык. После проверки этого вида работы преподавателем обработанные таким способом тесты могут использоваться для интенсивного чтения другими студентами. Таким образом, экономится время, затрачиваемое на поиск перевода и толкования значения слов. Кроме того, при такой организации учебного материала студенты получают возможность самостоятельно анализировать соотношение значения слов изучаемого языка со значением слов, используемых для их перевода на русский язык.

Нельзя недооценивать и необходимо различать роль и назначение заданий по переводу отдельных частей текста на родной язык, а также специально подготовленных заданий по переводу на иностранный язык. При этом эти два вида перевода являются «педагогически почти не родственными упражнениями» [2, 78]. При переводе текста с иностранного языка на родной осуществляется активная речевая деятельность только на родном языке. Это работа по выбору языковых средств выражения именно на родном языке (сколько бы вариантов перевода ни рассматривалось). Тем не менее, устный или письменный перевод с иностранного языка на русский может периодически использоваться для контроля понимания прочитанного.

При переводе же с родного языка на иностранный осуществляется активная речевая деятельность как раз на иностранном языке. Практика показывает, что этот вид деятельности является гораздо более напряженным и многоуровневым, более приближенным к реальной коммуникации, чем выполнение подстановочных упражнений, пересказ текста или ответ на вопросы по тексту. Не стоит забывать, что большинство противников использования перевода при обучении иностранным языкам просто не имеют выбора (не владеют первым языком обучаемой аудитории). Из сказанного не следует полное отрицание прямого беспереводного метода и его приемов, использование которых возможно и результативно на определенных этапах обучения в разумных пределах, без абсолютизации.

Всем вышесказанным о методе обильного чтения можно руководствоваться при изучении иностранного языка студентами нелингвистических направлений. Ещё большее значение имеет обильное чтение для изучения иностранного языка студентами направления «Лингвистика». Повторим сказанное Г. И. Богиным о рационализации методики: «Рационализация в методике начинается с отказа от универсализаций и абсолютизаций. Например, часто отмечают, что словоупотреблению и грамматической сочетаемости второго языка лучше всего учиться на практике, в частности – именно употребляя слова в речи и строя их сочетания по грамматическим нормативам. Само по себе это верно, но часто получается так, что расширение устной практики в этой области только укореняет ошибки – даже если их пытается исправлять преподаватель: ведь материал для говорения и аудирования может оказаться очень обширным, а вех для указания на необходимость на миг остановиться для рефлексии над наличным опытом использования языка может оказаться мало.»

В современных условиях весьма эффективным оказывается использования аудиокниг, как средства сочетания письменной и звучащей речи. Прослушивание аудиокниг дает огромный материал для совершенствования навыков восприятия устной речи и возможность последующего самоконтроля понимания с помощью печатного текста. В отличие от кинофильмов, в аудиокнигах нет зрительного ряда повествования. Все события, ситуации, обстановка, внутренний мир и внешность действующих лиц описываются вербально, с помощью слов. Речь здесь является единственным средством коммуникации, единственным средством создания образов и

представлений в сознании читающего или слушающего. Поэтому текст книги гораздо насыщеннее лексически. Интенсивность передачи информации вербальными средствами в книжном тексте в несколько раз превосходит по лексической насыщенности и плотности в единицу времени интенсивность вербальной коммуникации с помощью видеосредств (фильмы, телеспектакли, телепрограммы). С экрана также звучит речь (монологи, диалоги, дискуссии), но обстановка, пейзаж, внешность и поведение действующих лиц, разворачивающиеся события (баталии, погони, перестрелки и т.п.) воспринимаются зрительно. При возможности использования видеоряда слово теряет своё абсолютное господство. Отсюда и сравнительная ограниченность словаря мало читающего «видео-поколения» (visual generation). Конечно, нельзя отрицать или приуменьшать огромную коммуникативную роль зрительной информации, и во многих случаях она незаменима: «A picture is worth a thousand words», но в процессе овладения языком кино и телевидение не могут заменить книгу, хотя они также относятся к необходимым и важным мультимедийным средствам обучения. Недавно появилась новая возможность использования кинофильмов в изучении иностранного языка – опция закадрового повествования о всём происходящем на экране. При восприятии такого текста помимо опоры на перевод или словарные дефиниции значения используемых в повествовании слов, слушающий имеет в своём распоряжении визуальное представление о характере действий и описываемых ситуаций. Трудно вообразить более полный контекст для усвоения значения лексических единиц.

Интенсивное чтение естественным образом вписывается в предметно-ориентированный подход к овладению иностранным языком (Content Based Instruction). Чтение учебной и научной литературы по специальности и смежным направлениям на иностранном языке естественным образом сочетает получение новой и актуальной для данной читающей аудитории информации с процессом усвоения иностранного языка. В этом заключается основной принцип предметно-ориентированного подхода. На кафедре лингвистики ряд теоретических лингвистических дисциплин читается на английском языке. Для самостоятельной работы по темам курсовых и выпускных работ рекомендуется научная литература на изучаемых иностранных языках. Выпускная аттестационная работа выполняется на английском языке.

Близким к предметно-ориентированному подходу является CLIL (Content Language Integrated Learning). Уже в течение нескольких лет Европейский Союз финансирует проект по разработке и созданию учебных ресурсов, а также ресурсного центра для более широкого и успешного использования данного подхода к преподаванию иностранного языка. Руководящие органы системы образования многих европейских стран поощряют и иницируют на всех ступенях образования (в школе и ВУЗе) преподавание ряда дисциплин на иностранном языке. Таким образом, с помощью CLIL при прежнем количестве учебного времени увеличивается интенсивность преподавания и успешность усвоения иностранного языка, повышается мотивация и демонстрируются преимущества владения иностранным языком. Учащиеся на практике убеждаются в том, что овладение иностранным языком доступно всем. Процесс изучения языка не делится на части по принципу «сначала изучение, потом применение». Отметим, что в нашей стране уже многие десятки лет существуют школы с преподаванием ряда предметов на иностранном языке. Многие ВУЗы готовили преподавателей истории, географии, физики и др. для таких школ.

На иностранных языках преподаются чаще всего история, география, иностранная литература, иногда другие предметы. Изучение общеобразовательных дисциплин невозможно без чтения учебной литературы. Например, чтение учебной литературы по истории требует овладения большим количеством лексических единиц из области культуры, различных отраслей науки и техники, политики и международных отношений. Часть этой лексики остается в пассивном словаре, часть используется активно на занятиях и остается в активном словаре общезыкового слоя лексики. Такая лексика необходима для чтения периодики, понимания письменных и устных информационных сообщений, для бесед на различные темы, а также для продолжения образования.

Образовательная программа направления «Лингвистика» включает преподавание на иностранном языке краткой истории и культуры англоязычных стран. Задача этой дисциплины состоит не только в том, чтобы сообщить студентам сведения об историческом развитии, культурных достижениях и национальной специфике этих стран, но и существенным образом пополнить словарный запас учащихся лексемами из этих областей. Кроме того, в программу

магистратуры этого направления включен практический курс «Иностранный язык для научных целей», преподаваемый по системе предметно-ориентированного подхода. Студенты изучают конкретные проблемы лингвистической семантики по учебникам и научным публикациям на английском языке. Так как семантика связана со всеми разделами лингвистики, подготовка к занятиям по данному практическому курсу иностранного языка одновременно является теоретической подготовкой к государственному экзамену, способствует успешной работе над магистерской диссертацией и повышает уровень владения иностранным языком.

Обобщая сказанное, повторим, что практика преподавания и специальные исследования, говорят о том, что для полноценного изучения иностранного языка требуется регулярно уделять достаточно много времени самостоятельному чтению и планомерной работе с текстами. Расширение устной языковой практики, неподкрепляемое регулярным чтением, зачастую ведёт к укоренению ошибок в выборе и использовании слов. И наоборот, рефлексия по поводу значения впервые встречаемых слов в печатном тексте, а также уже знакомых слов в новых контекстах, позволяет избегать потенциальных ошибок. Обращение к словарям является обязательным условием работы с текстом. Умение работать со словарем и запоминание форм и значений слов – тема отдельного обсуждения.

Библиографический список:

1. Апполонская Н.Р. Вопросы домашнего чтения в преподавании иностранного языка в техническом вузе: Дисс. канд.пед.наук Л., 1946.
2. Богин Г. И. Герменевтически и риторически ориентированная методика обучения // Русский язык за рубежом. – М., 2000. Ч. 72-82.
3. Жиркова О.П. Методика проведения экстенсивного домашнего чтения произведений художественной литературы при обучении немецкому языку студентов второй языковой специальности педагогического вуза. Диссерт. канд. пед. наук. Владимир, 2004.
4. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Издательский центр РГГУ, 2007.
5. Калистра И. Д. Чтение с предварительно снятыми трудностями понимания. // Вопросы обучению устной речи и чтению на иностранном языке. 2003, № 4. — С. 23–28.
6. Клеменцова Н. Н. Текст в обучении иностранному языку. // Вестник МГИМО Университета, №5 (26) / 2012. С. 204-208.
7. Ломб К. Как я изучаю языки. (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/lomb/index.php).
8. Никшикова Л. Ю. Историко-педагогические основы преподавания иностранных языков в России XIX - начала XX в.в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Нижний Новгород. НГАУ. 2007..
9. Рахманов И.В. (отв. редактор). Основные направления в методике преподавания иностранных языков в XIX-XX вв. М.: Педагогика, 1972.
10. Пласкина М. В. Анализ современных теорий обучения чтению на иностранном языке [Текст] / М. В. Пласкина // Проблемы и перспективы развития образования: материалы V междунар. науч. конф. (г. Пермь, март 2014 г.). — Пермь: Меркурий, 2014. — С. 133-136.
11. Фоломкина С.К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. // Общая методика обучения иностранному языку. -М.: Русский язык, 1991. С. 253-261.
12. Bell, T. Extensive Reading: Why? and How? IV (12), The Internet TESL Journal. 1998.
13. Chomsky, N. On Nature and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
14. Coady, J.; Huckin, T.N. L2 vocabulary acquisition through extensive reading. Second Language Vocabulary Acquisition: A Rationale for Pedagogy. Cambridge University Press, 1997.
15. Fauconnier, G. & Turner, M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.
16. Krashen, S. Principles and Practice in Second Language Acquisition. Prentice Hall International, 1987.
17. Krashen, S. Second Language Acquisition and Second Language Learning. Prentice Hall International, 1988.

18. Krashen, S. We Acquire Vocabulary and Spelling by Reading: Additional Evidence for the Input Hypothesis // *The Modern Language Journal* 73 (4), 1989, pp. 440–464.
19. Krashen, S/ Defending Whole Language: The Limits of Phonics Instruction and the Efficacy of Whole Language Instruction // *Reading Improvement* 39 (1), 2002, pp. 32–42.
20. Laufer, B. The lexical plight in second language reading - Words you don't know, words you think you know, and words you can't guess // J. Coady & T. Huckin, eds., *Second Language Vocabulary Acquisition*, Cambridge University Press, 1997, pp. 20–34.
21. McQuillan, J.; Krashen, S.D. Commentary: Can free reading take you all the way? A response to Cobb (2007) // *About Language Learning & Technology* 6 (27), 2008, pp. 104–109.
22. Pinker, S. *The Language Instinct. The New Science of Language and Mind*. Penguin Books, 1994.
23. Pinker, S. *How the Mind Works*. Penguin Books, 1997.
24. Pinker, S. *Words and Rules. The Ingredients of Language*. Phoenix, 1999.

Morozov V.V. Intensive reading and content-based learning of foreign languages

The learner's objectives in mastering a foreign language remain the same – knowing a sufficient number of words, the models of their form building, lexical combinability, comprehension of written and oral speech, proficiency in putting across one's meaning, observing the stylistic requirements. Extensive (or abundant) reading provides conditions for an interaction not only of perceptive, but also of perceptive-reproductive competences. Abundant reading can be seen as an organic part of the more comprehensive progressive approaches – content-based instruction, and content and language integrated learning (CLIL). The paper briefly reviews the history of foreign language instruction, summarizes the collective experience in this field in relation to reading, offers practical recommendations for more effective learning of foreign languages by students of different departments.

Key words: foreign language, FLT and SLT methods, intensive reading, comprehension, lexical meaning, combinability, content-based instruction, content and language integrated learning (CLIL).